ЗСК 27222

Революция и война

1922 г.

сб. 14/15. 05/882б

Год издания III-й. Сборник 14—15.

Революция и война.

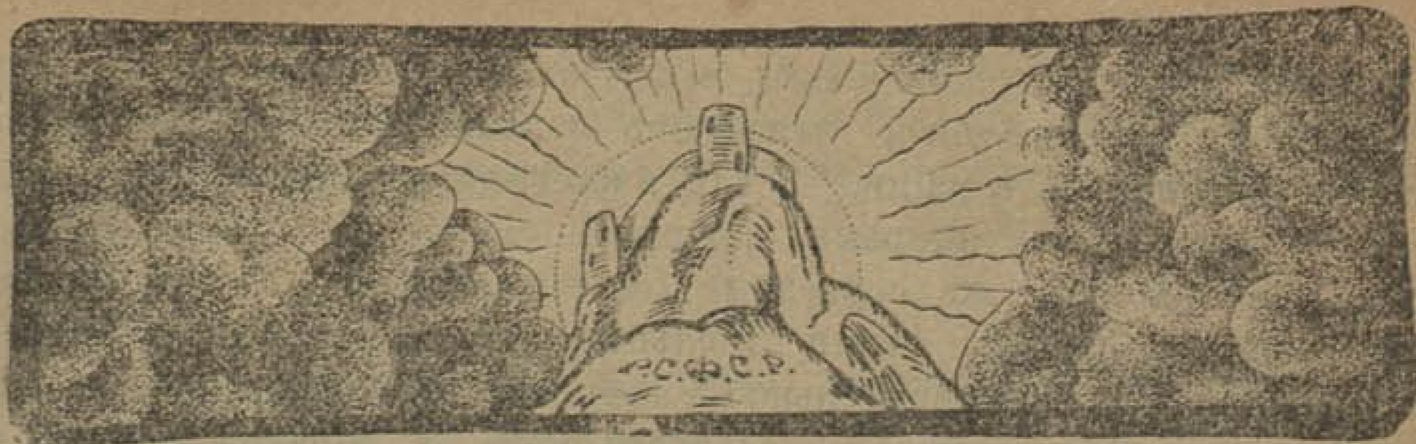
Научный военно-политический журнал.

Орган В. Р. С. и военно-научного клуба западного фронта.

1922.

Содержание:

М. Лузгин.

Единое военно-политическое воспитание.

I.

К вопросу о единстве политической и просветительной работы мы подошли практическим путем. Кто знает, если бы политические задачи антирелигиозной пропаганды не показали бы нам необходимости распространения естественных знаний, если бы на эту же самую необходимость не натолкнула нас практическая задача организации производственного сознания сельско-хозяйственного населения и т. д. и т. д., многие из нас может быть и до сих пор предполагали, что достаточно красноармейцу слушать беседы политрука и вовсе необязательно, кроме того, знать географию и уметь оперировать с дробными числами.

Ныне стоящие перед нами задачи, необычайной трудности и действительной актуальности, выясняют нам еще один, более узкий момент, бывший еще недавно *в его теперешнем понимании* практически полезным, а ныне в диалектическом процессе нашего роста приобретающий противоположное значение.

Если до 20 года вся вообще политпросветительная работа делилась на две отдельные группы, то в Красной Армии тогда она дробилась на три, внешне совершенно самостоятельные, именно: 1) политическую, 2) обще-образовательную, 3) военно-воспитательную. Теперь, и до сегоднешнего дня, здесь сохранились две группы, продолжающие отстаивать взаимную самостоятельность и независимость, именно: политпросветработа и военное воспитание.

В первые годы гражданской войны, когда нашей прямой и единственной по существу задачей в области создания вооруженной силы было доказать крестьянину, что ему нужен союз с нами против генерала и помещика, в это время, когда в качестве командного состава мы должны были привлекать спецов, старых офицеров империали-

стической армии, идущих к нам только в силу необходимости, в это время такое деление было неизбежно. Организационно оно выявилось и закрепилось в наших частях в институте комиссаров и политруков наряду с командирами. Военспец делал свое дело. «Политспец»—свое. Первые же серьезные бои показали, как важна, однако, согласованность между этими отдельными отраслями. Так, например, поставленная удовлетворительно в военном отношении 35 дивизия, благодаря своей политической слабости, едва не сорвала нам в боях под Петропавловском победу над Колчаком. Правда, в этом случае мы имели дело не только с политически невоспитанными частями, но и с политически неблагонадежными командирами, однако, дальнейший опыт не замедлил показать, что части, где политическая работа поставлена неудовлетворительно, не делаются боеспособными, имея только (хотя бы и отличную) военную подготовку.

Так или иначе, но теперь уже не найдешь такого командира, который бы, получив боевое назначение, не интересовался бы в первую очередь: «а сколько в части коммунистов, а как поставлена политпросветработа», и т. д., и т. д., ибо, коль скоро ему самому с этой частью нужно итти в бой, он должен знать боеспособность ее и практически он уже успел усвоить, что последняя определяется прежде всего политическим состоянием части. Но не только в бою сказывается политическое состояние частей. Самый процесс их военной организации и обучения зависит от политпросветработы: Если ее нет, если уровень сознательности красноармейцев низок, у военспеца остается только один метод воздействия—наряд и пр., то, что попросту называется „палкой“. Насколько трудно в Красной Армии, даже в тылу, все основывать на голом принуждении, это, вероятно, очевидно для всех без исключения военных работников.

Вследствие изложенного, вопрос о согласованности между политпросветработой и военной подготовкой стал в порядок дня военной работы, как один из основных и важнейших вопросов. В нем выявилась та связь, то внутреннее единство, которое существует между политпросветительной и военно-воспитательной работой, единство незаметное извне, на первый взгляд, но сказывающееся с чрезвычайной болезненностью на конечных результатах, если указаний согласованности и соответствия не существует.

Практически вопрос о согласованности был формулирован, как вопрос о единоначалии.

Однако, несмотря на то, что он был поставлен не только в плоскости теоретического обсуждения, но и для практического проведения в жизнь, несмотря на то, что сейчас единоначалие стало по существу почти совершившимся фактом, положение не было продумано до конца, не были сделаны все вытекающие из него выводы.

Теперь уже представляется вполне ясным, что он получил свое разрешение, сделав ненужным политический контроль над началь-

ником и возложив *ответственность* за политическое состояние войск на одно лицо, отвечающее одновременно и за их военную подготовку.

Повидимому, дальнейшего углубления этого вопроса и не предстоит.

II.

Стремление отыскать формулу соотношения, существующего между экономикой и политикой страны и ее стратегией, нашло себе выражение в поисках некоей „единой военной доктрины“ Красной Армии. Некоторые товарищи, пустившиеся в эти поиски, увлеклись абстрактными положениями голого теоретизирования. Другие пытались дать формулировку практических выводов, вытекающих из этих положений.

В частности—здесь мы считаем необходимым остановиться на статье тов. Соломина в первом номере журнала „Военная Наука и Революция“. Детальный разбор ее дал т. Троцкий в своей брошюре „Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство“ и мы отсылаем интересующихся товарищей к этой работе.

Нас же интересует в статье Соломина только один частный момент. Именно, в ней мы находим попытку, путем решения вопроса о характере будущих революционных войн, вывести и определить *задачи нашей воспитательной работы* (след. полит. просветительной, в современной терминологии) в красноармейских массах.

По мнению автора, наша стратегия должна быть наступательной и наша армия должна готовиться к таким войнам; задача воспитания—организация идеологии красноармейцев, в направлении грядущего наступления, ибо если мы все это сделаем (а это максимум) мы подготовимся и к обороне, так как армия, способная к наступлению, способна и обороняться. Оставляя в стороне вопрос о верности этой мысли, как таковой, мы спрашиваем автора, какие изменения конкретно вносит эта сугубо наступательная позиция в нашу воспитательную работу?

Но на это статья не дает ответа. Та всесторонняя реорганизация, которая вытекает по мнению тов. Соломина из его точки зрения, прежде всего и главным образом должна была бы отразиться на политпросветработе. Ибо, (и это признает автор), для нас самое трудное и важное перевоспитать, переделать пассивную оборонительную идеологию крестьянина кр-ца на революционно-наступательную, активную.

Поскольку конкретных указаний на этот счет нет, постольку и все рассуждения остаются рассуждениями, без малейшего практического значения.

Могло ли быть иначе? —нет, и потому нет, что самый подход к вопросу неверен—сила идеологического воспитания идеалистически переоценена, потому что, сказав: из крестьянских масс *можно* посредством воспитания выковать революционно-наступательную армию, *нельзя сказать, как именно нужно воспитывать, чтобы это сделать.*

Если бы было иначе, зачем бы тогда нам теперь хлопотать о техническом и экономическом базисе для грядущего коммунизма.

Не неосуществимыми задачами выработки внеэкономическим путем из крестьянина—рабочего должна задаваться наша воспитательная работа, но стремлением создать из крестьянского сырого материала армию, стратегически гибкую, способную и к наступательным, и к оборонительным операциям в пределах данной политической оборонительной войны *).

А в рамках стратегии армию, способную не только наступать, но и выдерживать тяжелые условия обороны, требующие колоссальной выдержки и силы духа, надо рассматривать, как наиболее квалифицированную военную силу. Потому, что обороняться не легче, чем наступать.

Каким же образом такая армия может и должна быть создана? Возобновление союза между крестьянами и рабочими, выражением которого является новая экономическая политика, дает нам общую предпосылку существования армии, крестьянской по составу, и в то же время, в конечном счете, служащей интересам *только* рабочего класса, (как общественной группы).

Однако это еще ни в какой мере не определяет, какова же будет эта армия с точки зрения ее военной приспособленности. Будет ли эта армия стройной, организованной и дисциплинированной не только внешне, механически, под давлением аппарата принуждения или же она будет обладать внутренним единством, внутренней организованностью и спаянностью.

На этот вопрос дает ответ практика нашей политпросветработы.

Некогда (не так давно) Колчак, Деникин, Юденич и ряд других белогвардейцев угрожали существованию Советской России.

В нашей агитации мы говорим красноармейцу-крестьянину: „смотри, вот идет генерал, а с ним помещик, который отберет от тебя землю и проч., все, что дала тебе революция, а самого тебя выдерет плетками. Ты не хочешь этого?—разбей генерала и прогони помещика. *Твои классовые интересы диктуют тебе совместную с рабочим классом борьбу с реакцией*".

Наученный нами грамоте красноармеец читал об этом в газетах и брошюрах, слышал от политрука на беседах и в клубе—в конце концов он свои классовые интересы усваивал.

Вот это-то сознание своих социальных интересов, понимание необходимости борьбы, со всеми вытекающими из нее последствиями, давали нашей армии глубокое внутренее единство и сплоченность, создавали идеологическую предпосылку для организаторской и военно-воспитательной работы комсостава.

Здесь коренится, между прочим, источник недоразумения с сознательной дисциплиной, недоразумения, возникшего у тов. Огородни-

*) Для ясности, здесь же отметим что политическое значение войн у тов. Соломина совершенно сливается с их стратегией. М. Л.

кова в его статье „Военная пропаганда и Красная Армия“ (в сборнике 9—10 нашего журнала), где он, вполне правильно отмечая, что сознательная дисциплина вовсе не требует, чтобы в каждом отдельном случае надо было бы раньше подумать и решить, что то или другое подлежит исполнению, что, напротив, в ее мелочах она требует привычки, некоторой механичности (не исключающей, понятно, исполнения „с рассуждением“, с разумной инициативой), он в то же время полагает, что: дисциплина должна быть не сознательная, а убежденная.

Надо раз навсегда убедить человека, что он должен исполнять требования закона, устава и начальника и уже не раздумывать каждый раз над исполнением. Такое убеждение, разумеется, должно быть проведено через сознание *и в этом смысле* (курсив наш) дисциплина должна быть сознательной, *но только в этом смысле, а не в другом.*

Мы полагаем, что именно не в „этом“, а в другом смысле наша дисциплина вправе именоваться сознательной. Тов. Огородников в широком политическом вопросе подошел с узкой военной точки зрения и получилось, что для того, чтобы квалифицировать дисциплину как сознательную, достаточно, чтобы понималась ее безусловная *военная* необходимость. С этой точки зрения петровская дисциплина „с рассуждением“ представляет нам наиболее развитый тип „сознательной“ дисциплины.

Конечно, это не так. Сознательность *нашей* дисциплины заключается в том, что, сознавая свои политико-экономические классовые интересы, красноармеец сознательно приемлет войну и идет служить в армию, тем самым заранее подчиняясь всему тому, на чем основывается всякая армия. Именно это сочетание политического сознания с требованиями военного дела делает нашу дисциплину не только сознательной, но и товарищеской, именно это же отличает ее от всякой другой дисциплины, так как только армия пролетарской революции строится на политической сознательности ее бойцов.

Теперь содержание нашего соглашения с крестьянством несколько изменилось. Теперь речь идет уже не об отражении нашествия помещиков, но о более глубоком экономическом компромиссе, необходимость которого столь отчетливо выявилась, как только закончилась борьба на фронтах (Кронштадт, Антонов, Махновщина). Новое содержание „всерьез и на долго“ вполне удовлетворяет деревню (лучшее тому доказательство—падение Махновско-Антоновских настроений), настолько для него дорого, что в случае угрозы ему извне он охотно станет под ружье только ради одной его защиты, не говоря уже о том, что всякое нападение будет означать и новую опасность нашествия помещиков.

Задачи политико-просветительной работы в Красной Армии и сводятся к тому, чтобы помочь молодому крестьянину-красноармейцу разобраться в своих собственных интересах, понять необходимость обороны, необходимость быть все время в состоянии полной боевой готовности.

Однако и организация политического просвещения еще далеко не исчерпывает вопроса о том, какова будет наша армия.

Ведь мало сознавать необходимость войны. Надо еще уметь воевать. Надо, чтобы наш политический сознательный красноармеец, в ответ на тактические приемы врага, мог ответить еще более блестящими контр-приемами, нужно, чтобы он не только сознавал необходимость дисциплины, но и подчинялся ей, и подчинялся не только механически, но и „с рассуждением", нужно, одним словом, чтобы наша армия обладала бы максимумом чисто военных достоинств, дающих ей сверх политического превосходства над врагом еще и военное.

Задача дать ей это последнее до сих пор возлагалась *только* на командный состав.

Правильно ли это?—Нам кажется—нет, и вот по каким соображениям.

Во-первых, до сих пор значительная часть нашего комсостава, стоя вне политики, к своему делу подходила, если можно так выразиться, „профессионально", внося в него серенький дух будничной надоевшей работы, которая механически повторяется изо дня в день и также будет повторяться, может быть, всю жизнь.

Понятно, при таком отношении обучающего трудно ждать иного отношения и со стороны обучаемого.

Во-вторых, воспитание бойца не сводится только к обучению его ряду технических военных приемов. Необходимо, например, создание традиций частей на основе их боевой истории. Нужно, чтобы подвиги прошлого не забывались, а служили материалом для воспитания новых героев. И понятно, что создание такой традиции не может итти в плоскости только военной. Здесь война и революция неотделимы друг от друга.

Необходимо, таким образом, чтобы кто-то дополнил командира в его работе, внес в нее элемент живого интереса, пробудил бы у красноармейца любовь к военному искусству, стремление совершенствоваться в нем для того, чтобы быть не хуже героев прошлого, но превзойти их своими качествами.

Но это не все.

Подходя к вопросам строительства Красной Армии с самых разнообразных точек зрения, мы сплошь и рядом упускали из вида, что все они, в конце то концов, преследуют одну единственную задачу—выработать такого *воина*, который бы мог побеждать в самых разнообразных и тяжелых (с военной точки зрения) условиях.

Именно вследствие этого до сего времени у нас существует весьма сильная тенденция считать политпросветработу в Красной Армии *самодовлеющей*, а отнюдь не подчиненной.

В действительности, с точки зрения воспитания боеспособной армии, эта задача, не больше не меньше, как средство такого воспитания, как одно из слагаемых, образующих сумму—боеспособную армию. Правда, это слагаемое—не простое слагаемое. Мы знаем, что

его отсутствие в нашей армии повлекло бы невозможность и другого—чисто военного обучения, а, значит, и самой суммы—армии. Но из этого вовсе не следует, что широкие задачи политического воспитания рабочих и крестьян определяют собою организацию военного воспитания или находятся от нее в зависимости. Напротив, *они* определяются и подчиняются вопросам подготовки, из нее должно браться только то, что способствует боеспособности армии. Само по себе, это положение совершенно очевидно. Так, например, никому в голову не придет организовать в армии, в числе ее красноармейских политпросветительных учреждений, хотя бы биологический институт или академию художеств, так как в задачи армии не входит производство биологических исследований и писание картин для выставок. И из биологии, и из области искусств мы возьмем столько, сколько это нам нужно для увеличения боевых качеств бойца, как такового, но не в ущерб им. Если бы армия, вместо того, чтобы сосредоточить свое внимание на военном деле, рассосалась бы по институтам и академиям, имеющим очень отдаленное отношение к вопросам войны, это вряд ли было бы для нее, *как для армии*, полезно. (Понятно, что везде речь идет не о специальных ученых учреждениях, занятых применением к военному делу последних завоеваний науки).

Возьмем другую, чисто политическую область.

Красная Армия самым широким образом участвует в общественной жизни страны, избирает в советы, участвует в с'ездах и т. д. и т. д. Однако, никому не кажется странным то обстоятельство, что это участие мгновенно обрывается, как только частям представляется необходимым взяться за оружие.

И здесь „политика“ подчинена войне, и здесь она допустима только в той мере, в какой это полезно, а не вредно для армии, как для армии.

Мне возразят: где границы, где полезное начинает превращаться в свою противоположность? Вопрос несомненно праздный.

Естественно, что чем больше в области политпросветительного воспитания мы сможем дать красноармейцу—тем лучше и лучше именно с точки зрения повышения боеспособности армии. Но пределы этой возможности положены уже тем самым, что это армия, а не университет. И, именно, эта ограниченность просветительных возможностей как нельзя более ярко показывает их подчиненность требованиям войны и военных качеств бойца.

Тем обстоятельством, что эта подчиненность не осознана до сих пор, об'ясняются такие факты, как беспредметное увлечение наших политпросветорганов, как самоцелью, таким видом просветительной деятельности, которая, имея чрезвычайно далекую связь с делом укрепления армии, в то же время поглощает значительную долю энергии воспитывающего и воспитываемых, причем эта затрата отнюдь не окупается теми результатами, которые получены этим путем в смысле более высоких боевых качеств воспитываемых.

Наиболее распространенный у нас взгляд—это тот, что политработа—сама по себе, военное дело—само по себе. Коль скоро мы хотим строить сильную, могущественную революционную армию—нам с этим взглядом надо покончить раз навсегда.

Политпросветработу необходимо организовать по принципу прямой пропорциональности между ее непосредственным эффектом и теми результатами, кои вызываются им в деле подготовки идеологической почвы для усвоения военных требований или же непосредственно в плоскости их усвоения.

Тогда здесь станет возможным соблюдение еще и принципа экономии, под углом которого возможен пересмотр всей нашей работы. Тогда, быть может, мы будем меньше терять времени в музыкальных кружках, но зато организуем побольше действительно работающих кружков по спорту и по изучению „Азбуки коммунизма“.

Именно тогда мы, наконец, перейдем от разговоров об „организации и методах“ военной пропаганды к ее действительному проведению и осуществлению через посредство наших школ, курсов, клубов, ячеек, культпросветкомов и пр. и пр., *тогда мы осознаем, что именно мы, а не кто-нибудь другой, должны дополнить военного специалиста в его воспитательной работе, дав тот живой, заинтересовывающий элемент, которого военспец в большинстве случаев дать не может.*

III.

У нас теперь в рядах армии осталось только 3 года. Следует ли из этого, что нам больше не нужна большая армия?

Наилучший ответ на это дает предстоящая Генуэзская конференция. Удастся нам на ней сговориться с капиталистами—хорошо, не удастся—что тогда?—война.

И мы, с полной уверенностью, утверждаем, что тем легче нам будет сговориться мирно, чем сильнее будет наша армия, это, во первых, и, во вторых, какие бы мы договоры с капиталистическим миром ни заключали, возможность войны всегда будет для нас чрезвычайно актуальна.

Отсюда ясно: 1) нам может в любой момент понадобиться мобилизация в ряды армии всех или значительной доли людских контингентов страны; 2) 3 года, составляющие теперешнюю армию, костяк, ядро той будущей многочисленной армии, 3) необходимо сделать все возможное, чтобы это ядро не только не растворилось в массе вновь призванного материала, но, наоборот, воздействовало бы на него, подчинило своему влиянию. Нужно, следовательно, чтобы эти три года составили бы идеальную армию политически-сознательных воинов, не только понимающих, зачем нужна война, но и умеющих воевать.

Эта идея в настоящее время начинает уже казаться общим местом, настолько много раз ее прожевывали на всяческих с'ездах, совещаниях и конференциях.

Но, несмотря на это, до сих пор из нее еще не сделали практических выводов. Вернее, они сделаны, но не до конца, половинчатые уже в самой своей формулировке, они и в ее пределах нигде не проведены хотя бы на третью часть.

Выше мы установили два положения, как нам кажется, долженствующие послужить исходными пунктами при решении вопроса о том, как воспитать нужное нам боевое ядро.

Первое — подчиненность политпросветработы задачам воина, необходимость рассматривать ее здесь не как цель, а как средства для создания военной человеческой силы.

Второе—необходимость для политорганов вести военную пропаганду, необходимость, которая ныне никем не оспаривается.

Из этих двух положений вытекает, что, с одной стороны, следует *пересмотреть всю политпросветработу с точки зрения ее военного эффекта*, иными словами сделать ее более близкой задачам военного воспитания—*подчинить ее этим задачам на практике*, а, с другой, то, что сама политпросветработа самым тесным образом переплетается с такими, по существу уже узко военными, задачами, как популяризация военных знаний, умения беречь имущество, создания военной традиции и т. д. и т. д.

Говоря конкретно, с этой точки зрения следует, что наши политотделы отнюдь не отделения губполитпросветов, проводящих в армии программу, выработанную губполитпросветом, общую для рабочих, крестьян и красноармейцев, *но самостоятельные органы военно-политического воспитания Красной Армии, где элемент политического служит целям военного.*

Тройственность воспитательной работы в рядах армии (политическая, просветительная и военная), превратившись предварительно в двойственность (полит-просветительная и военная), приходит таким образом к столь давно требуемому жизнью единству.

Обще — образовательные сведения — фундамент политической работы, политическое сознание—фундамент для военно-воспитательной работы и, наконец, эта последняя—залог создания могучей боеспособной революционной армии—таково монистическое развертывание нашей военно-политической работы в его схематическом изображении *).

Несколько ранее мы отмечали, что уже в идее единоначалия пробивалась монистическая тенденция.

На самом деле, коль скоро начальник об'единяет в себе ответственность за военное и политическое состояние части, в его сознании исчезает всякая граница между ними, заменяясь стремлением достиг-

*) Разумеется, что единство военно-политического аппарата с этой точки зрения является чем-то вроде аксиомы. Мы полагаем, что первые же практические шаги должны повести к уничтожению Военной Секции Главполитпросвета и к организации соответствующего аппарата при Пур'е и т. д.—вообще к „собиранию" ныне разбросанных по военному ведомству элементов военно-политического воспитания.

нуть, путем умелого согласования военных и политических элементов воспитания, наибольшей высоты качественного уровня части.

Но недостаточно того, что на практике это обстоит так. Осознать задачу—значит во много раз облегчить ее решение. Здесь же не было сказано с достаточной отчетливостью и твердостью, в каком взаимодействии между собой находятся в рядах армии политическое и военное воспитание. Приходилось и приходится действовать в слепую.

Теперь, когда жизнь настоятельнейшим образом выдвинула вопросы организации военной пропаганды, казалось бы, это взаимодействие должно было бы немедленно найти свою формулировку. Однако, как это ни странно, „новый" вопрос о военной пропаганде толкуется вкривь и вкось вот уже около года, а до сих пор, даже в умах самих толкующих, не выкристаллизировалось сколько-нибудь ясное представление об этом взаимодействии.

Нам известен, например, такой чрезвычайно поучительный случай. Организованное при Пур'е „Бюро военной пропаганды" занялось разработкой программ предстоящей своей деятельности. Стремясь определить рамки этой деятельности, оно вторглось буквально во все области политико-просветительной работы. Этот результат получился потому, что разрабатывающие программу товарищи подходили к делу без предвзятой точки зрения, исходя лишь из одного намерения, как можно шире поставить военное воспитание Красной Армии.

Получилась как бы вторая „военная секция" (орган Пур'а и Главполитпросвета, руководящий политико-просветительной работой в армии), с той лишь разницей, что в первой задачи политпросветработы формулировались, как задачи „вообще". Бюро же рассматривало их с практической, действенной точки зрения—воспитания *вооруженной силы*.

Понятно, что такую программу Пур не утвердил, а предложил составить новую, ставящую узкие задачи популяризации элементарных военно-хозяйственных и санитарных знаний.

Дальнейшая судьба этой программы нам неизвестна. Но, по последним сведениям, само Бюро упразднено.

В этом случае с чрезвычайной выпуклостью выявилось то обстоятельство, *что органом военной пропаганды может быть или сам Политорган в целом (Пур, Поарм, Пуфронт, Подив и т. д. и т. д.), или—никто.*

Всякие же „бюро" должны либо стихийно превращаться во второй, параллельный их породившему, военно-воспитательный аппарат, или влачить жалкое существование (то же Бюро при Пур'е за 3—4 месяца своего существования не сделало ровно ничего, да и не могло бы что-нибудь сделать).

IV.

Как мы видели выше, военная пропаганда есть один из элементов, из которых складывается работа *образцового* командира.

В то же время „образцовых" (не только с военной, но и с политической точки зрения) командиров у нас пока чрезвычайно мало.

Таким образом, задача дополнить недостающее у них падает на политотделы. Это означает, вообще говоря, что *Политотдел, как орган, должен знать военное дело, как не может его не знать штаб.*

Принимая во внимание линию Пур'а, требующего от политработников знания строя, мы можем считать, что и здесь (как и в вопросе о военной пропаганде) мы в слепую, эмпирически наткнулись на верную мысль. Однако, она недостаточно развита. Не один только строй должен знать политработник, но и теорию военного искусства, его тактику и стратегию.

В будущем (и, быть может, в недалеком) мы будем удивляться тому, как это человек, незнающий военного дела, мог считаться военным политработником. В будущем у нас могут быть политработники—артиллеристы, политработники—пехоты, кавалерии, инженерных войск, знающие вполне лишь одну определенную область военного дела, но политработников, незнающих никакой его области, *у нас не будет.*

Командир и политработники станут принципиально одним и тем же, каждый из них в любой момент сможет заменить друг друга и если, б. м., все же в каждой роте потребуется не один, а два человека, то только из соображений количества работы, а не ее качества.

И пути к такому будущему уже наметились. Для образца возьмем, хотя бы, наш Западный фронт, где созываются совместные совещания политработников и комсостава для обсуждения вопросов предстоящего строительства Красной Армии, где издается с этою целью журнал („Красный Стрелок"), ставящий своею целью вовлечь командира в вопросы политпросветработы и политработника в военные вопросы, где возникает военно-научный клуб комсостава и политсостава и т. д.

Этот путь обозначится во много раз шире и отчетливее, если Политорганы *в целом* приступят самым решительным образом к фактической организации военной пропаганды, пересмотрят свою программу с точки зрения ее требований.

Нам неизвестно, что сделал Петроградский Пуокр, но у нас есть проэкт предполагаемой его деятельности в области военной пропаганды, выработанный т. Моноссоном *).

Этот проэкт наглядно показывает, что должно получиться в результате такого пересмотра.

I. В области клубной работы.

(Проводится через клубно-художествен. отделение).

а) Кружки военных знаний.

Создание кружков военных знаний, наряду с политическими и т. п.; работа в кружках не лекционная, только обмен мнений, по самостоятельно-разработанным вопросам (доклады, сообщения); нечто в роде „военной игры".

---

*) «Военная Пропаганда», Пуокр петроградский, 21.

б) Хоровое пение.

Пение в строю—начало организующее. Необходимо создать военно-революционный репертуар. Конкурсы на составление песен.

в) Военно-литературные коллегии.

Создание их на местах при уже существующих литколлегиях; собирание соответственного материала.

г) Придание спортивным кружкам характера военного спорта.

Примечание: Пункты А, Б, Г.—включены в производственный план Пуокр на октябрь с. г.

д) Плакаты, лозунги, листовки, устная газета—в духе военно-производственной пропаганды.

Означенное приноравливается к отдельным событиям или отдельным моментам агитации (напр., сбережение и уход за оружием, прик. по П. В. О. № 2779).

е) Участие и организация праздников.

Придание военным праздникам политического характера; в праздниках гражданских, в честь тех или иных событий—раз'ясняется роль Красной Армии в означенном событии

ж) Музей Красной Армии.

Организация. Экскурсии. Посещение военных и морских музеев.

з) Справочно-информационное бюро.

Выдача справок по всем вопросам военного характера и красноармейского быта.

и) Красная и черная доска.

к) Книга жалоб и книга для записи предложений.

л) Фото-кинодело.

С'емки парадов и т. п.; демонстрация.

2. В области образовательно-воспитательной.

(Проводится через школьно-курсовое отд.).

а) „Милитаризация" всех военно-политических и военно-просветительных школ, курсов и т. п.

Строевые занятия, постановка в учебном плане вопросов военно-тактического и пр. характера.

б) На комкурсах, курсах младшего комсостава и учебных школах усиление политической и политическо-просветительной работы.

3. В области агитации и пропаганды.

(Проводится одноименным отделением).

а) Лекционное дело.

Создание лекционного бюро и кадра лекторов по военным вопросам. Совместно с Штаокром чтение лекций по систематически разработанному плану. Широкая агитация за привлечение слушателей. Привлечение к слушанию лекций политработников. Примерный план лекций (составлен параллельно системе, указанной Всероссийским

Бюро производственной пропаганды при В. П. С. Н. С.; см. журнал „Производственная Пропаганда“ № 1, стр. 52).

1) Обоснование необходимости для Советской России классовой Красной Армии и ее истории.

2) Схема Красной Армии, роль каждого рода оружия и каждой части.

3) Публичный разбор наиболее важных военных операций, из опыта, главным образом, гражданской войны.

4) Новейшие усовершенствования военной техники (артиллерия, инженерное дело, авто-дело, авиация, связь)—стимул к поднятию техники в собственной части.

5) Устройство лекций для комсостава на политические темы.

6) Издание красноармейской газеты: часть газеты посвящается военно-производственной пропаганде. Обсуждение военных вопросов на страницах газеты.

7) Организация агит-судов военного характера (напр., агит-суд над генералом Николаевым).

4. В области библиотечного дела.

(Проводится библиотечным отделением, совместно с отделом военной литературы).

а) Создание военных библиотек со специальной литературой оперативного, стратегического и тактического характера, с содержанием по всем видам оружия и отраслям организации Красной Армии. Военные библиотеки входят в состав базисных библиотек.

б) Склады при округе и дивизиях военной литературы. Продажа книг всем, занимающимся военными вопросами.

в) Квалификация бибработников в области военной литературы.

г) Библиотечные выставки в память различных военных событий, (пример—день об'явления Польшей войны, октябрь 1917 г. и т. д.).

5. В области партийного строительства.

(Проводится через Организационно-Инструкторский отдел).

а) Заседания коллективов, общие собрания, партийные и беспартийные конференции.

Постановка на них и разбор военных вопросов. Доклады военных спецев. Ознакомление с военным и хозяйственным инвентарем части.

б) Проведение соответственных кампаний.

День красной казармы, день красноармейского достояния и т. п.

Мы видим, каким образом все без исключения отрасли политико-просветительной деятельности становятся орудием военной пропаганды. Это их новое назначение не исключает и чисто политико-просветительной работы (военные кружки существуют наряду с политическими), но коль скоро будет ясно понята роль ее, как средства, а не цели, будет соблюдена необходимая пропорциональность между нею и военной пропагандой и, таким образом, вся программа деятельности

Пуокра приобретет стройность и планомерность строго продуманной целесообразности.

Нам неизвестно, провел ли Пуокр эту программу (больше того, неизвестно—была ли она утверждена), но так или иначе она представляет собою прекрасный материал для пересмотра программ политотделов во всероссийском масштабе.

Предположим теперь, что Пуокр приступил к ее осуществлению. Первое, с чем он столкнется—это отсутствие среди политработников таких сил, которые бы могли руководить военно-научными кружками, могли-бы разработать цикл лекций и т. д. и т. д.

Даже если бы вышеприведенная программа и не предусматривала тесного сотрудничества с штаокром, действительность немедленно привела бы к такому сотрудничеству.

Вся практическая деятельность в области военно-политической работы, построенной исходя из задачи создания сильной (т. е. не только сознающей необходимость войны, но и умеющей в ней побеждать) армии, поведет неуклонно к дальнейшему сближению между политотделами и штабами, к подбору работников политотделов с точки зрения их пригодности и для военной пропаганды, к смягчению границ, положенных нами в силу необходимости между военным и политическим воспитанием Красной Армии. В дальнейшем своем развитии эта линия сделает ненужным существование двух видов курсов—политических и военных—сольющихся сверху до низу в единую военно-политическую школу, сделает излишним деление самих работников на военных и политических и т. д.

Мы, понятно, не утверждаем, что материал, установленный теоретически, немедленно способен быть претворен в жизнь.

Мы своей статьей имели в виду лишь указать тем, кто этого не понял до сих пор, какие перспективы открывает нам пресловутая военная пропаганда, в какую сторону должно быть направлено внимание наших работников и, в соответствии с этим, как должна формулировать свои теперешние задачи наша военно-политическая воспитательная работа теперь, когда на ее долю выпала необходимость в *кратчайший срок выковать* из находящейся в рядах армии рабоче-крестьянской молодежи могучий, твердый кадр, способный ассимилировать, подчинить себе массы „сырого“ материала в момент численного развертывания армии. Политические силы—на помощь военному воспитанию, пропорциональность элементов военного и политического, принцип экономии по отношению к последнему—вот наша практическая задача сегодняшнего дня.

Законченное, последовательно проведенное от начала до конца, единство военно-воспитательной работы—дело более отдаленного будущего, и здесь наши задачи сводятся лишь к тому, чтобы, в меру практических требований текущего момента, не отдалять его наступление, а приближать.

Ф. Огородников.

От доктрины к делу.

I. Вступление.

В отдельной брошюре Высшего Редакционного Совета недавно напечатана статья Л. Троцкого: „Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство".

Авторитетное слово председателя Высшего Военно-Революционного Совета по одному из важнейших вопросов военного дела имеет, во всяком случае, исключительное значение, к тому же статья написана с выдающимся талантом и читается очень легко.

Будучи написана по поводу целого ряда статей по вопросу о доктрине Красной Армии, статья тов. Троцкого имеет главною целью положить конец некоторым ошибочным суждениям на эту тему, которые могут послужить во вред дальнейшему строительству Красной Армии и, вместо желаемого об'единения взглядов, привести как-раз к обратным результатам.

В этом смысле тов. Троцкий высказывается в самых решительных выражениях.

Отводя довольно много места полемике с тем, что т. Троцкий называет „общими местами" и „пустословием", он всею силою обрушивается на тех „доктринеров", которые, в настоящую минуту напряженного внимания к внешним политическим событиям и к внутреннему экономическому положению страны,—когда одновременно приходится поддерживать полную готовность к отпору и, в то же время, не обнаруживать и тени милитаристических стремлений,—пробуют утверждать, что у нас вовсе нет единства взглядов по важнейшим вопросам, руководящих начал, определенных воззрений.

Т. Троцкий не отрицает, что в строительстве Красной Армии были и могут быть недостатки, но подчеркивает, что у нее есть также и свои принципы строения, воспитания и применения.

На вопрос, нужно ли совокупность этих начал называть военной доктриной, тов. Троцкий отвечает, что, не разделяя в общем пристрастий к „блеклым позументам старой официальщины,“ он не станет, однако, „из-за этого воевать“. „Но,—продолжает он,—если кто осмеливается утверждать, что у нас этих принципиальных начал и практических методов нет, что наша коллективная мысль над этим не работала и не работает, то я отвечаю: вы говорите неправду, вы опьяняете себя и других пустословием“.

В общем итоге статья тов. Троцкого затрагивает целый ряд очень важных военно-теоретических положений и дает в некоторых отношениях очень ясные руководящие указания для практической работы.

Надо, однако, заметить, что все вообще изложение носит полемический характер. Написано очень живо, но самая живость полемических приемов может местами заслонить от менее вдумчивого или менее внимательного читателя более об'ективный и глубокий смысл теоретических положений и практических указаний, которых касается тов. Троцкий.

Поэтому полезно и даже необходимо внимательно разобраться в изложении т. Троцкого и подробнее остановиться на таких местах, которые могут, пожалуй, быть истолкованы различным образом.

Чтобы избегнуть ошибок, которые могут произойти в толковании тех или других отдельных мест и выражений, мы, сперва вкратце, с полной об'ективностью, изложим общий ход мыслей т. Троцкого, а затем уже остановимся на некоторых частностях, стараясь осторожно отделить основные мысли от их внешней полемической оболочки.

В этом разборе сперва остановимся на военно-теоретических положениях, потом на их практическом применении.

Основные положения т. Троцкого.

В противовес утверждениям, что у нас, яко-бы, нет руководящих начал и общности взглядов, т. Троцкий начинает с указания, что политика Российской Советской Республики, во всяком случае, с выгодою для нее отличается от политики ее противников именно тем, что она опирается на один общий, определенный и, притом, *научный метод*, которым является *марксизм*.

В то время, как наши классовые враги действуют, по словам тов. Троцкого, как эмпирики, „от случая к случаю, руководствуясь опытом, рутиной, глазомером и нюхом“, руководители политикой Российской Советской Республики действуют по указаниям „научного анализа исторического процесса“, который дает „научное предвидение дальнейшего хода событий и возможность ориентироваться в сложной и постоянно изменяющейся обстановке“.

„Если весь наследственный запас ключей Ллойд-Джорджа, Черчилля и других явно непригоден, чтобы открыть выход из революцион-

ной эпохи“, то, по словам Троцкого, марксистский ключ для нее-то прежде всего и предназначается.

Тем же „орудием марксизма“ определяются и основы военного строительства.

„Мы приступили, говорит т. Троцкий, к военным вопросам, исходя не из некоей военной доктрины, как суммы догматических положений, а из марксистского анализа потребностей самообороны рабочего класса, который взял в свои руки власть, должен вооружиться, разоружить буржуазию... вести за собой крестьян... создать надежный командный состав и проч“.

Таким образом, с самого начала т. Троцкий отмечает, что как в области военно-политических вопросов, так и в области военного строительства у нас есть весьма определенный и, притом, научный метод, которым является марксистский анализ, дающий, по словам т. Троцкого, даже „научное предвидение хода событий“. Он же указывает и цели военного строительства.

С военной точки зрения в строительстве Красной Армии также не было и „суб'ективного произвола“. „Мы старались,—говорит тов. Троцкий,—особенно на первых порах,—как можно больше использовать навыки, приемы, знание и средства, оставшиеся от старого“.

В результате:

„По своим целям, по преобладающему классовому составу своего командно-комиссарского корпуса, по своему духу, по своей политической морали Красная Армия отличается коренным образом от остальных армий мира (буржуазного) и враждебно им противоположна... Кому нужна более торжественная формула, тот может сказать, что Красная Армия есть военное воплощение „доктрины пролетарской диктатуры“.

С другой стороны: „В области формально-организационной, технической она становилась и становится на них (т. е. на остальные армии) тем более похожей, чем больше развивалась: одних потуг на новое слово недостаточно“.

Отсюда видно, что, несмотря на разнообразие средств и приемов, в нашем военном строительстве не могло быть и не было ни без'идейного эмпиризма, ни суб'ективного произвола, но „вся работа с начала до конца об'единялась... единством марксистского метода ориентировки“. „Если кому-нибудь нужно метафизически скомпрометированное слово „доктрина“, то, могут сказать, что, созидая Красную Армию, вооруженную силу на новой классовой основе, мы тем самым строим новую военную доктрину“.

К этому вступлению т. Троцкого, указывающему преимущественно на роль марксистского метода в нашем военном строительстве, остается лишь добавить, что раз мы пользовались в этом строительстве также и старыми навыками и приемами и раз в области организационной и технической новая Красная Армия с самого начала пошла по пути „остальных“ армий, то надо признать, что мы воспол-

зовались, до известной степени, также и некоторыми старыми началами и методами, что, впрочем, отмечает и сам т. Троцкий в последующем изложении.

В этом соединении нового марксистского метода или ориентировки с некоторыми старыми техническими началами, т. Троцкий отмечает нашу новую военную доктрину, не признавая лишь целесообразным применять этого „метафизически испорченного“ слова.

После этого вступления т. Троцкий переходит к критике попыток создать новую военную доктрину, под предлогом, что таковой доныне не имеется. Этой критике предшествует изложение основных понятий о том, что именно подразумевается под военной доктриной.

Здесь именно (на стр. 9 брошюры) т. Троцкий признает, что „во всех войнах, всех времен и народов, были некоторые общие черты“ которые он видит „в анатомических и технических свойствах человека и в „географической среде“. Из них-то, по крайней мере, и можно вывести те „старые“ начала, о которых мы выше говорили.

Т. Троцкий высказывается лишь против того, чтобы считать указанные „относительно устойчивые“ черты—абсолютными и вечными, отмечая зависимость военного искусства от всех тех данных, от которых зависит „общественное устройство“, т. е. от техники, классового строения и формы государственной власти. Так, конечно, и смотрят на военное искусство все важные авторитеты. Если они называют некоторые из его начал „неизменными“, то лишь относительно.

Далее т. Троцкий не останавливается на выводе тех начал, которые можно вывести из „относительно устойчивых“ данных военного искусства, но прямо переходит к той „национальной доктрине“ которая существовала до последнего времени.

По определению т. Троцкого, под именем национальной военной доктрины еще недавно понимался „устойчивый, но временный комплекс (сочетание) военных расчетов, методов, приемов, навыков, лозунгов, настроений в соответствии со всем строем общества и, прежде всего, с характером господствующего класса“.

Несколько короче говоря, это был „комплекс устойчивых руководящих дипломатических и военно-политических идей и более или менее связанных с ними стратегических директив“.

Излагая вкратце сущность английской, французской и немецкой доктрины до последней империалистической войны, т. Троцкий подчеркивает, что все они предполагают именно *устойчивость внешней и внутренней обстановки.*

Таковы: английский руководящий принцип—„командования в морях“ германская „необузданная наступательность“ и французская идея „реванша“.

Действительно, добавим мы от себя, самая общеизвестность этих ходячих принципов подтверждает их традиционную прочность: целые поколения на них воспитывали.

Но, говорит т. Троцкий, империалистическая война и выросшая из нее эпоха величайшей неустойчивости во всех областях, вырвала почву из под национальных военных доктрин..... „Совершенно неоспоримо, что сейчас...... ни у одной страны не осталось таких устойчивых принципов и идей, которые можно было бы назвать национальной военной доктриной“.

„Совершенную неоспоримость“ такого положения едва ли можно признать. Большая мировая война в некоторых странах не только не ослабила национальных тенденций, но усилила их. В частности, это следует отнести к отдельным государствам, так называемой, Малой Антанты, а, в особенности, к Польше. Марксистский метод, казалось бы, также не может не учесть этого явления, а нам непосредственный опыт с Польшей в кампании 1920 года достаточно ясно его напомнил.

Но, в общем, вывод т. Троцкого о меньшей устойчивости или об относительной неустойчивости современных национальных доктрин отвечает действительности. Да иначе оно и не может быть, если принять в расчет: мировые экономические потрясения, новую группировку держав, перемещения центров тяжести экономического и материального могущества и, наконец, глухие толчки и отзвуки мировых революционных движений.

Основываясь на приведенном выше заключении, т. Троцкий резко высказывается против тех „общих мест“ и того „пустословия“, которое во время неустойчивого и революционного характера переживаемой эпохи увлекается, как он говорит, „доктринерскими словечками“ и „формами международных отношений“, задаваясь целью выработать нашу устойчивую доктрину.

Т. Троцкий особенно подчеркивает, что такой устойчивой доктрины или схемы быть не может. Даже борьба с Советской Россией, по замечанию т. Троцкого, не дает прочных устоев для военной доктрины ее врагов, а, следовательно, не дает устойчивых данных и для нашей доктрины. Нельзя, например, дать безусловный ответ даже на такой вопрос: где нас ждет главное поле военной деятельности, на востоке или на западе? Практически приходится реагировать даже не на „ход событий“, а на факты, события.

Отсюда, по словам т. Троцкого, „единственная для нас правильная доктрина (в кавычках): быть на чеку и глядеть в оба“.

Несколько ниже (на стр. 28) т. Троцкий, выражая более определенно свое заключение, говорит:

„Устойчивой, традиционной, консервативной ориентировки ныне не может быть. Ориентировка должна быть бдительной, подвижной и ударной, если хотите—маневренной“.

Наконец, переходя к вопросу,—есть ли у нас „военная доктрина“ или нет, т. Троцкий еще яснее говорит о том, что он подразумевает под бдительной, подвижной и ударной ориентировкой, и дает, в конце концов, если не устойчивую доктрину (сам т. Троцкий кате-

горически против этих обозначений), то очень определенные руководящие начала.

Но, прежде чем переходить к ним, не лишнее остановиться только на одном из замечаний т. Троцкого по вопросу о том, каким способом можно достигнуть той верной и бдительной ориентировки, о которой здесь говорится.

Т. Троцкий выражает мнение, что только марксистский метод международной ориентировки, учета классовых сил, их комбинаций и изменений может нам позволить в каждом конкретном случае найти надлежащее решение.

Переходя к нашей военной „доктрине", т. Троцкий уточняет это понятие, давая для него следующие „элементы":

1. Основная (классовая) ориентировка во внутренней политике.

2. Международная ориентировка, важнейшие линии политики, возможные театры наших военных действий.

3. Состав и строение Красной Армии.

4. Ее стратегическое и тактическое учение.

Два последние элемента должны составить военную доктрину в собственном (или в тесном) смысле слова.

По всем этим „элементам доктрины" военное ведомство, по замечанию т. Троцкого, имеет, конечно, определенные воззрения или руководящие начала, „закрепленные резолюциями партийных и советских с'ездов, декретами, положениями, уставами, инструкциями гораздо лучше и точнее, чем у мнимых новаторов..."

Так, уже декретом Совета Народных Комиссаров от 12 января 1918 года дается исчерпывающий ответ на вопрос: „какую и для каких задач армию мы готовим".

В частности, на счет революционной наступательной войны *принципиально* (курсив т. Троцкого) вопроса не существует, но по этому поводу надо сказать то же, что сказал III коммунистический конгресс по отношению к революционному наступлению рабочих масс в буржуазных государствах: „только предатель может отрицать наступление, только простак может сводить к нему всю стратегию".

В „доктрину революционной войны" входят два элемента: международно-политический и оперативно-стратегический. Наши революционные войны были и оборонительными, и наступательными, как в политическом, так и в военном отношении.

В данное время мы находимся в периоде „оборонительного отступления", но „наша революционная оборона остается эластичной и упругой, т. е. способной, при соответствующей перемене условий, превратиться в контр-наступление".

Сторонники „наступательной доктрины" стремятся приписать ей, по крайней мере, воспитательное значение, но и это неверно. При современных условиях нельзя создать или „воспитать" действенной идеологии Красной Армии на том, что „мы всегда будем за наступательно-революционную войну".

Возражая по этому поводу тов. Соломину, т. Троцкий спрашивает: „думает ли т. Соломин, что теперь, когда непосредственная помещичья опасность устранена, а европейская революция остается потенциальной, мы можем сплотить более чем миллионную, на девять десятых крестьянскую армию, под знаменем наступательной войны во имя развязки пролетарской революции. Такого рода пропаганда, говорит т. Троцкий, была бы мертва“.

„В нашей истощенной стране, продолжает он, мы... вооружаемся, готовим большую армию для того, чтобы обороняться, если на нас нападут. Вот это „доктрина“—ясная, простая и отвечающая действительности“.

Именно благодаря тому, что мы так ставили вопрос весной 1920 г., война, начавшись, как оборонительная, могла развернуться, как наступательная.

„Противоречие между оборонительной пропагандой и наступательным—в конечном счете—характером войны является хорошим.... противоречием“.

В заключение, по вопросу о наступательно-революционной войне, т. Троцкий подчеркивает, что вообще „в той гигантской классовой борьбе, которая развертывается ныне, роль военного вмешательства извне может иметь, как говорит он, только сопутствующее, содействующее, вспомогательное значение. Военное вмешательство, как щипцы акушера: примененные во время, способны облегчить родовые муки; пущенные в ход преждевременно, они могут дать лишь выкидыш.

Нельзя не подчеркнуть, что именно в этих, приведенных здесь строках тов. Троцкий дает самые ценные указания, как для политической, так даже и для специальной, технической работы в армии, разрешая важнейшие из недоразумений.

Все остальное изложение т. Троцкого сводится, преимущественно, к возражениям против двух характерных направлений той новой устойчивой военной доктрины, в узком смысле слова, против которой он восстает, а именно против попыток:

а) вывести принципы стратегических и тактических учений из особых свойств Красной Армии.

б) построить на нашем, хотя и широком, но ограниченном опыте гражданской войны принципы абсолютной стратегии революционных войн.

По первому из этих вопросов т. Троцкий говорит, что особенности нашей стратегии зависили не от особенностей Красной Армии, а от особенностей гражданской войны, как таковой.

В национальной войне армия, оторвавшись от своей области, попадает в совершенно чуждую среду, где не может найти ни опоры, ни помощи; в гражданской войне каждая из сторон может на это более или менее расчитывать, даже в тылу противника. Национальные войны ведутся или велись до сих пор тяжеловесными массами с использованием всех национально-государственных рессурсов; гра-

жданская война означает прежде всего раздвоение сил и средств потрясенной революцией страны, а потому ведется, особенно на первых порах, более или менее жидкими и, потому, подвижными массами; по той же причине она гораздо больше зависит от импровизации и случайностей. Отсюда „маневренность“ гражданской войны, но она характеризует эту войну в обоих лагерях. Красная Армия, в сущности, научилась маневрированию от белых.

Особую быстроту и выносливость Красной Армии в переходах надо еще доказать.

Недоступность для Красной Армии защиты укрепленных пунктов, как указывает т. Тухачевский, в общем правильно подводит уроки прошлого периода, когда армия была недостаточно для этого подготовлена, не имела автоматической спайки, уверенности во взаимной выручке. Теперь все это накопляется. Вообще, стремление закрепить и возвести в догмат те черты стратегии и тактики Красной Армии, которые характеризовали ее в прошлый период, могло бы нанести величайший ущерб и даже стать роковым.

Нельзя не признать меткости этих замечаний т. Троцкого с принятой им точки зрения, но, казалось бы, нельзя упускать из вида и другой стороны дела: стратегические, а в особенности тактические приемы могут зависить не только от внешних данных, которые отмечает т. Троцкий, но и от внутренних условий, к которым относятся свойства армии и ее командного состава, а также ее экономическое и техническое устройство. Свойства армии, в свою очередь, зависят от ее настроений, от общего уровня развития, от навыков и расовых свойств составляющих ее народных масс и т. п.

В каждой армии есть свои сильные и свои слабые стороны. Сильные стороны надо, очевидно, развивать, что же касается до слабых сторон, то возводить их в символ веры, конечно, не следует, но надо с ними считаться. Этого требует и марксистский взгляд на дело. Некоторые из этих слабых сторон могут иметь, и действительно имеют, перманентный (долговременный) характер, поэтому считаться с ними — значит вводить известные поправки в свои основные начала, иногда на долгое время.

Впрочем, т. Троцкий, повидимому, принципиально не возражает против такого взгляда на дело, допуская и даже рекомендуя продолжать изучение некоторых особых свойств Красной Армии, например, быстроту ее движений и выносливость. Он только говорит, что надо делать это серьезно, не основывая своих выводов на голословных утверждениях.

Восставая против построения абсолютной революционной стратегии на основании опыта наших войн, тов. Троцкий указывает, главным образом, на то, что революционные войны могут вестись не только на Дону и на Волге, но и на Сене, на Шельде и на Темзе. Операции на территории с другим по национальному составу и более плотным населением могут свести маневренную свободу к более узким границам.

В заключение т. Троцкий с особой силой восстает против „наступательности“, как специфической черты революционной стратегии, которой должна держаться Красная Армия.

Прежде всего, стратегия наступления культивировалась в отнюдь не революционных штабах почти всех больших стран Европы. Жорес боролся с ней во Франции.

Нельзя смешивать „маневренность“ с „наступательностью“. Основными чертами маневренной стратегии является не формальная наступательность, а инициативность и активность. Красная Армия была неустойчива в обороне, но это не значит, что она должна такой и оставаться.

Мало того: в оперативный замысел, на ряду с наступлением, входит и отступление, как необходимое звено. Если из маневра исключить стратегическое отступление, то очевидно, что стратегия примет чрезвычайно прямолинейный характер, т. е. перестанет быть маневренной.

Вообще, нельзя ставить вопроса: какими стратегическими путями, т. е. наступлением или обороной, мы наиболее быстро и экономично справимся с врагами. Такая постановка вопроса свидетельствует, что „новая доктрина находится в плену у методов и предрассудков старого доктринерства“.

В такой постановке вопроса сказывается „тоска по устойчивым схемам“, не замечая самого главного—революционного характера нынешней эпохи.

Сущность указаний тов. Троцкого в области оперативных вопросов сводится к следующему:

Армии не дрессируются по специальности — для обороны или для нападения, но обучаются и воспитываются для борьбы и победы.

Побеждает тот, кто хорошо обороняется там, где нужно обороняться, и хорошо наступает там, где нужно наступать. Таково единственно здоровое воспитание, которое мы должны дать нашей армии, прежде всего, в лице ее командного состава.

Под'ем и порыв — драгоценнейшее условие успеха, но не единственное. Нужна ориентировка, нужна выучка.

В заключение, переходя к „ближайшим задачам“, т. Троцкий говорит, что ориентировки международного масштаба и большого исторического размаха у нас уже достаточно. Теперь нам нужно не „словесное“ новаторство на счет новых военных доктрин, а систематизация опыта, улучшение организации, внимание к „мелочам.

Прорехи нашей организации, нашу отсталость и бедность, особенно техническую, надо не „возводить в символ веры“, всеми мерами устранять, стремясь приблизиться в этом отношении к империалистским армиям.

Революционный характер, классовая однородность командного состава и массы бойцов, коммунистическое руководство—составляют силу армии—Красной Армии. Но у империалистских армий есть другие преимущества: богатая авиация, обильные средства связи, хорошо

обученный, тщательно подобранный командный состав, точность учета средств, правильность взаимоотношений.

Поэтому все внимание должно быть ныне направлено не на фантазерскую перестройку, а на улучшение и уточнение.

Одну из главнейших и самых насущных задач этого улучшения т. Троцкий указывает в пересмотре уставов и программ практической работы, но не под углом доктринерской формулы, а с точки зрения проделанного четырех-летнего опыта, на совещаниях командного состава на местах, а затем в центре.

При этом надо лишь „разгрузить уставы, программы от устарелого, излишнего и приблизить к потребностям армии, чтобы заменить ей самодельщину“.

В заключение т. Троцкий дает следующий как бы перечень направлений для этих улучшений и уточнений:

Правильно доставлять в части пищу, варить хорошие щи.

Научить истреблять вошь и содержать тело в чистоте.

Правильно вести занятия и поменьше в комнате, побольше на открытом воздухе.

Толково и конкретно подготовлять политические беседы.

Снабдить красноармейца служебной книжкой и правильно вести записи.

Научить чистить винтовки и стрелять.

Помочь командному составу „превратить в свою внутреннюю сущность“ уставные заповеди о связи, о разведке, донесениях, охранении.

Учиться и учить применению к местности; правильно наматывать портянки, чтобы не натирать ног, и смазывать сапоги.

О смазывании сапог упоминается даже два раза: один раз со стрельбой, другой раз—в заключении.

Такова „деловая программа“, которую не запрещается называть и доктриной „в праздничный день“, т. е. если так больше нравится.

II. Военные принципы.

Вся статья тов. Троцкого, а в особенности ее заключительная часть о „ближайших задачах“, звучит, как горячий призыв не увлекаться разговорами и писаниями о высоких материях, а, в особенности, не сочинять теоретических „устойчивых схем“ и стратегических шаблонов, по которым переделывать воспитание и обучение армии, но приняться как можно скорее и внимательнее за дело, которое уже начато и уже делается, но остается еще очень много недоделанного, притом до очевидности простого и необходимого, не требующего никаких особых доктрин для своего исполнения.

На этот призыв остается только откликнуться так же горячо, как он сделан.

Но прежде чем обращаться к практической стороне указаний т. Троцкого, хотелось бы отметить, что его призыв к практической

деятельности отнюдь не должен сопровождаться упадком интереса к военно-научным познаниям.

Деловая работа, которая в первую очередь выпадает на долю командного и комиссарского состава, требует известной не только практической, но и теоретической их ориентировки. Т. Троцкий дает ее в нескольких, особенно необходимых для практики, положениях.

Казалось-бы, в области практики этого достаточно. Но интересная статья т. Троцкого, касаясь целого ряда вопросов военной науки, затрагивает их иногда лишь в полемической форме изложения.

Не лишнее осветить их несколько полнее, чтобы пойти на встречу тому под'ему интереса к военной науке, который ныне замечается среди командного состава.

Было бы неуместно брать на себя неблагодарной задачи защиты доктринерства, но даже самое это доктринерство служит одним из признаков интереса к военной науке, лишь не совсем удачно направленного.

Подходить к практике без науки, значит оказаться по меньшей мере в положении тех „эмпириков", о которых говорит т. Троцкий, указывая на их бессилие перед марксистами, вооруженными „научным методом ориентировки".

В действительности дело обстоит еще хуже, так как неимеющие достаточной научной подготовки красные командиры применяют просто готовые шаблоны и трафареты, которые в Красной Армии делаются одним из самых опасных зол. В программе ближайших задач т. Троцкий сильно останавливается на уставе. Его у нас, действительно, кое-кто не знает. Есть и такие, которые не желают знать устава под тем предлогом, что он слишком устарел и не отвечает потребности.

Но одной опоры на устав недостаточно для борьбы с шаблонами. Нужны общие взгляды, некоторые основные начала или принципы, которые найти в уставе не так легко. Между тем, самый устав основан на тактических положениях, а не обратно, что и напечатано крупным шрифтом во введении к полевому уставу (стр. 9).

Некоторые из этих основных стратегических и тактических положений, а именно об обороне и наступлении, о маневре, инициативе и активности, очень ярко освещены тов. Троцким и поставлены именно на военно-научную почву.

Останавливаясь на страницах „Революция и Война" на разборе статьи т. Фрунзе „Единая военная доктрина и Красная Армия", а также на статье т. Какурина „Стратегия пролетарского государства", автор этих строк приходил к тем же выводам, относительно опасного увлечения наступательной стратегией, как и т. Троцкий.

Не приписывая т. Фрунзе определенного намерения включить в доктрину безусловное или, как у нас принято говорить: „беззаветное" наступление, я еще тогда писал о необходимости с достаточной си-

лой обрушиться именно на подобную „доктрину", которую надо назвать самым опасным доктринерством для Красной Армии.

В той же статье говорилось: если попробовать задать себе задачу выразить самой короткой формулой сущность стратегии, которой должна держаться Красная Армия, то можно было бы назвать ее упругой, как пружина.

Приблизительно то же говорит и т. Троцкий. Но несколько верных положений еще не составляют теории или науки. Между тем, командному, да и комиссарскому составу Красной Армии, кроме повседневной канцелярской и строевой службы, кроме нарядов в караул, строевых и тактических занятий, ловли дезертиров и бандитов и проч., хочется именно военной науки, как общего интеллектуального, логического обоснования своей деятельности.

Положа руку на сердце, можно утверждать, что новые „красные" слушатели и ученики, в общей массе, много внимательнее и пытливее прежних. Величайшее удовлетворение для преподавателя или руководителя занятий составляет тот жадный интерес, с которым принимаются его слова и об'яснения, неподдельное внимание, с которым они воспринимаются.

И это далеко не единоличное наблюдение. Приходилось слышать то же самое и от невоенных преподавателей, которые впервые попадали в среду военных слушателей и сразу чувствовали эту горячую потребность в науке, которая окрыляла их самих и давала новые силы в трудной и неблагодарной в материальном отношении преподавательской работе.

Впрочем, это явление замечается сейчас не в одной военной среде. Жажда научных знаний среди рабоче-крестьянской молодежи, вероятно, никогда еще не была так сильна в России, как в наши дни.

Марксизм не мало этому способствовал и продолжает способствовать. Одна из несомненных его заслуг, которую никто не может отвергать, выражается в настойчивом стремлении уничтожить пропасть, которая возникла между „двумя науками": одной—для высших классов и интеллигенции, а другой—для простого народа. Наука есть и должна быть только одна для всех.

В поисках за этой наукой рабоче-крестьянский командный состав руководствуется не только естественной для всех людей любознательностью, но и особым чувством своего достоинства.

Он знает, что прежнее офицерство имело в своем распоряжении „настоящую" военную науку и требует, чтобы ему ее пред'явили. Я мог бы привести целый ряд случаев, когда красные командиры выражали неудовольствие, что им дают новые „тоненькие учебнички", и брались за старые, толстые книги, чтобы найти эту настоящую военную науку, которую им не хотят или не умеют показать.

В самом начале своей статьи, как уже было замечено, т. Троцкий отмечает особую силу именно *научных* методов ориентировки марксизма, которые дают ему возможность лучше и дальновиднее разби-

раться в запутанной революционной обстановке, чем это могут сделать его враги. Здесь слово „ориентировка", в сущности, заменяет настоящую и несомненную доктрину исторического материализма, научность которой перед ученым миром была доказана еще на социологическом конгрессе 1900 года, несмотря на возражения и замечания очень сильных умов из противоположного лагеря ученых.

Не будем называть марксистского учения доктриной. Будем называть его ориентировкой. Но от этого дело не меняется.

Из отдельных мест статьи т. Троцкого видно, что эта ориентировка не только имеет очень близкое отношение к военному делу, но даже руководит им, как в строительстве Красной Армии, давая методы этого строительства или общие и частные задачи, так и в стратегии.

Но кое-кто из командного состава может спросить: неужели же в военном деле, в узком смысле слова, т. е. в военном строительстве, стратегии, тактике нет никаких научных основ, кроме марксистских?

Такое утверждение было бы, несомненно, ошибочным, и можно заметить, что то доктринерство, против которого открыл борьбу т. Троцкий, в немалой степени зависит от некоторого стремления сделать из марксистской „ориентировки" чисто военные принципы.

Для той, действительно насущной—необходимой задачи, на которую указывает т. Троцкий и которая должна состоять в поверке и переработке уставов на основании опыта четырехлетней войны, прежде всего, также необходима военная наука. Устав есть, и опыт есть. Надо то и другое сопоставить, но сперва, как то, так и другое привести к какой-то схеме, к какой-то системе, которую может дать только военная наука.

Какова же эта наука? Какие указания можно извлечь по этому вопросу из интересной и руководящей статьи т. Троцкого?

Нельзя было бы ожидать целой военно-научной системы. Такой задачей т. Троцкий, конечно, не задавался. Но раз эта статья руководящая, то надо извлечь из нее также и то, что она дает, по крайней мере, в смысле общего отношения к военно-научным вопросам.

В отдельных местах можно, пожалуй, заметить, как-будто саркастическое, насмешливое отношение. Но хотелось бы отметить, что такой сарказм надо отнести не к действительным военно-научным положениям, но к их неточному цитированию или к тем авторам, которые придают этим положениям неверное толкование.

Такое отношение, при желании, можно усмотреть в „юмористической фигуре начетчика военной доктрины", но здесь оно явно относится к доктринерству и к попыткам навязать устойчивые схемы там, где они неприложимы. С таким же чувством, вероятно еще чаще, наблюдаем мы начетчиков от марксизма, но это не может поколебать научного значения теории К. Маркса.

В другом месте т. Троцкий направляет как-бы свою сатиру против „вечных“ основ военной науки, рисуя „стратегического осла“ *), который „ворует овес из прорванного мешка (наименее защищенное место противника), бдительно поворачивая свой круп в сторону, противоположную ожидаемой опасности“.

По замечанию т. Троцкого, этот осел делает это на основании вечных принципов военной науки; между тем, нельзя сомневаться что осел, который ест овес, не читал ни Клаузевица, ни даже Леера“.

Но все это тоже только сатира, направленная притом не столько против основ военной науки, сколько против слепых ее служителей. Не даром сделана оговорка на счет ослов, которые едят овес и не читают Клаузевица. Это вынуждает предполагать существование еще и другой категории того же зоологического вида, которая не ест овса, но зато читает Клаузевица.

Самая фигура осла, как известно, принадлежит к излюбленнейшим сатирическим фигурам. Этим бедным старым ослом пользовался еще римский ритор Апулей во втором веке нашей эры, у нас его выводил на сцену дедушка Крылов, а из военных писателей маршал Мориц Саксонский изобразил тоже осла-стратега, но у него это был „осел-эмпирик“, который сделал с ним все походы, но не научился воевать. Как видно теперь по описанию тов. Троцкого, осел этот здорово поумнел, но не нужно даже зоркого глаза современного „спеца“, чтобы отвергнуть в его действиях всякую стратегическую ценность. Ведь та „операция“, которую он производит, не заключает признаков ни атаки, ни обороны. Бедный и, к тому же, как и следует по нашим временам,—голодный осел, всего на всего, только ворует овес через место, не защищенное даже рогожей. Да и слишком заметно, что он не читал ни Клаузевица, ни Леера. Ведь ни тот, ни другой из этих военных ученых не приписывали такого значения принципу действий через наименее защищенные места, т. е. в сторону наименьшего сопротивления. Также не могли советовать поворачивать „круп“, т. е. копыта задних ног, в сторону, *„противоположную опасности“* *).

Итак, фигура осла—это лишь более или менее удачная сатира на неумеренных поклонников вечных принципов военной науки, т. е. тех же доктринеров.

Достаточно спуститься всего на несколько строк в той же статье т. Троцкого, чтобы видеть, что он очень серьезно относится к некоторым „относительно устойчивым“ чертам или основным началам (принципам) военного искусства, как это уже было указано в изложении основных положений т. Троцкого.

Т. Троцкий восстает лишь против того, чтобы считать их абсолютными и вечными, ибо, как известно, ничто не вечно под луной, а также подчеркивает другой, очень важный принцип, что „методы

*) Курсив наш.

и приемы военного искусства меняются так же, как и общественные условия, их определяющие (техника, классовое строение, формы государственной власти)".

Нужно правду сказать, что в нашей старой школе первый из этих принципов (устойчивые данные) проводился слишком узко и недостаточно научно, а второй вообще недостаточно проводился в жизнь.

Размеры статьи и ее полемический характер не позволили, вероятно, т. Троцкому подробнее остановиться на обоих принципах, но дело в том, что „относительно устойчивые" данные военного искусства, хотя и не определяют всего этого искусства, но все же имеют очень важное значение. Они ставят военную науку в связь с целым рядом других наук, как физиология, психология, социология, этнография, демография, статистика, география, геология и другие. Это, по крайней мере, требует от командного состава большой „начитанности". Но роль военной науки не ограничивается только тем, чтобы набрать материал из разных наук. Она должна еще его обработать и привести в известную систему под определенным углом зрения. Достоинство каждой науки или „дисциплины" именно и заключается в том, чтобы пользоваться научными данными и рассматривать их с определенной точки зрения.

Военная наука заимствует данные, проверенные другими науками, и рассматривает их с точки зрения особых и вполне определенных задач, в определенных условиях, из которых наиболее общие и наиболее устойчивые—это враг и опасность.

Поэтому военная наука уже в области одних „устойчивых" данных есть действительная наука или самостоятельная дисциплина. Что же касается до области других данных, то их неустойчивость так же относительна, как и устойчивость первых.

Кто занимается статистикой, тот знает, что из „свободно действующих причинных зависимостей" в условиях общественной жизни выступают постоянно, так называемые, „закономерности", которые об'ясняются некоторой совокупностью постоянно действующих условий.

Распространяться на эту тему в пределах настоящей статьи было бы невозможно, но достаточно указать, для примера, что в дореволюционный период в России наблюдалась в течение длинного ряда лет сравнительно высокая смертность, но при такой рождаемости, которая, в конце концов, давала очень большой естественный прирост населения. Теперь, после мировой войны и в силу целой совокупности причин, у нас рождаемость сильно уменьшилась.

Т. Троцкий подходит к этому вопросу с другой стороны и дает целый ряд примеров устойчивости социальных и других условий, но мы вступили в полосу, когда на некоторое время наиболее устойчивой оказывается именно неустойчивость, по крайней мере внешних условий.

Это и должна учесть военная наука, но она же, при помощи других наук, не создавая устойчивой схемы или неизменной доктрины, должна постараться даже и в этой неустойчивой обстановке найти некоторые более устойчивые черты.

Такие „черты", несомненно, есть. Иные из них благоприятны для дальнейшего строительства армии, другие—неблагоприятны. Вторые нельзя возводить в принцип. Надо с ними бороться, но надо и считаться. Точно так же надо считаться, как и с теми, так и с другими, как в стратегии, так и в тактике.

Есть еще одно место в статье т. Троцкого, на котором надо остановиться с интересующей нас точки зрения.

„Какие банальности и бессодержательности понимаются под основными принципами военного искусства, пишет т. Троцкий, видно из торжественно цитируемых слов Фоша о том, что сущность современной войны заключается в том, чтобы, найдя неприятельские армии, уничтожить их, приняв для этого направление и тактику, приводящие к цели возможно скорее и вернее".

Иронизируя над этой выдержкой, т. Троцкий говорит, что „в дополнение к этому остается лишь сказать, что сущность современных методов питания состоит в том, чтобы найти дырку рта, внести туда пищу и, разжевав ее с возможно меньшей затратой энергии, проглотить".

Как было бы хорошо, если бы найти неприятельскую армию и уничтожить ее было бы так же легко, как—.... разгрызть и проглотить семечко от подсолнуха!

На этот раз стрела сатиры, как будто, направлена в маршала Фоша, да кстати уже и против фельдмаршала Мольтке, который в 1870 году поставил германским армиям как раз такую задачу: искать и бить противника. Очень больно должно достаться и старику Клаузевицу, на которого всецело опирается Фош в своей банальной и бессодержательной формуле.

Но если пристальнее присмотреться к полету сатирической стрелы т. Троцкого, то мы увидим, что мишенью для нее служат не Фош и не принципы, которые он выставляет, но некто, кто их торжественно, но не у места цитирует.

Выхватывать подобным образом отдельные принципы и делать их, как принято теперь говорить, лозунгами дня, конечно, не приходится.

Генералу Лееру в старые времена постоянно приходилось защищать его принципы от нападок в том смысле, что они не более, как общие места, ничего не выражающие.

На это Леер говорил:

„Что принципы суть общие места—это верно: они и должны быть общими местами или, как хотите их называйте: но, что принципы ничего не выражают—это, как для кого. Кто их понимает, для того они выражают очень многое".

Подобным образом из руководящих тезисов К. Маркса можно выдернуть какое-нибудь положение, например,—„Формы производства совершенствуются по мере технического прогресса“, а затем сказать, что оно ничего особенного не выражает, упуская из вида то воздействие, которое, по теории Маркса, формы производства сами оказывают на общественный быт и т. д.

Указанные выше цитаты из сочинения Фоша „О принципах войны“ относятся не более, как к *характеристике* им войн XIX столетия, которые выдвинули на первый план значение решительного боя с армией противника, по сравнению с войнами XVIII столетия, когда главными целями были: обладание территорией, захват крепостей и укрепленных позиций: отсюда же в XIX столетии и значение маневра большими массами, т. е. такое их направление, которое приводило бы скорее и вернее к победе в бою.

После такого об'яснения цитата из Фоша приобретает совершенно другой смысл.

Приписывать ее Фошу, как принцип для *действий*, нет достаточного основания. Он говорит в этом смысле о других принципах, а именно: принципе экономии сил (чтобы быть сильнее противника в решительную минуту на решительном пункте), о свободе действий или инициативе и об обеспечении операции (чтобы противник не отнял и не стеснил инициативы).

Относительно активности наступления и обороны большинство военных авторитетов придерживается тех же принципиальных взглядов, какие т. Троцкий проводит в своей брошюре.

Клаузевиц, на которого особенно охотно ссылается т. Троцкий, под впечатлением неудачи Наполеона в России, говорит даже о выгодах стратегической обороны перед стратегическим наступлением.

Если другие военные авторитеты, например, Фридрих, Суворов, настаивали на наступательности, то, главным образом, потому, что наступление выгоднее для под'ема духа войск и для захвата инициативы в действиях. Но надо во-первых иметь для наступления необходимые средства, а во-вторых—уметь воспользоваться выгодами наступления. Как Фридрих, так и Суворов имели очень существенные предпосылки для своей наступательности: отличные войска и превосходное командование. Они умели извлечь выгоды из инициативы, которую обеспечивала для них наступательность. Кроме того, не следует упускать из вида, что Фридрих и Суворов не имели широких непрерывных фронтов и действовали сравнительно небольшими армиями.

Немцы, в своих „основах высшего командования“, *) уже предвидя стратегию массовых армий на широких фронтах, проводили несколько иные взгляды на наступление и оборону. Настаивая на

*) Т. Троцкий на эти же основы ссылается под заглавием „Инструкции для высшего командования“. Подробнее они разобраны в моей статье „Единая военная доктрина и Красная Армия“ в номере 9—10 „Революция и Война“.

выгодах наступления и делая к нему те же предпосылки, как и Фридрих т. е. принимая в расчет отличные войска, превосходное командование, да и вообще всю немецкую техническую подготовку, они, однако, уж не исключают оборону из необходимых способов действия и даже говорят о некоторых выгодах тактической обороны.

Достаточно очевидно, что для Красной Армии,—насколько для нее можно предвидеть не только широкие, но тонкие и прерывчатые стратегические фронты,—оборона должна представляться еще более необходимой, в особенности приняв в расчет недостатки по части военно-технической подготовки.

Вполне понятно, что т. Троцкий так настаивает на обучении войск, как наступлению, так и обороне, предусматривая также и случаи преднамеренного отступления. Не будем спорить, что это очень трудные задачи для обучения, но они необходимы по условиям времени. Однако, есть одна подробность в этой общей директиве для подготовки армии, которую надо раз'яснить во избежание недоразумений.

Она связана с так называемым „духом наступления".

Т. Троцкий достаточно долго останавливается на этом понятии, высказываясь категорически против того, чтобы делать его основным мотивом военно-политической агитации или пропаганды.

Не может поддерживаться „наступательный дух" в стратегии, не выходя за пределы технических военных задач: может поддерживаться, наконец, такой же дух в тактике, т. е. в более ограниченной области боевых действий.

Можно ли и нужно ли его развивать в этих, более ограниченных, пределах.

Казалось бы, запрета быть не может, но с соблюдением некоторых условий.

В наступлении легче захватить инициативу. Развивая инициативу, мы, так сказать, по-неволе открываем свободу для наступления. Но наступление не должно быть готовым трафаретом или шаблоном на все случаи. Мало захватить инициативу, надо ее еще удержать до решительного момента, а для этого нужно известное обеспечение. Наконец, как бы выгодны ни представлялись наступательные действия, но оборона также необходима и неизбежна.

Однако, и в обороне нужен также „наступательный дух". Иногда вся оборонительная, по существу дела, задача может быть с самого начала всего удачнее разрешена общим и неожиданным переходом в наступление.

История знает такие примеры. Но, главное, ни одна победа, с тех пор как есть война на свете, не была одержана стоя на месте.

Оборона может понадобиться разная, иногда—до последнего человека, без надежды на победу в этом месте и в это время над противником. Это также надо иметь в виду. Но для победы над противником нужна активная, деятельная, предприимчивая, подвижная

оборона. И такая оборона—не одно „беззаветное наступление"—может также дать победу. В приводимых т. Троцким выдержках из французских газет этот вопрос освещается как-будто иначе.

Но в них все возражения направлены против новых французских уставов, которые в стратегии как-бы не допускают иного закона, кроме наступления, а в тактике требуют нападения „первым", чтобы воздействовать на психику противника. То и другое, конечно, односторонне и несогласно с принципами военного искусства, если дается как закон, на все случаи.

Надо, однако, заметить, что возражения французских газет справедливо опираются на психологию французского солдата, которого и без того нельзя упрекнуть в пассивности или в пристрастии к обороне.

Психика нашего бойца другая, чем француза, в котором течет галльская кровь, а потому и поучения наши должны звучать иначе.

В других местах, уже от своего имени, т. Троцкий именно так и делает, указывая на характерное, именно для нас, значение оборонительной военной пропаганды даже для наступательной войны.

Чтобы покончить с военно-научными вопросами, остается сказать несколько слов о том, что послужило главным поводом для статьи т. Троцкого, т. е. о самой военной доктрине.

Можно избегать слова, если оно влечет за собой нежелательные понятия, но можно не избегать самого понятия, если оно полезно. В революционные эпохи такие переименования некоторых прежних понятий совершаются довольно часто и легко об'ясняются с психологической точки зрения.

Будем говорить о том, что т. Троцкий подразумевает под военной доктриной в более тесном смысле слова. Очевидно, по его определению, с внешней стороны она должна представлять совокупность нескольких общих принципов, но с какою целью?

Очевидно, такою целью не может быть одинаковый или однообразный способ действия всех и каждого во всех случаях военной практики.

Каждый конкретный случай требует своего особого решения.

Но доктрина предполагает такое единство мыслей или взглядов, при котором совершенно тождественные случаи вызовут одинаковое решение. Но так как совершенно тождественных случаев в военной практике, или, по крайней мере, в стратегии и в тактике, не бывает, то нужно такое единство взглядов, при котором, кто бы ни решал какой угодно данной задачи (из числа лиц, знакомых с доктриной),—решение, в *общих и главных чертах, будет одно и то же* или, по крайней мере, *не будет сделано грубых ошибок*.

Вот, казалось бы, что нужно подразумевать под „доктриной", которую можно переименовать в единство взглядов или в единомыслие или никак не называть, но стремиться к тому, что она или оно подразумевает.

К требуемому единомыслию нельзя подходить непосредственно от частных случаев, от мелочей, через энциклопедические словари всех понятий, которые затрагивают военное дело. Это можно сделать только через целый ряд последовательных обобщений, которые и приведут, в конце концов, к нескольким общим началам или принципам.

Таким путем мы получим ряд общих начал или принципов *военного искусства*, в его различных областях, в том числе в области стратегии, тактики и т. п. Таковы, например, принципы Фоша, о которых выше говорилось. Спрашивается: могут ли эти принципы составить „устойчивый комплекс военно-политических идей и более или менее связанных с ними стратегических директив" или „сумму догматических положений", как о том упоминает т. Троцкий в своих возражениях „доктринерам". Можно с достаточной определенностью утверждать, что такие определения являются именно доктринерскими. В первом случае, очевидно, смешиваются понятия о „директивах" с понятием о „принципах". Первые, хотя и являются общими указаниями, но далеко не такими общими, как принципы военного искусства.

Если же принципы, а, тем более, директивы, обращаются в сумму догматических положений, как оказывается во втором случае, то это уже настоящее и самое вредное доктринерство той стратегии Пфуля и других, которую Леер называет метафизикой.

Вообще принципы военного искусства каждой данной эпохи (в зависимости от экономических и политических условий, состояния техники и т. п.) могут иметь вид некоторых сочетаний, но эти сочетания не могут считаться неразрывным комплексом и не могут применятся лишь в виде суммы,—практика может выдвинуть на первый план то один, то другой принцип, и, напротив, отодвинуть некоторые принципы на последнее место. Чтобы ясно представить себе такое значение принципов военного искусства, достаточно сопоставить хотя-бы два принципа: а) экономии сил, в смысле сосредоточения в решительную минуту на решительном пункте и б) обеспечения операции. В начале и даже во время развития операции второй принцип имеет весьма важное значение, к моменту удара,—на первый план выступает первый.

Вполне понятно, что нельзя было бы составить такую совокупность этих принципов, из которой, как говорит т. Троцкий, можно было бы „вывести и полевой устав, и штаты эскадрона, и покрой шинели".

Прежде всего нельзя было бы вообще составить такие принципы „из глубины собственного духа", метафизическим путем. Их самих надо вывести из многих частных случаев, наблюдая общие черты правильных, т. е. успешных решений. После этого с ними можно согласовать последующие решения, но продолжать вводить поправки в выведенные принципы, если потребуется. Затем для каждой области военного дела—для организации армии, для ее снабжения, для

ее подготовки, для стратегических и тактических действий надо и возможно иметь свои руководящие начала, которые вообще не должны друг другу противоречить, но редакция и даже содержание этих начал не может быть одно и то же.

Если мы с этим определением „доктрины" (в скобках) или единомыслия (без скобок) подойдем к вопросам, которые затрагивает т. Троцкий в своей интересной статье, то, казалось бы, решение многих из них значительно упростится, а, главное, сделается вполне очевидной вся невозможность вообще какой-то заранее установленной системы для решения всех стратегических и тактических вопросов без размышления, т. е. без об'ективного изучения каждого факта в отдельности и его отношения к другим, как это и есть в действительности.

Вместе с тем сделается очевидной вся важность именно *практической стороны принципов*, т. е. *не столько их изучения, сколько их применения.*

В области нравственного закона есть целый ряд принципов, которые хорошо известны всем и каждому. Так, например, каждому хорошо известно, что не нужно красть казенного добра и расхищать народного благосостояния. Однако, провести это правило в жизнь, как известно, не так-то легко.

То же и с принципами военного искусства. Они очень просты, но „простое не легко", как метко заметил Клаузевиц.

3. От принципов к делу.

Но довольно о принципах и военно-научных вопросах. Главнейшая область военного дела—на практике. Даже самые принципы хороши и нужны „по-стольку—по-скольку" они применяются на практике. Всего нужнее они на вершинах политики и стратегии, там, где по словам поэта, начинается „первое грозных обвалов движение" „От времени и общего направления этих могучих" обвалов зависит все остальное. Чем дальше от „вершины", тем больше выступает на первый план практическая работа.

Она нужна, прежде всего, чтобы создать самое орудие войны—армию, такую армию, которая именно не требовала бы приспособления стратегических и тактических задач и приемов к ее „особенностям", но годилась-бы для исполнения всех возможных задач, всеми способами, которые могут потребоваться по обстановке.

Вполне очевидно, что чем прочнее эта армия сколочена, чем лучше снаряжена, по современным требованиям техники, и чем лучше обучена, по требованиям той же техники, тем успешнее, проще могут быть разрешены все стратегические и тактические задачи. Другая задача относится уже к применению армии, но она короче всего достигается подготовкой командного состава.

Достигнуть идеала, как в том, так и в другом направлении, было бы трудно, но, если взглянуть прямо и трезво на дело, то мы увидим, что прежде, чем подходить к „идеалу“, остается еще очень много до очевидности необходимой работы.

Т. Троцкий заключает свою статью таким перечнем „ближайших задач“, который может показаться очень близким к требованиям недавней старины, хорошо памятным для тех, которые ее переживали, в особенности, не на верхах, а „в строю“, командуя десятки лет ротой и баталионом.

В деловой „программе“ т. Троцкого есть и пища, и вошь, и правильное ведение занятий, и устав, и беседы, и стрельба, и записные книжки, и смазка сапог и, наконец,.... портянки. Весь аккорд требований, слишком хорошо известный старым ротным командирам при генеральских инспекторских смотрах!

Сколько поту было пролито в старой армии на этой программе, сколько крови испорчено,—трудно сказать.

Но разница для новых условий заключается в том, что прежде десятки лет „долбили“ одно и то же, не смотря на широкую возможность итти дальше по пути развития военного искусства, тогда как в наши времена хотят достигнуть высших ступеней этого искусства одним революционным порывом, минуя все начальные ступени.

„Деловая программа“ т. Троцкого звучит, как призыв—спуститься с облаков на землю, очнуться от некоторого самозабвения и присмотреться к тому, что мы в действительности делаем и чего достигли.

Она приводит на мысль характерное восклицание германского генерала Верди в сражении при Находе, когда, находясь в очень сложной и не совсем обычной обстановке, он тщетно призывал на помощь „устойчивые схемы“ стратегии и тактики и, наконец, сказал сам себе: „*к черту доктрины и принципы*“. В чем тут дело?

Оборвав, таким образом, свои доктринерские размышления, он быстро нашел верный выход из положения.

То же должно случиться и с нами на нашем распутьи.

Недостатки наши достаточно ярки. Можно было бы привести для них очень длинный и убедительный перечень.

Но одного сухого перечня недостаточно. Может быть, вся суть дела заключается в том, чтобы в каждом недостатке отметить его наиболее характерные проявления, найти их общие причины, а также и те меры, которыми можно было бы их устранить, вызвав к деятельности другие, полезные начала, притом в возможно короткий срок, считаясь с условиями обстановки.

Остановимся на нескольких примерах.

Т. Троцкий в своей программе указывает на некоторые недостатки политического воспитания, советуя „толково и конкретно подготовлять политические беседы“.

Здесь, разумеется, едва лишь затронуты приемы политического воспитания, которые не могут ограничиваться одними беседами. Кроме

бесед на определенные темы, нужно, вообще, живое и печатное слово, картины, музыка, кинематограф, театр.

Но суть дела не в той или другой форме воспитательного воздействия.

Действительно неотразимы по своей *убедительности* не слова и не образы, но те *факты*, которые они отражают, закрепляют в памяти, накапливая и утверждая силу настоящего политического убеждения.

Чтобы использовать те или другие факты, необходимо, однако, связать их с интересами тех, кого мы хотим воспитать в известном направлении, а для этого нужно, с одной стороны, хорошо знать эти интересы, с другой—уметь осветить и об'яснить факты с точки зрения этих интересов.

Не будем скрывать, что в этом смысле у нас работа развивается далеко недостаточно. Значит, нужно ее развить, пользуясь декретами, постановлениями, периодической печатью, частными известиями, даже слухами и т. п.

Музыка и театр, кроме развлечения, далжны, конечно, преследовать также известные воспитательные цели. В унылой обстановке, при разброске людей, собрания и развлечения безусловно необходимы. Но у нас слишком часто вся так называемая клубная деятельность служит только для развлечения, не внося никакой воспитательной струи, что также указывает на определенное направление деятельности, которой не достает.

Физическое воспитание у нас в полном почти загоне; между тем, это—основа всякого иного воспитания.

Перейдем к обучению. Здесь мы увидим другие недостатки и другие способы, чтобы бороться с ними.

Самыми элементарными отделами обучения, как одиночного, так и частями, являются: владение оружием, движения и применение к местности. Это основа для выполнения всех тактических задач. При этом, одиночное обучение—это основа обучения, как состава мирного времени (кадра), так и всего резерва военного времени, который через него проходит; обучение частями—это подготовка состава мирного времени, для его развертывания при мобилизации. Ясно, что оба отдела должны быть твердо налажены.

Здесь уже не приходится считаться с теми или другими фактами политической жизни, о которых выше говорилось.

Сама техника изменяется чувствительно и заметно не днями, а годами.

Поэтому, как для одиночного обучения, так и для обучения частями, должны быть именно устойчивые и хорошо разработанные приемы. Нечего, пожалуй, опасаться даже известного рода рутины, лишь бы она была целесообразна и отвечала современным техническим условиям.

Но у нас слишком господствует рутина, притом, устарелая; строй должен оставаться военно-воспитательным средством и сред-

ством управления, но, как в одиночное обучение, так и в обучение частями, надо внести тактические начала, которых недостает.

Кроме этих отделов обучения, и на—ряду с ними, есть еще один очень важный, и даже особенно важный, именно, для Красной Армии, отдел,—это *обучение группами* всем видам полевой службы, в частности—разведке, охранению и связи. Как известно, по этой части мы особенно слабы, между тем, все „стратегические доктрины" с особенной настойчивостью указывают на необходимость довести разведку, охранение и связь до возможной степени совершенства.

Но есть и еще один отдел обучения, на котором т. Троцкий сравнительно меньше останавливается. Этот отдел—*военное образование*.

Само собой разумеется, что очерченые уже выше отделы практического обучения имеют образовательное значение, но при современных условиях одного натаскивания недостаточно.

Т. Троцкий говорит о необходимости „помочь командному составу превратить в свою внутреннюю сущность уставные заповеди о связи, о разведке, донесениях, охранении". Но это в одинаковой мере относится до всего красноармейского состава, насколько дело касается сущности уставных заповедей.

Такое же знание и понимание сущности полевого и строевого уставов необходимо для всех других полевых занятий. Нужно именно не задалбливание параграфов, а знание *сущности*, которое приводит к необходимости обучения не одним уставным заповедям, *но основам* тактики, в пределах необходимых для каждого красноармейца, старшего в звене и дозоре и младшего комсостава. Нужно, чтобы они имели общие понятия об организации войск, дисциплине, управлении, знали общую схему и организацию походных движений и расположения на отдых, общие приемы наступательного и оборонительного боев, приемы борьбы и совместных действий с другими родами войск. Нельзя не иметь никаких понятий о топографии. У нас даже не умеют назвать местных предметов и частей рельефа обще-употребительным языком, не умеют ориентироваться по странам света, а говорят, „насупротив" и т. п. Нельзя обойтись без истории Красной Армии, без некоторых познаний в географии, без которых многие беседы на политические темы совершенно непонятны. Вошь и чистота также не исчерпывают всех знаний, которые нужны теперь по санитарии и гигиене. Да найдутся и еще кое-какие необходимые отрасли познания. Нельзя упускать из вида, что в настоящее время все вообще военное дело требует известного уровня развития. В западно-европейских армиях это достигается как-бы само собой, более широким распространением образования, развитием средств сообщения, густотой населения, общими условиями культурной жизни. У нас надо особенно позаботиться, чтобы поднять уровень развития массы крестьянского населения до той высоты, которой требует военное дело.

В коротком обзоре „ближайших задач" т. Троцкий не выделяет подготовки командного состава, но, несомненно, именно к этой под-

готовке приводят все другие задачи воспитания и обучения. Как это ни трудно в короткий срок, но необходимо поднять уровень этой подготовки до такой же высоты, как у наших вероятных противников, кто бы они ни были. Можно согласиться с тем, что особенности Красной Армии не должны вызывать особенностей в тактических действиях, но они несомненно требуют хорошего и достаточно многочисленного командного состава.

Здесь одно натаскивание еще менее достигает цели, чем в подготовке красноармейцев, и главные задачи лежат в области общего и военного образования. Вот почему казалось нелишним и остановиться также и на принципиальной или теоретической части в статье т. Троцкого.

В заключение надо остановиться на „пище, сапогах и портянках", о которых напоминает т. Троцкий.

Это дело, действительно, очень существенное. В краткой программе т. Троцкого оно выразилось как бы несколькими „символами". Но если в них вдуматься, то перед нами откроется перспектива неисчерпаемой работы.

Многое в вопросах снабжения, несомненно, зависит от добросовестности, знания дела и внимания, на которых и останавливается т. Троцкий, но все же достигнуть достаточно полных результатов едва ли возможно, если будет по-прежнему испытываться недостаток в средствах. Сапоги можно смазывать, если есть мазь, а, главное,— сапоги. Хорошие щи можно варить, но из достаточного количества продуктов. Чистоту и порядок можно требовать, но слишком трудно ее поддержать в грязной избе, с земляным полом. Чтобы научить техническим средствам, надо их иметь. Само собой разумеется, как трудно поставить обучение, если где-либо приходится считаться не только с числом годных винтовок, но и с числом сапог.

Вообще, как говорит т. Троцкий, „нашу отсталость и бедность, особенно техническую, не возводить нам нужно в символ веры, а устранять всемерно....". Проводимая ныне связь военно-учебных заведений с гражданскими учреждениями имеет свою хорошую моральную сторону, но материальная зависимость, как военно-учебных заведений, так и войсковых частей от гражданских учреждений уже не представляет таких преимуществ. Определенный бюджет, вероятно, мог бы вернее обеспечить потребности. В последние годы старой армии было обращено внимание на расчеты той суммы денег, которую должен получить солдат, чтобы купить то, чего ему не полагается или не может быть дано от казны.

При новой экономической политике, вероятно, такой же вопрос возникает для красноармейцев. Но, особенно, как говорится, остро стоит вопрос с обеспечением командного состава. Постановление последнего Всероссийского С'езда Советов дает уверенность, что он будет разрешен. Это вопрос действительно неотложный.

Кроме материальных нужд в Красной Армии остаются еще и другие, пожалуй, не менее важные, удовлетворение которых зависит от распоряжений в обще-армейском масштабе, выходя за пределы частной инициативы и самопомощи.

Одна из таких нужд—уставы.

Указывая на пересоставление уставов на основании четырехлетнего опыта войны, как на действительно большую и насущную задачу, т. Троцкий говорит, что нужно читать, обсуждать и проверять уставы на совещаниях командного состава, затем собрать упорядоченный опыт войны, оценить его в центре более высоким опытом, разгрузить уставы от устарелого и приблизить их к армии.

Вся подобная работа, несомненно, имела бы свою пользу, но уставы нужны, как можно скорее. Эта задача не только насущная, но неотложная.

Придавая широкое толкование самому слову „устав", надо в первую голову подчеркнуть необходимость такого устава, который определял бы права и обязанности, как каждого красноармейца, так и лиц командного состава. Но нужна также и коренная переработка уже существующих уставов: дисциплинарного, внутренней службы, полевого, строевого и проч.

В одном месте (стр. 12 брошюры) т. Троцкий говорит, что „можно придать понятию военной доктрины более конкретное и узкое содержание, в смысле основных принципов чисто военного дела, регулирующих все стороны военной организации, тактики и стратегии". „В этом смысле, продолжает он, можно сказать, что военная доктрина непосредственно определяет собою содержание воинских уставов".

Если у нас уже есть то единство взглядов или те руководящие начала, которые, не называя доктриной, мы можем положить в основу уставов, то, казалось-бы, можно было бы ускорить работу изданием, хотя-бы, проэктов уставов, чтобы дать канву для работы в тех совещаниях командного состава, о которых выше говорилось.

IV. Заключение.

Отвергая попытки создать „новую доктрину" для Красной Армии в предположении, что ее вовсе нет в действительности, тов. Троцкий, между прочим, говорит: „покажите хоть частицу той военной доктрины, которой недостает Красной Армии".

Разумеется, здесь имеется в виду не доктринерство, а то, главным образом, что уже в существующих положениях, уставах и инструкциях не отвечает опыту войн и пользе дела.

Говоря о пересмотре уставов, т. Троцкий выражает пожелание, чтобы „воспоминание о боевых действиях, больших и малых, было сопоставлено с формулой устава и, чтобы каждый командир сознательно сказал себе, отвечают ли слова делу или нет, и, если расходятся, то в чем".

Эти пожелания не должны остаться без ответа.

Руководящая и, вместе с тем, вызывающая на обмен мнений статья т. Троцкого дает очень богатый материал.

Надо ожидать, что командный состав и все, кому дороги интересы Красной Армии, не замедлят откликнуться, как на призыв к делу, так и на участие в обсуждении, быть может, еще не вполне разработанных или не вполне проведенных в жизнь начал строительства Красной Армии и ее подготовки.

Литке.

Нужны ли сейчас Красной Армии военные комиссары.

Вопрос о том, нужны ли сейчас Красной Армии военные комиссары, не раз уже обсуждался в печати. Чаще всего поднимали его сторонники упразднения комиссаров. Попробуем сказать несколько слов в защиту института комиссаров.

Красная Армия не является первой армией с политическими комиссарами. Мы находим их в революционных армиях всех времен. Организуя армию из пролетарских и полупролетарских масс, ставя во главе ее начальников из чуждых ей элементов, рабочий класс поставил при них своих представителей, политических комиссаров, для осуществления диктатуры пролетариата. Функции комиссаров, их права и обязанности, не были точно формулированы в первоначальном положении о комиссарах. В первых инструкциях и указаниях комиссарам указывалось только, что комиссар является ответственным представителем Советской Власти и правящей партии пролетариата, должен контролировать командный состав в его работе, наблюдать за исполнением всех приказов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства и неуклонно проводить диктатуру пролетариата в армии. Несколько точнее были сформулированы оперативные функции комиссара.

С этими указаниями рабочие-комиссары начали вести работу в армии, рука об руку с бывшими генералами и офицерами. В процессе гражданской войны, организации и укрепления армии, все более и более определялась роль и функции комиссара. В последнее время институт комиссаров стал неот'емлемой составной частью Красной Армии.

Между Красной Армией 1918 и 1922 года лежат четыре года упорной работы по созданию ее мощи. Свою долю труда вложили в нее и комиссары. Они были вместе с партийными ячейками тем остовом, теми лесами, на которых строилась армия. Многое изменилось. Народился новый комсостав, беззаветно преданный Советской Власти. До десяти процентов среди них коммунистов. Реже и реже попада-

ются старые кадровые генералы и полковники. Из полков и дивизий аполитичный комсостав постепенно выживается, его заменяет красный командир. И самые молодые, самые ретивые из них начинают тяготиться опекой комиссара и требуют передачи руководства армией в их руки целиком, на началах единоначалия. Естественно, возникает вопрос, в состоянии ли наш комсостав во всех отношениях руководить Красной Армией. Наши современные красноармейцы, в большинстве крестьянская молодежь, не спаянная боями, плохо обученная, политически слабо обработанная. А наш командир? Оплотом красного комсостава является 42% не прошедших ни образовательной, ни военной школы. Война сделала их командирами. Это энергичные, беззаветно преданные рабоче-крестьянской власти командиры. На эту группу падает самый большой процент командиров коммунистов. Они занимают, главным образом, должности командиров взводов и рот, реже баталионов. Только талантливые одиночки из них занимают должности командиров полков и бригад.

Близко к ним стоят краскомы, окончившие во время гражданской войны четырехмесячные и годичные курсы. Больших познаний им курсы не дали по разным причинам, как материальная необеспеченность курсов, слабое общее развитие и грамотность курсантов, плохо налаженная политработа на курсах, не подходящие в современных условиях руководители на курсах и т. д. Эти две группы вышли из красноармейской среды, прошли основательную боевую школу. Их связывает с красноармейцами принадлежность к одинаковым социальным классам—к рабочему и крестьянству. Их слабой стороной является слабое общее развитие, слабая военно-научная подготовка, демобилизационное настроение и вытекающая отсюда пассивность при повседневной военной и политической работе.

Этих товарищей командиров нужно долго и упорно воспитывать, систематически пополнять их военное, политическое и общее образование. Но по социальному положению, по боевому прошлому это *красный* комсостав и, несмотря на все его недостатки, мы должны смотреть на него, как на оплот Красной Армии. Из них должен вырасти цвет нашего командования.

Вторая сильная группа комсостава—это офицеры военного времени. Они попали в Красную Армию лучше подготовленными, прошедшими хорошо налаженную, ускоренную военную школу, прошли боевой стаж в империалистической войне. В большинстве—это недоучившиеся ученики и студенты различных средних и высших учебных заведений, служащие различных учреждений, мелкие чиновники, народные учителя и т. д. В Красную Армию они попали по мобилизации, большинство из них, как и вся мелко-буржуазная интеллигенция, не знало, куда примкнуть, но привыкло к Кросной Армии, приблизительно усвоив себе задачи Советской Власти и отвыкнув от прежней обстановки; не видя другого выхода, как активная поддержка Советской Власти, они стали принимать живое участие в

строительстве Красной Армии. Они были грамотнее и более подготовлены во всех отношениях к управлению частями, и поэтому продвинулись на должности командиров баталионов, полков и бригад. Рука об руку с ними больше всего приходится работать в последние два года комиссарам.

Кадровых офицеров, кончивших в мирное время военные школы и служивших в царской армии офицерами, в дивизиях очень мало. На три стрелковых дивизии их едва наберется два десятка, и далеко не все занимают руководящие должности. Бывших генералов и полковников в дивизиях нет вовсе, если и попадаются бывшие штаб-офицеры, то это молодежь, выдвинувшаяся в империалистическую войну. Единственный выпуск Красной Академии Генштаба едва-ли резко отличается от комсостава в частях, т. к. он набирался из той-же среды и три года, проведенные в Академии под руководством старых профессоров, очевидно не могли его революционизировать больше, чем служба в строевых частях Красной Армии, да и число их незначительно. Не будем распространяться о военной подготовке комсостава. Нас интересует политическая сторона, подготовленность комсостава к единоличному руководству армией.

Младший комсостав, взводные и ротные командиры, а также часть батальонных, как происходящие в большинстве из крестьян и рабочих или из других социальных группировок, близких к ним, кровно заинтересованы в пролетарской революции. Они не теряли связи с деревней и заводом и, поэтому, имеют некоторые познания в области политграмоты. Их интересовало социалистическое землеустройство, народное образование, суд, разверстка, продналог, причины бандитизма и т. д. Они охотно, вместе с красноармейской массой, посещали политические беседы, митинги, собрания.

Наши взводные и ротные принадлежат к классам, активно участвующим в революции и советском строительстве, и поэтому живо интересуются политической жизнью страны. Для руководителя, они, может быть, подготовлены слабо, им нужна еще теоретическая подготовка, но при них не нужно комиссаров. Им свойственны все достоинства и недостатки рабочей и крестьянской массы и политическое воспитание они ведут, как могут. Если их участие в политработе не так заметно, как бы хотелось видеть, то виной тому их слабая подготовка вообще и некоторая обособленность политработы от общевоенной, что до сих пор еще ощущается. Остальной командный состав в полках, в штабах бригад и дивизий в большинстве своем политически малограмотен, несмотря на интеллигентность. В штабе одной из бригад нашего фронта был опрошен весь комсостав и выяснилось, что ни один из них не читал конституции Р. С. Ф. С. Р.

Все они были с законченным средним образованием, один с высшим, все служащие в Красной Армии с 1918 г. В их числе был комбриг и наштабриг. В трех полках той-же бригады почти все комбаты имели очень смутное представление о сущности советской власти.

Странствуя с полками по деревням, живя постоянно у крестьян, эти командиры не имели представления о формах землепользования, очень смутное об организации деревни, многие совершенно не представляли себе, что такое разверстка, продналог и т. д. Это было в 1921 г. На вопросы о гражданских правах красноармейца отвечали разнообразно, несколько человек из бывших офицеров ответило, что они избирательными правами не пользуются, как бывшие офицеры. Другие отвечали, что при советской власти все равны, и рабочие и попы пользуются одинаковыми правами. Нашелся комроты (бывший офицер, до службы учащийся), послуживший в свое время у Колчака, который на вопрос о разнице между белой и Красной Армией ответил, что белые носят погоны, а красные—нарукавные знаки. Дальнейшие распросы в этой области показали, что указанный комрот действительно не подозревал иной разницы. Такие же, примерно, результаты дал опрос комсостава нескольких полков и штабрига на Кавказском фронте в 1920 г.

Полнейшее незнание советского строительства выявил комсостав одной из стрелковых дивизий на борьбе с бандитизмом. Когда комбатам были поручены волости и, помимо военных заданий, было предложено повести работу среди населения, они оказались совершенно безпомошными и выявили сильное нежелание вести эту работу, несвойственную, как им казалось, Красной Армии. Потребовался энергичный нажим начдива, но и тогда работа продвинулась вперед слабо.

На политических беседах политруков с красноармейцами эта группа комсостава почти никогда не бывает, в политпросветработе участия не принимает. В лучшем случае можно видеть их участвующими в постановке спектакля.

Газеты эта группа комсостава читает мало. Интересуется, главным образом, фельетонами, стихами, сногсшибательными новостями. Все это как-то поверхностно. Из книг в ходу беллетристика, что полегче, для развлечения. Очень часто можно слышать с удовольствием рассказываемые истории о „цуке“ в военных училищах, о разных дикостях царской армии. Бывают разговоры о неправильных чино—производствах и о том, как можно было быть уже поручиком, если бы не помещала революция. Многие командиры рабоче-крестьянской Красной Армии упорно делят себя на „павлонов“, „александронов“, „алексеевцев“ и т. д., смотря по училищу, какое пришлось кончить. Даже канты гвардейских полков нашиваются еще на гимнастерки из складов чусоснабарма. В то же время этот самый комсостав искренно предан рабоче-крестьянской власти, упорно за нее сражался и то же собирается делать в будущем, при первой попытке буржуазии напасть на нас. И комроты, видевший разницу между Колчаковской и Красной Армией в нарукавных знаках, известен нам, как очень храбрый командир, не раз доказывавший в боях против белых и бандитов, как он умеет стоять за советскую власть.

Командиры полков, бригад и дивизий, уже в силу служебного положения, часто бывают грамотнее политически. Если заметна раз-

ница между беспартийными комбатами и коммунистами, то здесь она замечается мало, за исключением старых коммунистов. Тип командира полка, бригады и дивизии вполне определился и почти сравнялся. Газеты они читают, бывает, что читают и политические книжки. В своей практической деятельности они чаще сталкиваются с местными властями и поэтому их сведения в области советской политики шире. Средней старательности комполка частенько бывает на строевых занятиях, заглядывает в цейхгаузы, мастерские, околодок, но никогда не бывает на политбеседе, очень редко знает, что делается в клубе. Если он партийный, то часто не ладит с ячейкой из за непосещения собраний, пассивности, неуплаты взносов и т. д. Характерно, что приказы об ответственности комсостава за ликвидацию неграмотности, за политпросветработу пишутся особенно строго, но комсостав, серьезно относясь ко всяким другим приказам, отмахивается от политических. Не найдется, пожалуй, командира, отрицающего пользу политработы, преимущества грамотного красноармейца перед неграмотным, но учитель и политрук всегда без сапог, клуб в захудалом помещении, а неграмотные частенько попадают в наряд. Комиссару всегда приходится воевать из за этих мелочей, и если он характером слаб, то вся политпросветработа попадает на задний план. Если проводится какая-либо неделя или кампания, то большинство командиров начинают интересоваться ею, когда для нее отвлекается слишком много людей от полка.

Комбриги и начдивы, об'езжая части, подробно интересуются их жизнью, состоянием обоза, ходом строевых занятий, но, пожалуй, не найдется комбриг, который помнит, сколько кружков в клубе, сколько неграмотных кончило школу или сколько членов в ячейке. Если назначается какая-нибудь комиссия, то состав ее тщательно подбирается персонально, неопределенно, только указывается политический представитель. Политическая школа без дров, без строевых командиров, подивы не обмундированы. Трудно найти начдива, проинспектировавшего дивизионные политкурсы. Да и сверху, наряду с заботой о политпросвещении, наблюдается пренебрежение им. Программа дившколы, например, предусматривает все детали обучения, только политграмота, „утверждение в грамотности“ и прочее укладывается в 10 часов по „программе комиссара“. Много можно бы привести примеров и картинок из жизни наших частей по данному вопросу, нам они кажутся настолько знакомыми, что, прочитав указанное, читателю вспомнится многое. Слишком жива фигура комиссара, отвоевывающего право политработы на законное существование и внимание к себе. Как часты недоразумения между командиром и комиссаром на этой почве. Только в самое последнее время начинает проявляться некоторое участие командиров в политработе.

Партийные комполки, комбриги и начдивы немногим выделяются в лучшую сторону от беспартийных. Пренебрежение к политработе, незнание ее, специфический военный дух свойственны всему комсо-

ставу. В лучшую сторону выделяются только исключения. Значительный процент командиров коммунистов, исключенный из партии, доказывает это весьма наглядно. Оглядываясь назад, мы видим комсостав, совершенно чуждый пролетариату.

Гражданская война, условия жизни в Красной Армии, работа с комиссарами и коммунистами переродила комсостав. Худший элемент, так или иначе, исчезает из армии. Но наш комсостав далеко еще не тот, который являлся бы единоличным руководителем армии. Слишком многого не достает еще. За время своего существования Красная Армия помимо войны проделала еще другую громадную работу, сделавшуюся одной из ее нормальных функций. Это общественная и хозяйственная работа. Ни одно явление общественной жизни, ни одна задача, стоящая перед трудящимися, не проходила без участия Красной Армии. Да это и естественно. Лучшие силы трудящегося люда вошли в армию. Заняв с боем деревню, не успев перевязать еще раны, Красная Армия уже собирала митинги, собрания, организовывала Советскую Власть, налаживала политическую работу. Заходит полк в село—и через несколько часов политработники уже заботливо расспрашивают в исполкоме, как идет работа, собран ли продналог, работают ли школы. Проводится ли посевная кампания, агитационная неделя, борьба с голодом, везде Красная Армия, руководимая политработниками, идет в первых рядах, самыми стойкими, сплоченными шеренгами.

Над многими частями, наряду с боевыми знаменами, реют знамена Ордена Трудового Красного Знамени. Какое участие принимал в этом комсостав, особенно тот, при котором состоят комиссары? Мы очень редко видели на с'ездах советов в волостях и уездах командиров, даже на красноармейских конференциях их мало.

Комсостав не пытается взять в руки такой могучий фактор воспитания, как политработа в частях, немного энергии проявляет он в деле связи Красной Армии с трудящимися. А работы в этом направлении много, и работы, требующей громадной энергии и желания ее вести. Красная Армия—это военно-политическая школа, хозяйственная школа, школа коммунизма. Массы крестьянской молодежи, пройдя через нее, должны выйти оттуда стойкими революционерами, политически грамотными гражданами, сознательными советскими строителями. И демобилизованные красноармейцы, придя в деревню, доказали это.

Гражданская война, война угнетенных против угнетателей, пред'являет высокое требование к красным бойцам. Они должны быть высоко квалифицированными воинами и эта высокая квалификация состоит не в одной только технической подготовке—нравственная сторона, сторона политическая здесь сыграют громадную роль. Все великие полководцы уделяли ей большое внимание. По словам Наполеона, они составляют три четверти качеств армии. Красная Армия—освободительница трудящихся, следовательно, каждый боец ее должен

суметь рассказать освобожденному, что такое власть трудящихся, как ее надо организовать, против чего бороться. Последним лозунгом в Красной Армии--было сделать из красноармейца в боевой подготовке отделенного, в политической—политрука. Красная Армия—вооруженный авангард русского пролетариата и крестьянства. Тысячами нитей она должна быть связана с трудящимися. Красная Армия не может быть обособленной военной кастой, „военным сословием".

Справится ли наш современный командир? Думаем, нет надобности доказывать, что нет. Комсостав, не забывший, что он „Александрон", „Павлон" и пр., с любовью вспоминающий „цук" и „подтягивание", не созрел еще для этого ответственного руководства. Когда он с гордостью будет вспоминать, что он или его отец—рабочий такого то завода и что этот завод дал столько-то славных революционеров, картина будет иная.

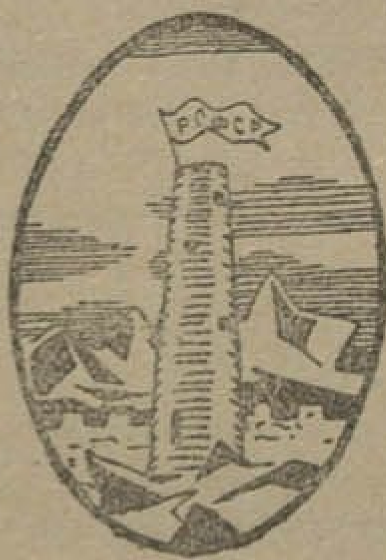
Сторонники упразднения комиссаров выдвигают другой институт, помощников по политчасти. Политотделы, политруки и помощники по политчасти будут, мол, вести политработу, если командир ее не умеет нести, был бы командир только предан Советской Власти. При такой постановке вопроса и ведутся разговоры о единоначалии. Но будет ли это единоначалие? Нам кажется, что в самом существовании политрука, политотдела и помощника по политчасти уже два начала. Политическая подготовка армии, политработа во всех ее видах оказывается в руках не начальника, а специального помощника. Подчинение такого помощника своему единоличному начальнику окажется только формальным. Помполитчасти будет тянуть к тем органам, которые действительно умеют руководить политработой. Зачем в роте нужен политрук, раз каждый взводный был бы в состоянии вести политработу, а ротный руководить и направлять эту работу? Зачем в полку помощник по политчасти, если всякий комбат, или другой командир, в состоянии так же руководить политической жизнью армии, как он руководит строевой подготовкой своего баталиона и его действиями в бою? Если бы комсостав на самом деле был политически подготовлен и понимал бы вполне политическую роль Красной Армии, значение политработы, то все специальные политработники должны бы отпасть. В армии сохранился бы только чисто партийный аппарат. Но о таком командном составе нам пока приходится только мечтать. Помощник по политчасти, подчиненный начальнику, это только формальная уступка одному из „вечных и неизменных" принципов единоначалия, реальных последствий, кроме удовлетворенного самолюбия, не имеющая. А политработе грозит опасность остаться на втором плане.

Комиссар не является только комиссаром при начальнике. Комиссар—это квалифицированный военно-политический работник, руководитель части.

„Сочетание генштабиста и коммуниста дают 100% командования", сказал как то наш Главком, и он совершенно прав, но пока в Красной

Армии не выросли еще генштабисты, которые в такой же степени были бы коммунистами, и наоборот, коммунисту еще приходится дополнять генштабиста, генштабисту—коммуниста. Это сочетание, дающее 100% командования, мы пока можем найти только в двух лицах, в командире и комиссаре. Подчинение одного другому даст преобладание одной какой-либо стороне, а это едва ли полезно. Вопросы организационного характера заставят нас не делать исключений.

Комиссарам и политработникам еще долгие годы придется продолжать свою плодотворную работу по руководству политическим воспитанием красноармейцев и всей политической жизнью армии, особенно по подготовке красного комсостава. И когда наш комсостав окончательно созреет для единоличного руководства армией, тогда поговорим об упразднении специального политического состава или о коренной реорганизации политического аппарата.

Стратегия и тактика.

Н. Варфоломеев.

Движение преследующей Армии *).

(Продолжение).

IV. Управление.

В предыдущих главах были освещены основные положения, как собственно преследования, так и движения ядра преследующей армии, ее главных сил.

Преследование—энергичное и непрерывное—ставит себе целью максимальное физическое и моральное воздействие на передовую линию отходящих войск, т. е. на то, что, так сказать, грудью противостоит натиску преследующего. Конечная задача преследующего—создать в итоге процесса преследования обстановку, отвечающую условиям наибольшей легкости достижения, решительного успеха на поле решающего сражения—для преследующей стороны и, наоборот, затруднить или (что еще лучше) совершенно уничтожить возможность упорного и планомерного сопротивления—для стороны отходящей. Сообразно указанным выше задачам и строится, как план, так и самый способ действий войск, ведущих непосредственное преследование. Действия сплошь и рядом крайне недостаточными силами на широких участках, рассредоточенность по фронту и группировка резервов в глубину, удары на немногих, но наиболее важных направлениях, длительность операции, стремительный ход событий, ненормальность снабжения и пополнения людьми и боевыми припасами, сложность боевой обстановки, недостаток сведений о противнике—все это пред'являет большие требования к искусству, опытности, энергии

*) См. „Рев. и Война“ № 13.

и воле командования и к стойкости, выносливости и уверенности в своих силах в отношении войск.

Войсковые соединения, ведущие преследование, поставлены в условия весьма большой самостоятельности. Для всего командного состава—начиная от комвзвода и кончая начдивом—представляется неограниченное широкое поприще применения частного почина. Крайне широкое протяжение современных фронтов и неизбежная разбросанность сил (вследствие их резкого несоответствия занимаемым боевым участкам), с одной стороны, и скудные рессурсы средств связи, с другой, не могут не послужить достаточно убедительным доказательством приведенного выше положения о неограниченных возможностях проявления частной инициативы. Ею должны быть пропитаны все действия комсостава, под ее флагом должна протекать вся работа командования по управлению войсками на поле боя.

Итак, боевая и, притом, крайне широкая самостоятельность должна стать обычным явлением в операциях гражданской войны вообще, и в процессе преследования,—в частности. Далее, если командование (начдивы), в силу личных свойств, попробует избежать такой самостоятельности путем пассивного ожидания указаний сверху и формального выполнения поставленных задач, не выходя из рамок разграничительных линий своего боевого участка, то все же боевая действительность вынудит его пойти по пути самодеятельности. Если ранее говорилось, что современные поля сражений—пустыни, то теперь, когда на огромных участках действуют крайне малые силы, это положение звучит еще убедительнее.

Горсточка людей теряется на полях битв; на фронте наблюдаются большие прорывы. Не только огневая, но и боевая и маневренная связь сильно затруднены. Контингент войск слабо обучен, мало стойкий. Нормальное снабжение затруднено, транспорт недостаточен. Длительные и в то же время стремительные по ходу событий операции истощают физические силы бойцов. Ясно, что в таких условиях управлять не легко. Ясно также, что командование (в особенности начдивы) должно обладать сильной волей и широкой инициативой. Что касается тактики, то здесь должна преобладать дерзость действий, основанная на строгом учете текущей и *назревающей* боевой обстановки. Больше чем когда-либо гражданская (классовая) война пред'являет к командованию требование: „горячее сердце, холодная голова“.

Таковы главнейшие общие основания деятельности исполнителей (начдивов). На них ложится большая доля работы по управлению войсками, работы, так сказать, непосредственной, работы в самой гуще боевых впечатлений. Непосредственное руководство войсками на обширных полях современных сражений в отношении управления требует многого. Прежде всего (помимо личных свойств,

опытности и искусства начдива), необходимо наличие двух важнейших факторов:

1) Частные исполнители (командиры бригад и полков) должны хорошо знать своего начдива, а последний их. Заблаговременное обоюдное знакомство позволит заранее установить, на что может расчитывать начдив, отдавая то или иное приказание. В особенности важно начдиву заранее рассортировать, так сказать, своих подчиненных начальников в отношении их способности применять разумный частный почин.

2) Наличие средств связи должно обеспечивать возможность быстро передавать на места приказания и получать донесения. Эта истина стара, как мир, и распространяться по этому поводу не приходится.

3) Не считая своей задачей рассмотрение вопроса управления дивизией (так как данный очерк трактует все вопросы в общеармейском масштабе), мы перейдем к рассмотрению как условий, в которых протекает работа армейского командования по управлению преследующей армией, так и самой указанной работы.

В целях использования наглядного метода, мы остановимся на действиях 16 армии, принимавшей участие в составе войск Западного фронта в летней кампании 1920 года, при нашем наступлении на Варшаву. К началу наступления, т. е. к 7 июля 1920 года, в состав 16 армии входило 5 стрелковых дивизий (2, 8, 10, 17 и 27), занимавшие, в общем, участок протяжением около 240 верст и перешедшие затем в наступление на фронте в 100 верст, каковой они, в общем, и сохраняли при своем продвижении вперед, вплоть до выхода на подступы к Варшаве.

К указанному времени штаб 16 армии находился в Могилеве, откуда и держал проволочную связь со штадивами. Армейской директивой было приказано выделить полевые штабы дивизий и к началу операции продвинуть их ближе к передовой линии. Эти полештадивы сохранились на все время боевых действий, служа центром оперативной работы. Являясь немногочисленной по составу, легкой и подвижной ячейкой, полештадивы, имея возможность последовать за продвигающимися вперед войсками, сохранили с ними связь и служили фактически органом, руководящим боевыми действиями. В общем, полештадивы несомненно принесли большую пользу и заслужили права гражданства. Нет сомнений, что и в будущих операциях полештадивы найдут широкое применение. В условиях той стремительности и почти беспрерывного продвижения, которыми характеризовалось наше наступление к Варшаве (500 верст было пройдено с боями в 40 дней), штаб дивизии в целом явился бы слишком громоздким учреждением, которое неминуемо бы оторвалось от своих войск. Только полештадивы, небольшие и подвижные, оказались в состоянии продвигаться вместе с войсками. В течение нашего продвижения к варшавским подступам, т. е. за время около 40 дней,

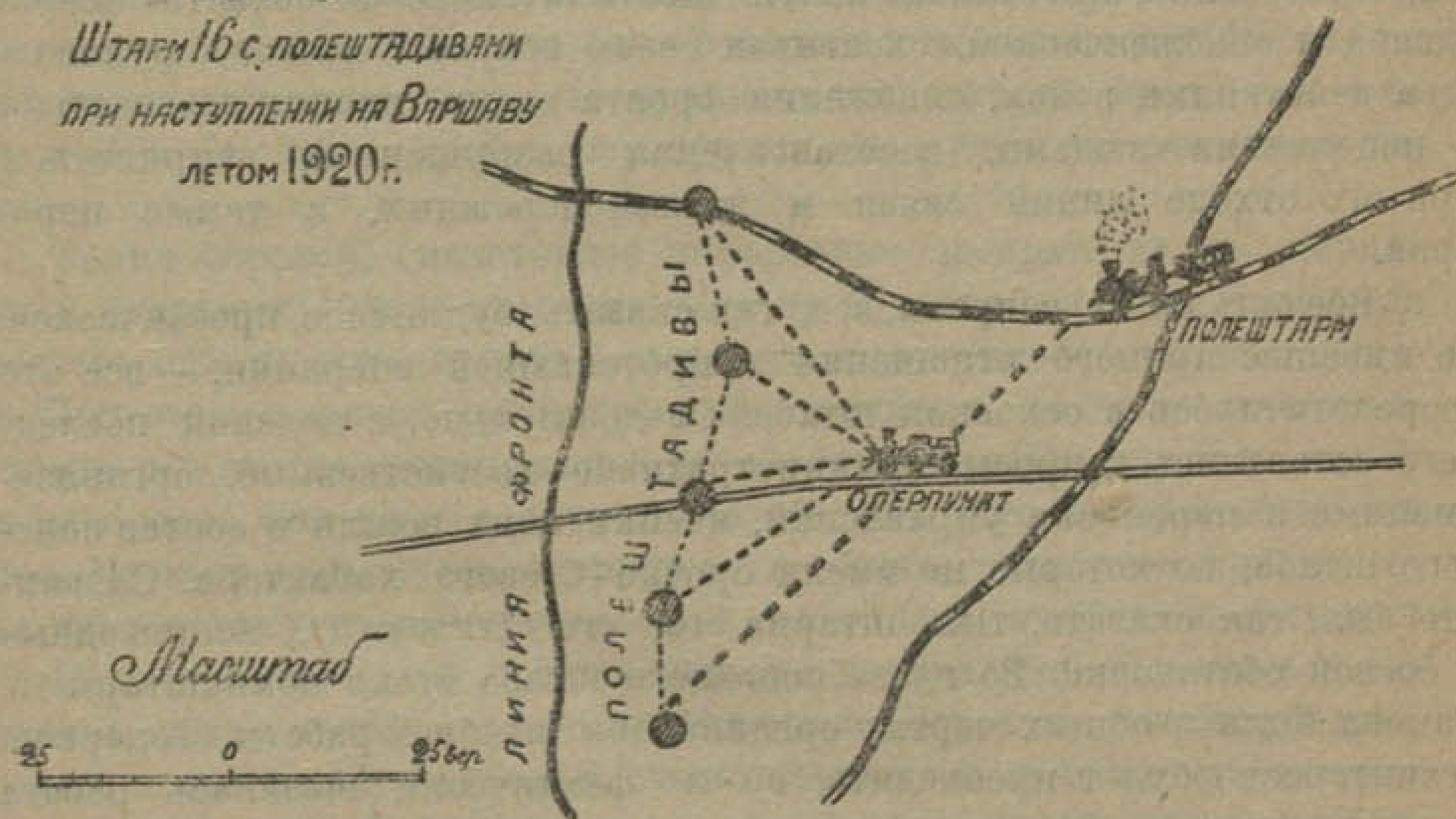
полештадивы, в среднем, не стояли в одном месте более 2—3 дней. Это обстоятельство уже достаточно убедительно характирезует трудность поддержания связи между полештадивами и штармом. Последний до 12 июля находился в Могилеве. К этому времени полештадивы ушли значительно вперед, и поддерживать с ними связь становилось очень трудно. В силу этого определилась очевидная необходимость выдвижения вперед полевого управления армии. Однако, в целом выбросить его не представлялось возможности—слишком уже громоздким было оно. Поэтому было решено перебросить вперед некоторую часть полевого управления, в составе ячеек наиболее важных и необходимых по ходу боевых действий управлений. Так составился полевой штаб армии, который 14 июля и перешел в Минск.

Однако, к этому времени выяснилась недостаточность и этой меры. Быстрое прдвижение вперед полештадивов ставило поддержание с ними проволочной связи в очень трудные условия. Другого вида связь (всякого рода посыльные) не давала положительных результатов, да и не могла считаться удовлетворительной вообще. Полештарм, все же, несмотря на все старания уменьшить его, будучи по составу большим и громоздким, мог передвигаться только по железным дорогам, направление коих зачастую не совпадало с общим направлением передвижения наших войск. Явилась опять необходимость выбросить вперед ячейку еще меньшего состава, более легкую и подвижную, не привязанную к железной дороге и пользующуюся при своих передвижениях исключительно авто-транспортом. В силу указанных соображений была организована небольшая ячейка из работников оперупра и связи с задачей наладить и поддерживать прочную проволочную связь с полештадивами, служа, таким образом, связующим звеном последних с полештармом.

Так народился оперативный пункт 16 армии. Спешно сформированный, он 16 июля выехал из Минска и начал свою деятельность, продолжавшуюся вплоть до начала нашего общего отхода от линии реки Вислы, когда он и был расформирован. Работа, его роль и значение очерчены в статье „К вопросу об армейских оперпунктах", помещенной в № 11—12 журнала „Революция и Война", а потому этого вопроса мы касаться не будем. Однако, пользуясь случаем, мы не можем не подчеркнуть еще раз всю полезность оперпункта. Удачно подобранный в своем личном составе, сравнительно достаточно снабженный материальной частью и перевязочными средствами, оперпункт в итоге своей работы выполнил возложенные на него задачи и в значительной степени облегчил работу армейского командования по управлению наступающей армией. Не малую роль сыграл и правильный взгляд армейского командования на оперпункт: последний являлся не только средством поддержания связи между полештармом и полештадивами, но, некоторыми полномочиями со стороны командарма, получил возможность на месте разрешать оперативные вопросы, не требовавшие специальной санкции последнего.

Это в значительной степени упрощало руководство боевыми действиями, по крайней мере в менее важных деталях.

Таким образом, с созданием оперативного пункта, получилась следующая схема связи между армейским командованием и начдивами (приложение № 5): полештарм—оперпункт—полештадивы. Опер-

пункт, передвигающийся исключительно на авто-транспорте и придерживающийся, в силу этого, шоссейных дорог (по возможности перпендикулярных к фронту нашего наступления), устанавливал и поддерживал связь с полештадивами, с одной стороны, и с полештармом с другой. Этот последний, в силу вышеуказанной его громоздкости и невозможности выйти из вагонов, обычно располагался и работал в поезде командарма, будучи привязан, таким образом, к железным дорогам. Оставив в стороне вопрос о значении оперпункта, о пользе которого, как нам кажется, не может быть нескольких мнений, обратимся к обсуждению организации работы штарма 16 в течение операции.

Как уже было сказано, с 14 июля из состава полевого управления 16 армии был выделен полештарм, представлявший собой совокупность ячеек наиболее важных управлений. Все остальное осталось позади и получило наименование основного штаба. Таким образом, штарм 16 разделился на 2 части, разнородных по составу и значению. Во главе полевого штаба стоял наштарм 16, руководивший его работой. В состав полештарма или, вернее того, сокращенного полевого управления армии, которое находилось впереди вместе с Реввоенсоветом армии, входили ячейки управлений — оперативного, снабжения, военно-продовольственного, военных сообщений, нач. инже-

неров, связи, автомобильного, броневых частей, чусо, особоотдела, ревтрибунала. Начальники названных управлений имели при себе необходимое количество сотрудников для работы. Этот полевой штаб находился в поезде командарма и путешествовал всюду с последним. Перечень вышеприведенных управлений показывает, что создание полештарма преследовало собою цель иметь такой служебный аппарат, который, не будучи слишком громоздким, все же мог бы выполнять работу, непосредственно связанную с ходом боевых действий. Работа эта, естественно, протекала почти исключительно в области оперативной и снабженческой, охватывая собою вопросы боевого руководства действиями войск, снабжения фронта всеми видами довольствия и пополнения людьми, восстановления разрушенных неприятелем при его отходе линий связи и железнодорожных, а также переправ.

Все остальные вопросы, все, так сказать, будничное, прозаическое, не имевшее прямого отношения к протекавшей операции, — все это сосредоточилось в основном штабе. Следовательно, в ведении последнего оставались вопросы административно-хозяйственные, организационные и переписка управлений, ячейки коих вошли в состав полевого штаба, но которые не имели срочно-боевого характера. Словом, это был, так сказать, тыл штарма 16, его „тяжести", непригодные в боевой обстановке. Во главе основного штаба стоял помнаштарм 16. Такова была в общих чертах организация штабной работы. Теперь небезинтересно будет проследить, во что фактически вылилась работа полевого и основного штабов и оперпункта. Прежде всего следует отметить, что полештарм почти все время не вылезал из вагонов. За время нашего наступления, т. е. с 7 июля до 15 августа, полештарм разгружался два раза — в Слониме и Пружанах. За отступление — один раз (в Слониме). В начале октября оба штаба — полевой и основной — соединились вместе (в Замирье). При таких условиях — жизни и работы в вагонах — при упакованных в ящиках делах, при не всегда существовавшей связи с дивизиями (через оперпункт), работа полештарма вряд-ли могла быть названа удовлетворительной. Не имея возможности судить о работе всех управлений за неимением достаточных для этого материалов, мы можем, однако, в отношении оперативного управления сказать, что работа этого управления, — ячейки его в полевом штабе—не дала положительных результатов. Составление ежедневных оперативных и разведывательных сводок, сношения с начдивами и штадивами по заданиям армейского командования или штаба фронта составляло работу оперпункта. На долю оперупра полештарма присоединилось (практически) составление директив и распоряжений, ведение боевого состава, переписка со штазапом. Учитывая, однако, крайне невыгодные условия работы (сидение в вагонах), а, главное, отсутствие в нужных случаях необходимых справок, т. к. не было смысла и возможности брать с собой в поход все дела, приходилось считаться с фактом невозможности в срок и должным образом выпол-

нять работу. Прямым следствием сказанного явился застой в работе и заваль в делах.

Та же картина, но еще более мрачного тона, наблюдалась и в оперупре основного штаба. Тут уже безусловно не было никакой работы; сотрудники сидели в эшелоне на запакованных ящиках и вынужденно бездействовали. Следует отметить, что основной штаб, посаженный в Могилеве в эшелоны, вскоре за переходом полештарма в Минск так и застрял в вагонах, почти на все время операции, только уже при нашем отступлении (вернее в конце его) соединившись с полештармом. Понятно, что работоспособность такого штаба равнялась нулю и пользы он принес крайне мало, скорее вред, так как загрузил и без того крайне перегруженные и забитые железные дороги.

Таким образом, оперативное управление штарма 16 на период летней операции 1920 г. было разбито на 3 части, из коих одна была в составе оперпункта, другая — полевого и третья — основного штабов. При этом наиболее ответственные, лучшие и по ходу дела необходимые работники находились при оперпункте. Понятно, что подобная разброска сил ничего путного не обещала, что и оправдалось на деле. Из всех трех ячеек оперупра, в общем, наиболее приспособленной, а потому и работоспособной, оказалась ячейка оперпункта

Надо думать, что и прочие полевые управления оказались в положении, аналогичном положению оперупра. Вероятно и там разделение сил и выделение наиболее ответственных и лучших работников в состав полештарма без наличия, однако, под рукой всего необходимого материала и надлежащих условий работы не принесло на практике нужных результатов и привело лишь к застою и разладу в работе. Этот разлад долго еще чувствовался и после слияния обоих штабов; долго еще приходилось ликвидировать бумажную заваль, разбирать и сортировать дела, отыскивать затерянные бумаги и т. д. Как и всегда, разлад аппарата произошел гораздо быстрее, чем его восстановление. Потребовалось время на приведение всего в порядок. На это можно возразить, что при боевых действиях, в условиях стремительно развивающихся событий, приходится считаться с трудностями обеспечить планомерность канцелярской работы. Нам кажется, что это не так. Можно и в кочевых условиях наладить штабную работу так, чтобы она давала максимальные и положительные результаты. Все дело в надлежащей организации, чего мы и коснемся ниже.

Что касается армейского командования, то последнее в течение всей операции (и наступательного, и отступательного ее периодов) находилось в, так называемом, поезде командарма, с которым путешествовал и полештарм. В составе поезда был вагон-телеграф, который имел связь с оперпунктом. Привязанный к железным дорогам и находясь в прямой зависимости от их восстановления, поезд командарма не всегда мог занять выгодное в отношении линии фронта

(штадивов) положение, зачастую находясь то на правом, то на левом фланге армии. Это обстоятельство не могло, конечно, не отразиться в плохую сторону, как в смысле установления и поддержания связи, так и затруднительности, в случае надобности, личного посещения командармом того или иного начдива или участка фронта. Временами Реввоенсовет (командарм и член РВС) покидали поезд и на автомобилях посещали оперпункт и полештадивы, где на месте знакомились с положением вещей, принимали доклады и давали новые задания, как частные—для данной дивизии, так и общие—в масштабе армии. Иногда армейское командование оставалось на оперпункте несколько дней и, пользуясь его связью, вело переговоры по проводу с начдивами.

Таков абрис организации управления (в смысле сношения с подчиненными инстанциями, получения от них донесений, передачи им боевых приказаний и штабной работы вообще) преследующей армией, двигающейся к полю решительного сражения, каковой была 16 армия в период летней кампании 1920 г. Прилагаемая схема (приложение № 6) наглядно иллюстрирует постановку дела в этой области.

Теперь обратимся к рассмотрению, на сколько удобна была подобного рода организация. Что касается роли и значения оперпункта, то в отношении его мы всецело остаемся при ранее высказанном мнении, что он безусловно принес большую пользу и не только как сборный пункт донесений и передатчик приказаний от штарма в штадивы, но и как орган с известными полномочиями от армейского командования, что позволяло ему, в случаях необходимости, срочно ликвидировать те или иные оперативные недоразумения. Далеко не таким выгодным и отвечающим цели оказалось разделение штарма на основной и полевой, со всеми вытекающими отсюда и очерченными выше последствиями. Прежде всего, в отношении производства самой работы, оказалось, что и в полевом и, тем более, в основном штабах

таковая почти замерла и если выполнялась, то по-стольку, по-скольку она удовлетворяла, во-первых, наиболее срочную текущую потребность, а, во-вторых, в тех случаях, когда работа не требовала наведения всякого рода справочного материала, которого под рукой (в полештарме) не оказывалось. Он был в основном штабе, но последний, оторванный от фронта, вообще не работал. Получался некий заколдованный круг, выйти из которого было затруднительно.

Сама по себе идея отделения и оставления в тылу всего того, что по условиям кочевой жизни непригодно и обременительно, т. е., другими словами, разделение штарма на основной и полевой—правильна. Однако, проведение этого в жизнь требует весьма многого и, как показал летний опыт 1920 года, на практике привело к весьма значительной потере работоспособности общих штабов. Причин этому достаточно. Важнейшая из них—почти полная невозможность правильной организации передвижения полештарма, что стоит в прямой зависимости от общего недостатка транспорта. Если мы свяжем передвижение штабов с железными дорогами, то, в результате, учитывая: 1) стремительный ход наступления и 2) немногочисленность и, в связи с этим, забитость наших желдорог, то мы не гарантированы, что и в будущем мы можем наблюдать такую же картину, которая наблюдалась при переброске из Могилева основного штарма 16. Оставленный в начале в Могилеве и посаженный затем в эшелоны для переброски его в Минск и далее, основной штаб только 8 августа прибыл в Слоним, пропутешествовав почти 3 недели в вагонах. Да и то прибыл далеко не в полном составе, растеряв по дороге частицы. В дальнейшем, вследствие изменившейся обстановки, штаб к 4 сентября перешел на ст. Замирье, но при этом опять-таки сильно растянулся, оставив часть управлений в других местах (упвосо—в Барановичах и упрснабарм--в Столбцах). Последние же эшелоны основного штаба вообще не могли быть своевременно переброшены из Могилева, так как железные дороги не оказались в состоянии справиться с массой пред'явленных им перевозок. В силу этого, последние эшелоны основного штарма частью остались в Могилеве, частью же безнадежно застряли в пути. К этому времени полевой штаб с поездом командарма очутились уже далеко впереди, и, в результате, полевое управление армии оказалось разбросанным на протяжении нескольких сот верст, каковое расположение, конечно, крайне неблагоприятно отразилось на работе, дав в итоге залежи, застои и перебои.

Минувший опыт выявил всю нежелательность, без крайней нужды, отделения основного штаба от полевого и оставления первого в тылу. По тогдашним условиям избежать этого не представлялось возможным, как вследствие быстрого продвижения наших наступающих войск, так и громоздкости штабов, неприспособленности их к передвижениям походным порядком и слабой провозоспособности железных дорог. Так как подобное же отделение было произведено в штадивах, то в масштабе армии это привело к тому, что штабная

работа разладилась в целом. В итоге, полевые штабы, не имея достаточного количества сотрудников и необходимых справок под рукой, не справлялись со всем поступившим материалом, выделяя из него лишь наиболее важнейшее в оперативном отношении; основные же штабы, пребывая в глубоком тылу, оторванные от командования и лишенные работы, томились в бездействии, не имея связи не только с войсками, но сплошь и рядом и со своими полевыми штабами.

Таким образом, как мы видим, передвижение штабов по желдороге не обещает ничего хорошего (конечно, в тех условиях медленности передвижения по ним, которые наблюдались летом 1920 г. и которые, принимая во внимание существующее положение железных дорог, весьма вероятно будут иметь место и в будущем). Отсюда, естественно, возникает вопрос желательности передвижения полештарма походным порядком. Это даст большие преимущества, главнейшие из которых будут следующие:

1) Свободный выбор направления, выгода чего говорит сама за себя;

2) Возможность в местах стоянок располагаться с большим удобством для работы, чем в вагонах. При этом, при наличии прочной связи с полештармом, нет особой необходимости слишком часто менять места остановок. Оперпункт, который не может далеко отставать от полештадивов, естественно не может долго задерживаться на месте (конечно, если наше наступление продолжается безостановочно). Связь в тыл (к полештарму) установить и поддерживать гораздо легче, чем вперед, к полештадивам. То или иное увеличение расстояния между полештармом и оперпунктом, в смысле связи, таким образом не играет роли. Следовательно, полештарм может сравнительно на долго остановиться на одном месте и разложить свои дела.

Однако, есть и другая сторона медали. Отрицательными сторонами передвижения походным порядком полештарма явятся:

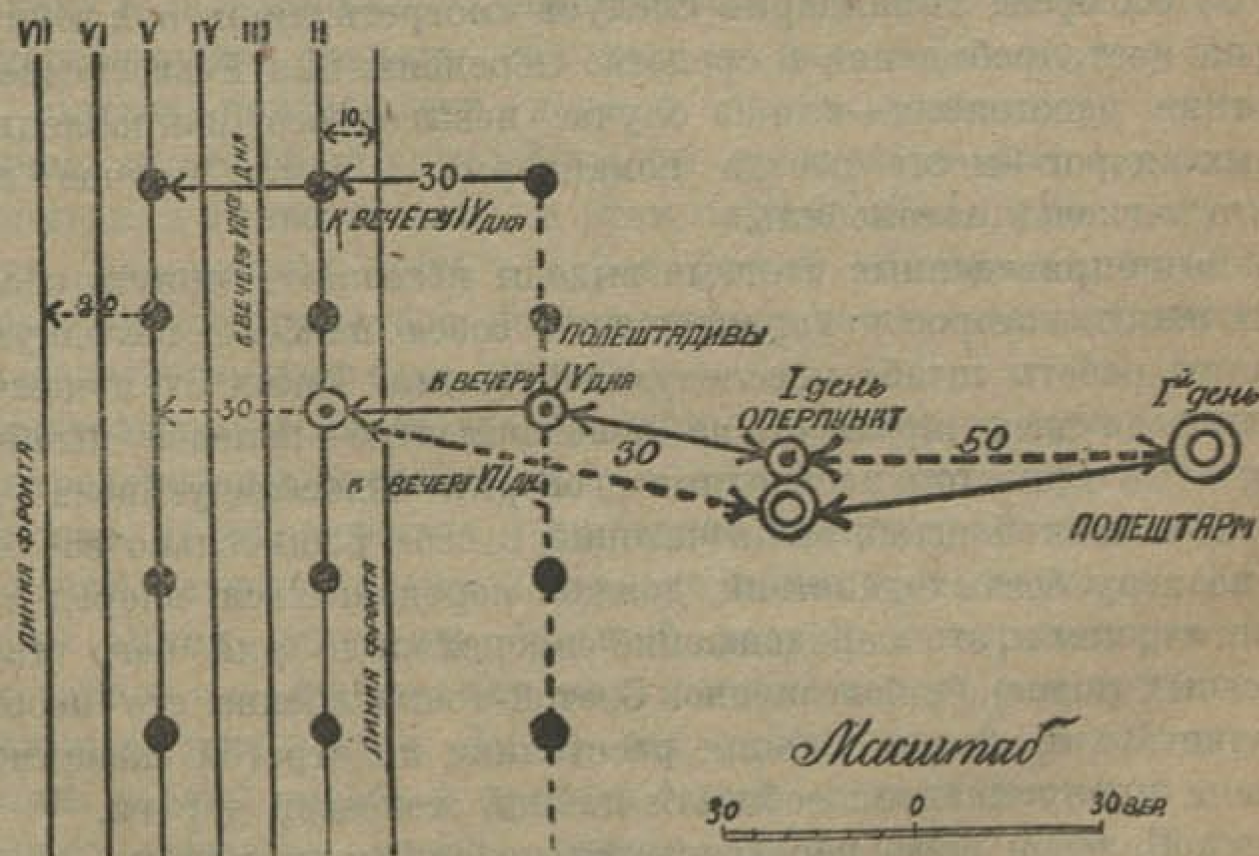
1) Большой расход транспортных средств. Поднять весь полештарм на автомашинах, конечно, не представляется возможности — слишком много потребуется машин. Таковые (легковые автомобили) будут только в распоряжении наштарма и некоторых начальников управлений. С другой стороны, при передвижениях полештарма крайне желательно перебрасывать его на новое место сразу, в один прием. Естественно, что это можно сделать только на колесном транспорте. Однако, учитывая большой расход для этой цели и общий недостаток транспорта и громадную потребность в транспортных средствах для боевых нужд фронта, приходится считаться с необходимостью весьма осторожно тратить эти средства, достигая экономию за счет всемерного сокращения самого полештарма. Однако, это сокращение не должно ослаблять работоспособность полештарма.

2) Большая трата времени на совершение переходов, которая для дела явится, конечно, убыточной. Дабы избежать этой бесполезной траты или, вернее, уменьшить ее, следует, как уже было ска-

зано выше, по возможности реже менять места остановок. Однако, в этом отношении существует известный предел. Можно считать, что нормально полештарму придется переезжать на 7-е сутки, т. е. 6 дней сидеть на одном месте и 7-й тратить на переход, в среднем, в 50 верст. Это видно из следующего расчета: считая, что войска, ведущие преследование, продвигаются в среднем на 10 верст, мы получим, что полештарм, расположенный за линией войны в 20 верстах, должен переходить на новое место с утра 4-го дня своего пребывания на предыдущем пункте. Одновременно с ним двинется и оперпункт, дабы сохранить среднее расстояние до линии полештадивов в 30 верст. Полештарм, удаленный от оперпункта в среднем на 50 верст, еще может сидеть на месте. К вечеру 7-го дня полештадивы и оперпункт опять перейдут вперед, каждый на 30 верст, увеличив, таким образом, расстояние от оперпункта до полештарма до 110 верст. Это уже будет далеко и поэтому полештарм 7-й день потратит на передвижение вперед на 50 верст, расположившись, следовательно, в 60 верстах за оперпунктом (приложение № 7). Таковы главнейшие плюсы и минусы

СХЕМА
и
РАСЧЕТ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ
ПОЛЕШТАДИВОВ, ОПЕРПУНКТА
И ПОЛЕШТАРМА

ПРИЛОЖЕНИЕ 7.

передвижения полештарма походным порядком; учитывая наиболее важную выгоду—свободный выбор направления—следует в конечном выводе признать, что выгоднее посадить полештарм на колеса, нежели возить его в поезде командарма.

Суммируя все сказанное выше об управлении преследующей армией при движении ее к полю решительного сражения, в отношении организации работы штабов, мы приходим к следующим выводам:

1) разделение штабов (армий и дивизий) на основные и полевые, что дает возможность, оставив в тылу все громоздкое и по ходу дела ненужное, получить подвижной аппарат, являющийся сосредоточением оперативной работы—по идее правильно;

2) это отделение основных штабов от полевых не должно быть продолжительно, так как минувший опыт показал, что основные штабы, оторванные и от войск, и от своих полештабов, бесполезно тратили время в вынужденном бездействии.

3) Нужна тщательно продуманная организация самой техники передвижения полевого штаба. В данном случае речь будет итти про выбор средств передвижения—походным порядком или по желдороге. Выгоднее, как установлено выше, первый способ.

4) Оперпункт безусловно необходим и полезен. Надо смотреть на него широко, и не только как на сборный пункт донесений, но и как на некоторый, достаточно авторитетный орган, быстро разрешающий и вообще регулирующий хотя бы и повседневные оперативные вопросы. Если же его несколько расширить, добавив к нему представителей снабжающих органов и сделав его резиденцией командарма (или, по крайней мере, наштарма), то он сыграет еще большую роль, причем мы берем смелость утверждать, что в таком случае надобность в полештарме, как таковом, вообще минует.

5) На поезд командарма следует смотреть лишь исключительно, как на местопребывание и средство передвижения Реввоенсовета. На короткие расстояния—или в случае невыгодного направления железных дорог—место поезда командарма в таком случае заменит просто легковой автомобиль.

Вышеприведенные частные выводы позволяют притти к общему заключению, которое и характеризует собою наиболее выгодную организацию работы штаба преследующей армии. Таких схем может быть предложено две: *первая схема*—основной штаб—полевой штаб—оперпункт. Но при этом необходимо оговорить нижеследующее:

а) основной штаб, заключающий в себе решительно все ненужное по ходу боевых действий, должен передвигаться вперед с таким расчетом, чтобы это передвижение происходило для него (да и для железных дорог) безболезненно. С этой точки зрения его необходимо передвигать сразу на большие расстояния и в строгой зависимости от степени пропускной способности данной железной дороги.

б) Полевой штаб передвигается походным порядком.

в) Оперпункт работает на основаниях, изложенных в статье „К вопросу об армейских оперпунктах“ (журнал „Революция и Война“, выпуск № 11—12).

Вторая схема—штарм—оперпункт. Под именем „штарм“ подразумеваются все полевые управления армии в немного сокращенном

виде, т. е. за вычетом всех, безусловно ненужных, тяжестей и того количества сотрудников, без которого можно смело обойтись. Другими словами, это будет значительно расширенный полештарм, который даст возможность вести штабную работу в полном об'еме, имея под рукой все дела и необходимое количество личного персонала. Передвигаться такой штарм будет по железным дорогам. Что касается оперпункта, то при этой схеме ему принадлежит большая роль. Оперпункт должен сделаться центром всей оперативной работы по управлению армией. Во главе его безусловно должно стоять вполне авторитетное, вполне опытное лицо, каковым и явится наштарм. В таком случае возглавлять штарм, находящийся в тылу за оперпунктом, будет помнаштарм.

В состав такого оперпункта войдут: расширенная ячейка оперупра, во главе с начоперупром, на которую и ляжет вся оперативная работа; далее пойдут ответственные представители снабженческих органов (снабарм и упродарм). Это имеет очень большое значение, так как, находясь в центре связи с дивизией, им легче будет разрешать все вопросы по снабжению дивизий боеприпасами и прочими видами довольствия (устройство передовых складов, организация транспортирования грузов к войскам и проч.). Помимо этих работников, в состав оперпункта должны войти представители авиации, управления броневых частей, автомобильного управления и упвосо. Вот, так сказать, обязательный состав оперпункта. Все остальное, что по ходу дела будет признано нужным включить в его состав, войдет в него в зависимости от действительной в этом потребности и наличия перевозочных средств, так как не надо забывать, что оперпункт в смысле подвижности должен быть достаточно легким. При наличии такого оперпункта было бы желательно его сделать и базой пребывания Реввоенсовета. В этом случае командарм получит постоянную возможность быть в курсе боевой обстановки, а, пользуясь близостью оперпункта к полештадивам, чаще навещать последние, польза чего говорит сама за себя.

Отрицательной стороной второй схемы является трудность организации передвижения оперпункта, так как он все же становится очень большим и, относительно, громоздким. Однако, нам кажется, что положительные качества схемы настолько выше этого недостатка, что есть полный смысл допустить большой расход автотранспорта для перевозок такого оперпункта, так как, в конце-концов, вся трудность перебросок и состоит в этом. Лично мы склоняемся к второй схеме организации работы штаба в преследующей и подходящей к полю решительного сражения армии, считая, что во главу угла должен быть поставлен оперпункт, как весьма полезный и вполне работоспособный орган, завоевавший симпатии на опыте больших операций летом 1920 года.

Le Verger.

Тактика пехоты.

(Перевод с польского Е. Меженинова) [1].

Общая картина боев малых боевых соединений.

Обязательным условием умелого обращения с пехотой является знание этого рода оружия—гласит французский устав; нужно знать, что можно ожидать от нее и чего нельзя требовать.

Это обязанность командира.

Действия командира оказывают решительное влияние на качество отряда. Командир обязан быть обученным, дисциплинированным, обязан быть примером, обязан уметь командовать.

Командир, знающий свое ремесло, требует от своего отряда разумных усилий, полезных, не измотает его преждевременно и не подвергнет подчиненных опасности. Отсутствие должного воспитания повлечет за собой пагубные последствия. Недостаток выдержки и воспитания приводит к тому, что командир становится нерешительным, несмелым или трусливым и быстро теряет уважение со стороны отряда.

Таким образом, необходимость соответствующего образования командиров всех степеней напрашивается сама собой, особенно в такой молодой армии, как наша, в которой воспоминания уставов армий бывших государств-оккупантов сталкиваются между собой. Одновре-

---

[1]) Настоящая статья представляет собою перевод записи лекций полковника французской военной миссии в Варшаве, Le Verger на повторительных курсах высшего командного состава польской армии. Этим определяется и цель, побудившая редакцию поместить ее на страницах журнала „Революция и Война".

менно наталкиваешься на отсутствие образования молодых командиров, которые вынесли из борьбы за свободу много хороших намерений, но до сих пор не имели времени для самообразования. Опыт последней войны подтвердил старые основания использования пехоты. Вместе с тем, насколько усовершенствованное вооружение не потянуло за собой перемен в общих основаниях, которые во все времена, во всех армиях цивилизованных народов, были причиной побед великих вождей—настолько, однако, способы войны подвергнулись преобразованию.

Не будем касаться общих оснований управления войсками, а также моральных начал, которые имеют первостепенное значение, но изучение которых отодвинуло бы нас далеко от темы.

Оставив в стороне также рассмотрение руководства высшими войсковыми соединениями, остановлюсь единственно на тактике мелких об'единений (полк, батальон, рота, взвод, боевая дружина). Это значит, что я буду рассматривать способы, которые следует употреблять с целью наилучшего использования в боях оружия и боевого снаряжения, которыми располагают эти части.

За основание изучения примем некоторый теоретический отряд; по предположению он находится на должной моральной высоте, обмундирован; вооружение и снаряжение его в хорошем состоянии.

Вместе с тем, допускаю, что отряд этот действует против врага, одинаково с ним выученного, одинаково вооруженного и снабженного.

Через несколько лет таким будет положение, когда мы поставим польскую армию на одинаковую высоту с бывшей немецкой армией.

За основание примем вооружение, предполагаемое для польской армии к весне 1921 года и организацию, которая утверждается военным министерством.

Последний проект организации *полка* предвидит:

1 штаб полка (штабной батальон).

1 рота специального оружия (мортир или 37 м/м. орудий).

1 техническая рота (1 рота пулеметов).

Дальше—3 линейных батальона, из которых каждый содержит один взвод пехотной артиллерии (мортиры или пушки 37 м/м.), 3 линейных роты пехоты, из которых каждая состоит из 3 взводов, по 2 полувзвода, из которых каждый имеет: 1 унтер-офицера, 2 секции гренадер—18 людей, 1 секция ручных пулеметов—8 людей.

Последняя установленная организация *роты* пехоты предвидит деление взвода на 4 дружины, из которых каждая имеет 2 секции; одна—с ручными пулеметами, другая—гренадер, состав дружины—13 людей, вместе с унтер-офицерами. Французскому понятию: „групп де комба“—отвечает наша „дружина“ [1]).

[1]) Т. о. последняя организация *роты* идет дальше в смысле сближения с французской, как будет видно из последующего изложения. Она является самым последним из польских проектов новой организации. *Ред.*

Опыт прошедшей войны вскоре показал, что группа эта была слишком многочисленной. Ввиду смертоносности новейшего огня для крупных об'единений пришлось все более и более расчленить пехоту.

Взвод в 50 человек вскоре стал слишком громоздкой единицей, чтобы двигаться целиком перед противником; ввиду этого высшее командование вынуждено было ввести „временные группы" меньшей численности. Группам этим, однако, не хватало постоянства организации, необходимой для выполнения до конца намеченной им задачи.

С другой стороны, все увеличивающееся количество пулеметов и ружей-пулеметов позволило смягчить малую прицельность и меткость огня пехоты, происходящего вследствие волнения стрелка.

13 августа 1914 года я был свидетелем следующего случая,—будучи раненым и лежа перед фронтом своей роты, наблюдал в течение часа, как три моих взвода состязались с немецкой ротой приблизительно той же силы; я видел, что взаимная близость так нервировала противников, что, несмотря на большой расход патронов, потери были очень незначительны.

Автоматическое оружие с большой прицельностью огня позволило уменьшить число ружей в роте. В конечном счете, в течение наступления французов от июля до октября 1918 года не слышно было отдельных ружейных выстрелов, как при обороне, так и при наступлении; стреляли очередями из пулеметов, прикрытых небольшим числом пехотинцев; с другой стороны, немецкие роты, хотя сильно уменьшившиеся в численности, оказывали нам упорное сопротивление единственно при помощи автоматических ружей, причиняя нам огромные потери.

Таким образом, во Франции в 1920 году появилась следующая организация: рота пехоты состоит из, так называемых, боевых групп, вооруженных автоматами, около которых группируются люди для обслуживания, снабжения и прикрытия.

Новый французский устав предусматривает роту в 4 линейных взвода с 1-м взводом командования: каждый взвод состоит из 3-х боевых групп, из которых в каждую входят 1 унтер-офицер, 1 отделение ручных пулеметов (ефрейтор и 5 рядовых) и одна группа гренадер (ефрейтор, 5 стрелков), в общем — 13 человек. Такое количество людей признано достаточным для непосредственного управления голосом одного командира.

Итак, французский взвод состоит из 39 людей, рота из 12 дружин одинакового состава, могущих заменять друг-друга.

По первому проэкту польской комиссии по выработке уставов—наименьшее об'единение, в котором мы найдем автоматическое оружие, есть полувзвод, состоящий из 26 людей, т. е. об'единение в два раза сильнейшее, чем боевая группа французской армии.

Необходимо отметить, что если когда-то указывалось на необходимость, ввиду задержек, располагать автоматы по-два, то в данный момент усовершенствования исключают такую предосторожность.

Позволю себе обратить внимание на самую маленькую организационную единицу—полувзвод.

В 1914 г. наименьшей единицей, маневрировавшей под командой одного лица, был во Франции взвод, в количестве около 50 человек, у немцев—70 человек.

Французская рота имеет то преимущество, что 12 ее боевых дружин имеют одинаковый состав и каждая состоит под руководством унтер-офицера, тогда как польская рота (по первоначальному проэкту организации) числит одного унтер-офицера на каждые 26 человек, составляя в общем 6 дружин*).

В ожидании, что решение соответствующих властей повлияет на утверждение устава в вышеупомянутом смысле**), обратим внимание на французскую организацию, сильно упрощающую управление пехотой, благодаря возможности смены одних дружин другими.

Пересмотрим разные строи, которые может принимать эта маленькая ячейка роты—полувзвод, чтобы всегда выполнять свое задание, т. е. чтобы быстро и во всех направлениях использовать огонь всех видов. Затем рассмотрим возможные группировки и строи взвода, роты, батальона и, наконец, полка.

Здесь нам необходимо сначала разобрать основное правило: существуют ли два противоположных способа маневрирования, в зависимости от того, имеем ли мы дело с противником, подготовленным к боевым действиям, снабженным всеми видами техники или имеем дело с противником, слабо снабженным, какими являются, например, большевики. Что касается применения небольших единиц, то необходимо отметить, что опыт французско-немецкого фронта, где происходила упорнейшая борьба, подтвержденный опытом последних боев (Марокко-Сирия), позволяет нам ответить решительно против.

Перед слабым противником поддержка артиллерии, например, менее сильна, нежели при действии против противника, хорошо снабженного, как, например, немецкая армия; интервалы и дистанции между отдельными частями полка могут быть значительно увеличены.

В то же время не подлежит сомнению, что батальон при наступлении будет занимать не более 1000 метров при эшелонировании на 800 метров в глубину, в противном случае он вышел бы из под всякого влияния и управления командира. Таким же образом, и в дружине люди не должны находиться дальше, как на 6 шагов друг от друга, чтобы не утерять связи и не нарушить возможности управлять ими.

---

*) Считая за дружину—полувзвод. *Ред.*

**) Т. е. в смысле приближения к французской организации. *Ред.*

Между отдельными дружинами интервалы могут быть большими, но с условием достижения перекрестного огня ручных пулеметов, полезная дальность которых достигает 600 метров.

Я слышал рассказ одного из охотников, принимавших участие в обороне Влацлавска против кавалерии большевиков. „Нас было около тысячи, нас рассыпали в цепь на 50 шагов в широком полукольце, защищающем мост на Висле. Никто из нас не видел соседа, недостовало подвижных резервов. Результат: 540 потерянных на сборе вечером в городе; большевики в состоянии переправиться через мост (близ госпиталя), который мы вынуждены сжечь“.

В июне 1919 года я изучал оборону этого предмостного укрепления и утверждаю, что можно было удержать его большее время и меньшими силами, но при условии маневрирования за линией обороны, имеющей хорошее поле обстрела.

Во время разбора нами строев пехоты, для подтверждения и раз‘яснения моей мысли, представлю схемы. Заранее прошу не давать им другого значения, как только средства к пояснению, а особенно не принимать их за рецепты для боя. Положение никогда не повторяется точка в точку. Моральное положение отряда и противника, оборудование местности, условия физические и атмосферические, средства к передаче распоряжений, протяжение боевого участка— никогда не будут одинаковы в двух разных действиях. Каждый отдельный случай должен быть рассмотрен отдельно и требует своего решения.

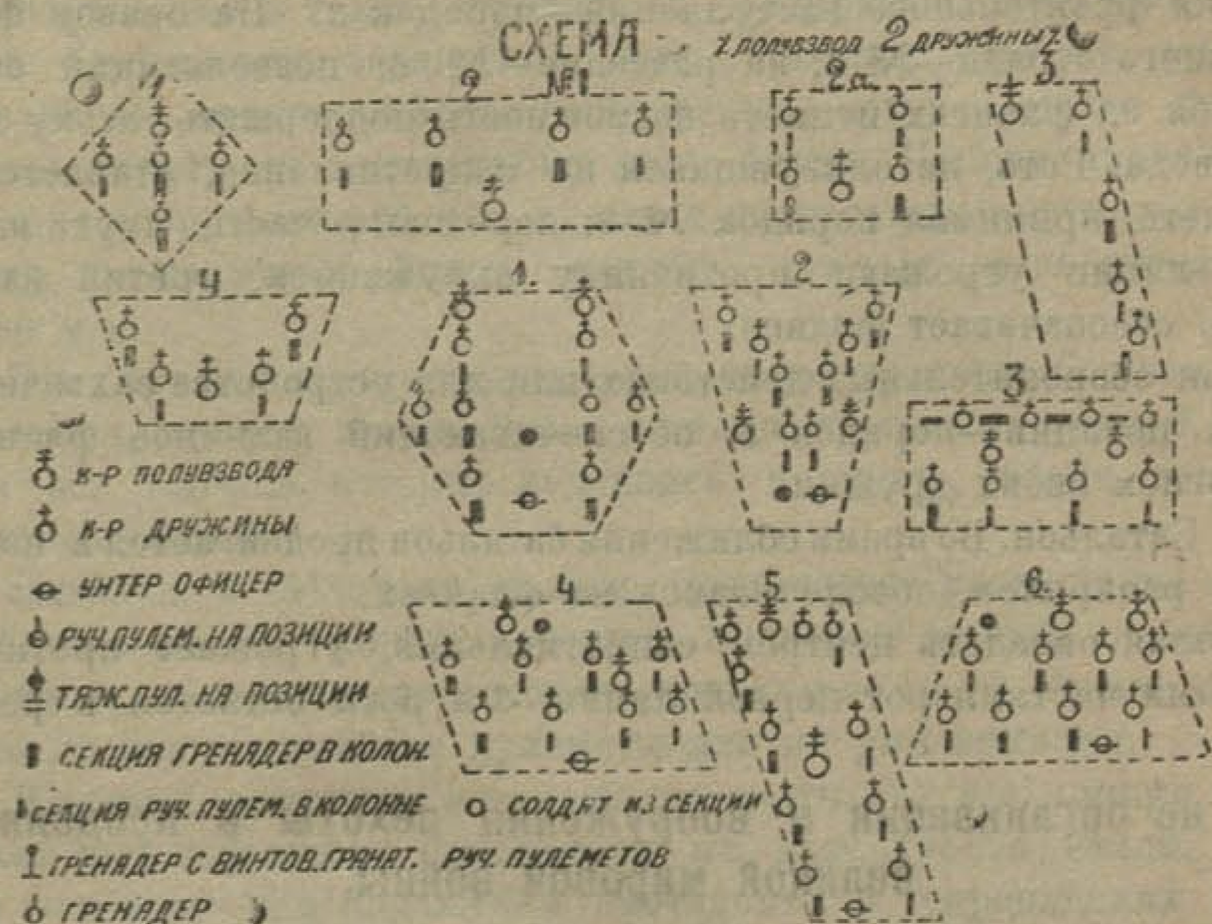
На каждой ступени своего служебного положения никто не может отговариваться в своем решении ссылкой на какой-либо преценденгт, или правило или схему.

В области практики правила служат для обучения исполнителей, но ни в коем случае не для оправданий. Нужно понимать, что схемы, которые будут здесь предложены, нужно принимать за примеры, но не за боевые непреложные истины. Указанные дистанции и интервалы могут быть значительно увеличены или уменьшены. Может изменяться количество эшелонов, также и количество дружин в эшелоне.

За исключением первых показательных лекций, будем стараться всегда размещать дружины на позициях, примененных к местности, на которой они действуют. Ни одна из этих фигур не представляет порядка, который нужно сохранить до получения приказа, чтобы перейти к другой, но, наоборот, группировка меняется постепенно от периода сближения до штурма, являющегося последним видом боевого порядка.

Для батальона и полка возьмем несколько конкретных примеров, касающихся разных действий атаки или обороны позиции.

Вот пара схематичных боевых порядков (в будущих лекциях увидим их примененными к местности на нескольких примерах, взятых или с французского фронта, или из летней кампании 1920 года против большевиков). (Схема № 1).

1) Полувзвод, высланный на разведку, примет порядок № 1 (ручные пулеметы готовы к открытию огня). Если наталкивается на сопротивление, принимает порядок № 4. Ручные пулеметы, размещенные на позиции, стараются уничтожить средства сопротивления противника, в то время, как две секции гренадер стараются его обойти.

Если полувзвод находится на правом фланге отряда, ведущего атаку, которая должна быть обеспечена, то принимает порядок № 3. Случается это тогда, когда сосед не двигается во время или наталкивается на сильное сопротивление противника.

Если полувзвод является составной частью линии, чтобы приковать неприятеля к местности, то принимает порядок № 2, который ему позволит использовать в линии всех своих стрелков (в этом случае фронт так растянут, что командир не может им управлять и свободно маневрировать). Это, так сказать, закрепление на местности, в то время, как другая боевая единица старается охватить центр сопротивления противника.

2) Взвод, высланный на разведку, принимает порядок № 1, который позволяет ему обеспечить себя со всех сторон.

Встретив центр сопротивления противника, взвод может для преодоления его принять порядок № 2, который предвидит охват.

Если взвод составляет часть линии, атакующей фронтально, то принимает порядок № 3, который выдвигает в первую линию половину людей.

Если взвод находится на правом фланге атакующего отряда, тогда будет успешно расположен в порядке 5. Порядок 4 и 6 относятся к боевым единицам второй линии (№ 4 выгодней № 6).

3) Рота. Те же самые приемы, что и для взвода, относятся к роте, для фронтального наступления—порядок 3. На правом фланге атакующего отряда—№ 4, на разведке—№ 6, позволяющий обеспечить себя на флангах и иметь возможность поддержать атаку головного взвода. Рота, натолкнувшаяся на сопротивление, старается его преодолеть, принимая порядок № 3: передовые части двух взводов первой линии угрожают противнику окружением, третий взвод в резерве, обеспечивает фланги.

При оборонительных действиях или для устройства захваченного участка позиции—порядок 5, обеспечивающий взаимное фланкирование огнем своих дружин.

4) Батальон. Во время сближения батальон продвигается в порядке широко раскрытом, обеспечиваясь на флангах.

Желая овладеть центром сопротивления, угрожает противнику головными частями рот первой линии. 3-я рота остается в резерве

Развитие организации и вооружения пехоты в продолжении великой мировой войны.

Чтобы дать себе отчет о современной организации пехоты, необходимо сравнить ее с тем, чем она была в начале войны, одновременно уяснив себе причины глубоких перемен, которые произошли в ее вооружении:

В 1914 году пехота была вооружена винтовками со штыками и пулеметами, немного более чем один пулемет на 500 штыков.

В конце 1914 года, ввиду потребности поражения противника, прикрытого окопами, введены в пехоте гранаты. Эти снаряды бросались руками или помощью выстрела из винтовок. Винтовочными гранатами только в июне 1916 года начали правильно пользоваться.

Однако, в период полевых боев 1917 года войска пришли к определенному убеждению о преимуществах пулеметного огня над привычным ружейным огнем. В период позиционной борьбы это преимущество выражается все сильней; по мере того, как росло значение артиллерийской подготовки пехотной атаки, яснее вырастала необходимость уменьшения числа людей, подставляемых под этот огонь, и увеличения, в конечном счете, силы огня пехоты. Отсюда понятно, почему количество тяжелых пулеметов к этому времени возросло в 5 раз.

Такое умножение пулеметов было особенно выгодно для обороняющегося. Атакующий старался добыть в свое распоряжение оружие с большей меткостью и тип пулеметов, которые позволили бы развить сильный огонь в промежутке его остановок. А так как находившиеся в то время на вооружении пулеметы были слишком тяжелы для

сопровождения атакующих волн, то в 1916 году начали вооружать пехоту легкими пулеметами и автоматическими ружьями. Тем не менее пехота всегда жаловалась на пулеметы противника, как на причину своих неудач.

Обращение в таких случаях за поддержкой к полевой или тяжелой артиллерии затягивало дело. Начали, поэтому, выискивать более легкое артиллерийское вооружение, которое могло бы сопровождать пехоту по вспаханному полю битвы. Поиски привели к введению на вооружение 37 м/м. пушек с настильным выстрелом, а также мортир с навесным огнем, калибр которых колеблется между 75—80 м/м.

Эти „орудия пехоты" были очень скорострельны. Однако, тяжесть снабжения, которое нужно было доставлять силами людей, уничтожила все выгоды, которые надеялись получить, вводя вооружение легкими пушками.

Наконец, в 1917 году нашли подходящее разрешение вопроса. Это было введение танков, которые, поднимая на себе одновременно и оружие, и аммуницию, могли, благодаря своей броне, напирать прямо на неприятельские пулеметы для их уничтожения.

В общем, винтовки, автоматы-пулеметы, 37 м/м. пушки и танки служат для поражения неприятеля на поверхности земли, гранаты же и мортиры—для поражения противника в укреплениях. Большая часть этого вооружения введена в жизнь в период позиционной борьбы. Любопытно выяснить его роль в маневренных боях в открытом поле, которые развивались в продолжении 1918 года в перерывах между наступлениями на очередные укрепленные позиции противника.

Сначала, в феврале и марте 1918 г., французские войска потеряли в известной степени ориентирование. Выгружаемые постепенно из броневых автомобилей, лишенные обоза, имея в наличности только карабины и чувствуя нехватку в патронах для пулеметов, они думали, что вернулись времена 1914 года. Однако, в боях они вынуждены были учесть отличный пример, который немцы достигли в наступлении, благодаря умелому использованию легких и тяжелых пулеметов.

Деятельность их пехоты сводилась к засыпанию пулями отдельных участков наших позиций. В то же самое время их легкие пулеметы, выходя на фланги тех же позиций, брали нас под фланговый огонь.

Сделанный таким образом прорыв немедленно использовался.

Это был вполне логичный метод. Преследование развивалось так быстро, что большая часть немецкой артиллерии не успевала догонять. Отсюда вытекает в известной мере необходимость временный недостаток орудий заменить использованием целой массы вооружения пехоты.

Отмечаем, однако, что это было возможно только до известной степени. На самом деле, как только французы получали достаточное количество пехоты и артиллерии, недостаточно поддержанное артиллерией немецкое наступление отбивалось с большими потерями.

Новое вооружение, как видим, очень быстро было применено к изменившимся условиям войны, правда, ручные гранаты не стали так часто употребляться, зато очень возросло значение машинного вооружения.

В конце кампании, когда войска начали выходить на открытое пространство, когда необходимо было предвидеть преследование в открытом поле, французское командование не заколебалось в оценке значения машинного вооружения, переданного в распоряжение мелких единиц пехоты, лишь уменьшая одновременно их численный состав.

Батальон 1914 года в сравнении с батальоном 1918 года.

С целью изучения особенностей нового вооружения пехоты, рассмотрим таковое в рамках батальона французской пехоты.

Эта единица складывается: в 1914 году—из 4-х рот пехоты и из одного пулеметного взвода в 2 пулемета.

В 1918 году—из 3-х рот пехоты и одной пулеметной роты в 12 пулеметов. Пулеметная рота в обороне может обслуживать все 12 пулеметов, однако, в наступлении ее численность позволяла переносить только 8 пулеметов. Состав пехотной роты изменился следующим образом:

В 1914 году она числила 230 бойцов, считая унтер-офицеров. Все были вооружены исключительно винтовками.

В 1918 году числила она 160 бойцов с унтер-офицерами. Из этого числа было вооружено:

33 исключительно винтовками,
56 винтовками и ручными гранатами,
27 винтовками и винтовочными гранатами,
45 обслуживающих 15 ручных пулеметов.

Количество людей, вооруженных исключительно винтовками, уменьшилось с 930 до 350, в том числе 245 вооружено еще ручными или винтовочными гранатами.

Сравним теперь силу огня батальона в 1914 году и в 1918 году. С этой целью допустим момент, когда все огнестрельное оружие может быть использовано. Прежде всего рассмотрим количество выпущенных пуль, принимая во внимание нижеследующую скорострельность:

Для винтовки	10 пуль в минуту.
„ ручного пулемета . . .	120 пуль „
„ тяжелого	500 „ „

Сила огня тогда выразится в следующих числах:

В 1914 году из 920 винтовок . . . . 9.200 пуль.
2 тяжелых пулеметов . . . . 1.000 „

Итого: 10.200 пуль.

В 1918 году:

При обороне:		При наступлении:
350 винтовок	3.500	3.500
45 ручн. пул.	5.400	5.400
12 тяжелых	6.000	8 тяж. пул. 4.000
Итого:	14.900	12.900
В круглых цифр.:	15.000	13.000

Очевидна высшая сила огня при вооружении 1918 года.

Допустим теперь, что бой идет на самой близкой дистанции, чтобы могли войти в дело гранаты. Сила огня тогда выразится:

Для 1914 года без перемен . . . . . 10100 пуль.

Для 1918 года:

При обороне:		При наступлении:
100 винтовок	1.000	1.000
45 ручн. пул.	5.400	5.400
12 тяжелых	6.000	8 тяж. пулем. 4.000
	12.400	10.400

К результату, достигаемому пулями, нужно прибавить результат, достигаемый 250 гренадерами батальона 1918 года, которые способны бросать ручные или винтовочные гранаты от 2000 до 2500 в минуту.

Мы еще не принимали в расчет специального вооружения пехоты, которое в то же время способно выпустить по неприятелю 15 гран. 37 мм.
30 „ 80 мм.
45 снарядов.

С какой бы стороны ни стали мы сравнивать силу огня, батальон 1918 г. имеет перевес над батальоном 1914 г.

Особенности нового вооружения.

Приступим теперь к сравнительному рассмотрению современного вооружения.

Винтовка. Оружие,—сила огня которого наименьшая. Прицеливание трудно, так как нет твердой опоры на земле, все движения, вызванные волнением стрелка, переносятся на оружие и влияют на прицельность огня; в конечном счете управление стрелковой цепью было и есть трудно. По тем же причинам необходимо признать об-

стреливание винтовками на большие дистанции мало выгодным; на коротких дистанциях, в минуты сильного нервного напряжения, пули проходят часто поверх голов противника, причем расход патронов уходит из под контроля командира. Боевая стрельба требует подробного обучения, которое нельзя выполнить в течение затяжной кампании. Нельзя сравнивать стрельбу наших рекрут с стрельбой буров, природных охотников на дикого зверя. Ввиду этого, значение винтовки уменьшается, по крайней мере, с точки зрения ее огня.

Это оружие используется, когда противник слишком далеко, чтобы достигнуть его ручными гранатами или когда последних не хватает, или когда легкие и тяжелые пулеметы откажут в действии.

Винтовка сохранила свое значение в рукопашном бою. Значение это сохраняет за ей штык и приклад. Это оружие штурма. Поэтому необходимо поддерживать в солдатах веру в свое оружие.

Необходимо отметить, что в последнюю войну рукопашные бои были чаще, нежели в прежних. Обороняющийся расчитывал, что он скорее уйдет целым, приняв рукопашный бой под прикрытием бруствера своего стрелкового окопа, чем в том случае, когда он будет отступать под пулеметным огнем или пробираться через заградительный огонь артиллерии.

Тяжелые и ручные пулеметы. Сила огня пулеметов значительно больше силы огня винтовок. Три человека, обслуживающие ручной пулемет, считая в том числе и подносящих патроны, дают в течение минуты то же самое количество выстрелов, что и 12 стрелков; 7 человек, обслуживающих тяжелый пулемет, дают такую же силу огня, как 50 стрелков. А самое важное, что это оружие твердо опирается на землю. Тяжелый пулемет может быть направлен по твердому, точному направлению. Отсюда следует, что их стрельба в решительный момент не испытывает на себе волнения стрелка. Прицельность ручного пулемета очень точная до дистанции 600—800 метров; тяжелый пулемет может быть использован до 3000 метров.

Моральное действие вытекает из действия материального,—у самого храброго замирает сердце, когда разносится зловещее стрекотание пулемета, все помнят о сотнях пулеметных жертв. А этот специальный механический звук всегда выделяется в шуме боя, несмотря на гранаты, напряженный ружейный огонь и на страшный огонь артиллерии.

Ручные и винтовочные гранаты. Гранаты—оружие большой убойности, тогда как ружейная пуля поражает одного человека; граната, взрывающаяся на известной площади, убивает или ранит всех людей, на ней находящихся. К выгодам убойности необходимо придать моральное действие взрыва и вызванного им облака дыма.

Ввиду того, что дальность ручного бросания гранаты редко превышает 40 метров, перешли к бросанию ее при помощи винтовки.

Последним способом достигнута дальность 150 метров со скоростью 8—10 выстрелов в минуту. Винтовочные гранаты системы „В. Б.“

(инициалы фамилии изобретателя Вивьена Бессьера) пользуются большим уважением в французской армии, т. к. они удобны в обращении и достаточно разрушительны. Часто применяли их при ближнем наступлении на пулеметы, а также—с целью создания заградительного огня при обороне.

Специальное оружие пехоты—пехотная пушка 37 миллиметров стреляет снарядом 500 граммов весом, с небольшим содержанием взрывчатого вещества; отсюда следует, что для разрушения пулемета необходимо попасть в него непосредственно. Однако, ввиду большой меткости пушки, результат достигается при малом расходе снарядов. Предельная дальность—1500 метров.

Снаряд пехотных мортир содержит, в зависимости от модели, от 800 до 1200 грамм взрывчатого вещества. Поэтому результат его действия можно сравнить с действием снаряда 75 м. м. пушки. Полезная дальность колеблется от 600 до 1200 метров. Поднос снарядов, которых вес колеблется между 3 и 5 килограммами, затрудняет снабжение в наступлении.

37 м/м. пушечки и мортиры пехоты стреляют со скоростью 15 выстрелов в минуту.

Результат введения нового вооружения.

Необходимо помнить, что в этой разновидности вооружения, вызванной к жизни той или иной потребностью, важнейшим фактом есть увеличение автоматического оружия типа пулеметов.

В конечном счете, если мы обратимся к вышеприведенным цифрам, мы должны установить, что 200 человек, обслуживающих 45 легких пулеметов и от 8 до 12 тяжелых, выбрасывают от 10400 до 12400 пуль в минуту; это значит, что сила их огня равна силе огня 920 стрелков или ее превышает.

Увеличение устойчивости обороны. Прежде всего напрашивается мысль, что увеличение огня с настильной траэкторией выгодно тому из двух противников, который может выполнить свое задание, как можно меньше открываясь. Наиболее всего выгадала от умножения пулеметов оборона.

Уменьшение плотности порядков пехоты. Другим следствием было уменьшение густоты линий пехоты на поле боя. В конечном счете, в 1918 году батальон выставляет вдвое меньше людей, принимающих участие в бою, чем в 1914 году: 550—вместо 940, чтобы достигнуть одинаковой силы огня.

В 1914 году, чтобы достигнуть высшей степени силы огня, при наступлении применялись густые цепи в решающие минуты боя. Теперь стрелки в цепи располагаются с промежутками не менее 6 шагов, кроме того, есть возможность стрелять из пулеметов поверх их голов или через промежутки, что дает возможность увеличить глубину порядков пехоты. Можно принять, что для той же самой задачи,

при той же самой растянутости фронта, теперь употребляется половина пехотинцев, расположенных в глубину. Потери уменьшились в той же самой степени, как и густота, тем более, что потери в современной войне в большей части причиняются огнем артиллерии.

Выше приведенные рассуждения о густоте пехотных линий в бою имеют одинаковое значение, как при наступлении, так и при обороне.

Легкость сковывания противника и возможность маневра. С другой стороны, не следует преувеличивать факта, что известные выгоды с новым вооружением приобрело и наступление. Смерть или ранение противника не является необходимым для его уничтожения. Достаточно отнять у него возможность использовать свое оружие и парализовать его.

Вооружение пехоты позволяет этого достигнуть.

Рассмотрим пример поддержки пулеметами отряда пехоты, наступающего на отдельный участок окопа. Тяжелые и легкие пулеметы наступающего поражают бруствер неприятельского окопа. Неприятель прячется от этого огня, перестает стрелять или стреляет не прицеливаясь, посылая пули в небо. Он уже „парализован". Благодаря прикрытию, которое находят они в огне товарищей, гренадеры приближаются к противнику, стараясь его охватить. Солдаты, вооруженные винтовочными гранатами, задерживаются и к огню пулеметов прибавляют основательные результаты своих снарядов. Тогда достаточно обыкновенной поддержки нескольких храбрых солдат, вооруженных ручными гранатами, особенно тех, которые ведут охват противника, чтобы принудить его к сдаче.

Поступая таким образом, наши пехотинцы летом 1918 года захватили много немецких пулеметов. Прежде всего заметим, что извлечение полной выгоды из современного вооружения пехоты бывает достигнуто в соответствующем соединении различных родов оружия, а, вместе с тем, с применением маневра.

Увеличение расхода снарядов. Увеличение вооружения пехоты вызвало большой расход патронов.

В 1914 году батальон, начинающий наступление, брал по 200 патронов на человека, что хватало на ведение огня в течение одного часа.

В 1918 году отдельные роды оружия в пределах той же части были снабжены так, чтобы имели возможность поддерживать непрерывный огонь в течение следующих часов:

Винтовки	40 мин.
Гранаты	от 1 до 2 „
Ручные пулеметы	„ 5 „ 10 „
Тяжелые „	„ 5 „ 10 „
Специальн. оружие	10 „

На первый взгляд, казалось бы, что увеличение силы огня имеет противовес в недостатке снабжения. Однако, надлежит заметить, что,

благодаря массовому огню, бои стали скорее давать развязку. Развязка боя насколько же бывает напряженной, настолько непродолжительной.

При обороне удобно увеличить количество различного рода источников снабжения. Необходимо увеличить число передовых складов, переданных в распоряжение войск.

Труднее обеспечить снабжением войска, ведущие наступление в позиционной войне. Патронные повозки и повозки окопной артиллерии отказывались выезжать на поле боя. Использовали также вьючных мулов и ослов. В конце концов, масса патронов переносилась на спинах людей. Установлено, что для снабжения полка на один день боя необходимо израсходовать один батальон людей. Эта обязанность лежала на резервных батальонах. В маневренных боях оказалось необходимым уменьшить количество гранат, в самом деле, это самый тяжелый вид снаряда: граната весит столько же, сколько 200 винтовочных патронов. Во многих случаях обходились без специального вооружения.

Общие замечания.

Из общего обзора мы должны вывести заключение о целесообразности принятого вооружения. Батальон 1919 года более громоздкий, чем батальон 1914 года, хотя он по численности равен его половине. Один боец, вооруженный усовершенствованным оружием, равняется в бою двум солдатам, вооруженным винтовкой.

Густота боевых порядков уменьшилась наполовину, а отсюда и потери уменьшились в той же пропорции. Вполне было логично, что после страшных потерь в начале войны борющиеся государства постарались заменить человека машиной, насколько это было возможно. Благодаря своей кипучей хозяйственной деятельности, союзники достигли необходимого снабжения в 4 года, человек же растет 20 лет.

Напрашивается вопрос—можно ли нехватку в техническом снабжении заменить численностью. Несомненно так, когда имеешь дело с противником, снабженным теми же средствами в известной мере. Есть известные действия, которые трудно провести без соответствующего вооружения, если не сказать, что они совершенно без него невозможны. К таким относится атака укрепленной позиции, если имеем дело с противником лучше вооруженным. Уже можно предвидеть эпоху, в которую человек, вооруженный винтовкой, будет бессилен перед лицом танков, самолетов и усовершенствованной артиллерией, как перед цивилизованным человеком бессилен дикарь со стрелой и секирой.

Управление пехотой тем будет трудней, чем сложнее ее вооружение. Задачи пехотных командиров каждой ступени требуют все сильнее умения и опыта.

Рассказывают, что командующий американской армией генерал Першинг, тотчас же после выгрузки, захотел увидеть бой на близкой дистанции. Проводили его на наблюдательный пункт, против извест-

ной высоты 304 на участке крепости Вердена, на левом берегу р. Мозы, где наступали французы.

Видя разрушения, производимые заградительным артиллерийским огнем немцев, генерал Першинг спросил: „Где располагаете ваших пехотинцев в такое время?“ — ответ был: „Никто не двигается ни на один шаг из своего окопа“. Эти слова вызвали в нем восторг и удивление в отношении французской пехоты.

Теперь пехотинцу требуется значительно больше развить свои духовные силы, нежели раньше. Среди грохота взрывов, под дождем гранат, среди облаков газа, солдаты теряются в огромных воронках и кажутся карликами, которые отступают или идут вперед. От твердости их нервов и от твердости их сердца зависит судьба страны.

Наступательный бой взвода и дружины.

Предварительно мы уже достаточно рассуждали над значением боевых дружин. Каждая группа, охватывающая хотя бы горсточку бойцов, является боевой ячейкой, способной к атаке и обороне. Если есть командир, этот командир должен быть самостоятелен, обязан управлять своими людьми, показывать им пример в порыве вперед в минуты их колебания, удерживать их на месте в моменты желания отходить. Командиру легче, когда он многое предвидит. Важно, чтобы командир роты назначил заместителей — командиров взводов и полувзводов, чтобы при потерях командиров управление продолжалось автоматически. В конечном счете — это одна из необходимостей войны. В каждом случае, дружины — наскоро сорганизованные или имеющие твердую организацию — развертываются, идут вперед, открывая огонь таким же точно образом, как органические соединения.

Все, что будет предметом нижеследующего изложения, касается в одинаковой мере всех боевых групп, не считаясь с их численностью в данный момент.

Обязанности командиров. Взводом командует его командир при помощи командиров полувзводов. Он назначает место своего взвода в расположении роты, согласуя свои указания с приказом о наступлении, данным командиром роты; в дальнейшем он указывает место отдельных своих дружин. Во время боя руководит движением, в конечном счете имеющим целью преодоление сопротивления противника. Непрестанно руководит деятельностью своих непосредственно подчиненных, ставя их в известность о своих планах. Он должен находиться на месте, откуда удобнее исполнять свои командные обязанности, будучи сам примером для своих подчиненных; во время сближения — в голове одной из своих дружин или перед серединой своего отряда; во время наступления — в голове дружины, задача которой самая важная и самая трудная.

Командир дружины — предводитель отряда. Он принимает от командира взвода устные инструкции, вытекающие из приказа ко-

мандира роты при наступлении. Согласно этого приказа дружина принимает положение и выполняет движения (стоя, лежа, бегом, шагом и т. д.). Дружина продвигается целиком, частично или по одному к укрытию, за которым укрылся командир, согласно его указаний, передаваемых знаками; он указывает место для автоматических ружей, цели, скорость и род огня.

Обыкновенно бывает так, что несколько стрелков порывисто перебегают вперед с командиром дружины, прислуга автоматов прикрывает огнем это движение, после чего сама продвигается вперед. Остаток стрелков присоединяется к ним, способом и со скоростью заранее условленной.

Командир дружины воздерживается от всех знаков, которые могли бы определить противнику его положение; нужно быть прикрытым от его взоров, оставаться в положении лежа; количество знаков для управления дружиной будет тем меньше, чем лучше она выучена.

Достаточно будет одного унтер-офицера на взвод (взводный) и одного на каждую дружину (капрал или энергичный рядовой).

В польском проэкте организации роты можно отметить это количество. В данный момент этот унтер-офицер является помощником командира дружины. Он остается на месте, указанном этим последним, наблюдая за исполнением его приказаний, в частности, передает солдатам знаки, подаваемые командиром дружины, который продвигается впереди своего отряда.

В случаях, когда численность унтер-офицерского состава позволяет, можно доверять обязанности унтер-офицера заместителю командира взвода, заранее назначенному. Таким образом этот унтер-офицер мог бы следить за ходом событий и заместить командира в случае его неспособности к дальнейшему участию в бою.

Порядки.

А. Порядок сближения. Взвод располагается дружинами, размещенными способом, указанным на схеме № 1. Дружина, являющаяся ячейкой группировки, продвигается вперед, скачками, таким образом, чтобы стрелки могли прикрыть огнем прислугу автоматических ружей в минуты ее перебежек и обратно.

Продвижение совершается в колоннах по одному с сохранением меньших или больших дистанций, чтобы не нести излишних потерь от огня артиллерии и самолетов противника.

Дружина может перебегать целиком, особенно между двумя близко расположенными прикрытиями. Передвижение по одиночке удобно на местности с многочисленными препятствиями; во всяком случае, как только дружина попадает под огонь пехоты противника, она обязана развернуться.

Дружина продвигается, используя подступы и малейшие неровности местности. Под их прикрытием, в согласии с указанием ко-

мандира, дружина перегруппировывается для выполнения следующего скачка.

От расположения прикрытий, точно также от потребности в открытии огня, будет зависить движение дружины или одиночным порядком, или развернутым.

Б. Боевой порядок. Взвод находится в боевом порядке, если может или немедленно открыть огонь без всякой перегруппировки, или после простой, заранее предвиденной, перегруппировки.

В первом случае он двигается, имея свои головные дружины развернутыми, сохраняя достаточные интервалы (например, 4—6 шагов между отдельными стрелками, интервалы между отдельными дружинами зависят от условий и характера местности). Остальные дружины двигаются в колонне по одному, готовые каждую минуту или открыть огонь, или поддержать головные дружины движением

Во втором случае дружины двигаются в колонне по одному, сгруппированные так, чтобы быстро могли развернутся в направлении, требующем открытия боя.

В случае потребности открытия огня, прислуга автоматов располагает их так, чтобы достигнуть наибольшей действительности огня, стрелки развертываются так, чтобы достичь прикрытия автоматов и, с своей стороны, развить огонь.

Не стоит смешивать развертывания с равнением. Развертывание данного отряда перед данной целью заключается в том, что все части отряда могут обстреливать цель, не мешая друг другу и не заботясь о сохранении тех или иных интервалов и дистанций между отдельными дружинами, при условии использования всех прикрытий, встречающихся на участке действия.

В. Бой. Штурм позиции менее или более укрепленной. В точно обозначенный час взвод двигается к цели наступления, не теряя времени на осмотр убежищ и прикрытий противника, а также на захват пленных. Самое главное—это его быстрое продвижение за подвижной заградительной завесой артиллерии (одинаково за танками), таким образом, непрерывным движением он должен выиграть охватывающее положение в отношении противника. Если какая-либо из дружин наталкивается на проволочные заграждения, она старается окружить их, проходя через проходы. Необходимо забыть о всякой потребности сохранения ровной линии фронта. Единственно речь идет о непрерывном продвижении к своей цели. Если дружина наталкивается на какое-либо препятствие, она старается миновать его, обходя по укрытому подступу и продвигаясь вперед в назначенном направлении.

Очищением разбросанных там и здесь отдельных пунктов сопротивления противника займутся специально назначенные отряды или же войска второй линии.

В случае, когда дружина не может продвигаться далее без перевеса в огне над данным пунктом противника, ручные пулеметы должны быть выдвинуты вперед, под прикрытием и поддержкой огня

винтовочных гранат, с таким расчетом, чтобы выиграть фланг противника, откуда открывают ураганный огонь, под прикрытием которого остальная часть дружины, в свою очередь, старается продвинуться вперед, к намеченной цели.

Затем ручные пулеметы продолжают дальнейший марш.

Когда целый взвод задерживается огнем противника, командир взвода, в таком случае, распоряжается производством маневра, опирающегося на комбинировании огня с продвижением отдельных дружин.

Необходимо помнить, что маневр этот удается выполнить только при условии личной предварительной разведки.

Вышеприведенные указания касаются также пехоты, которая в известной степени поддерживается артиллерией. Тогда сопротивление противника усиливается, бой становится труднее, в пределах взвода все же принимает тот же вид: вопрос идет о решительном, неизменном продвижении к цели наступления; нужно пробираться между пунктами опоры противника, связывая его, в случае нужды, огнем ручных пулеметов, ударить непосредственно на самую преграду, пользуясь последовательно огнем и движением (если можно,—охватывая его).

Против контр-наступления противника почти всегда сперва нужно использовать огонь, затем отбросить его своим контр-движением. Отражение удара должно производиться по частной инициативе командиров дружин или даже вытекать из духа товарищеской поддержки самих солдат.

В октябре 1918 года в Бельгии я наблюдал роту сенегальских стрелков, продвижение которой было задержано контр-наступлением немецкой роты (около 50 человек с 5 легкими пулеметами); после короткого боя, командир роты сенегальцев был убит, а один из командиров взводов ранен. Начал уже опасаться, что рота рассыпется, когда вдруг один солдат, о котором потом узнал, что это был старый унтер, имевший в прошлом несколько походов, встал и с воем бросился вперед, около 30 человек последовали его примеру. Неожиданность так поразила немцев, что те едва открыли огонь и рассеялись, бросивши 2 легких пулемета и 6 пленных из той же роты сенегальцев, которых перед тем взяли в плен.

Использование успеха. Как только взводу удалось захватить пункт сопротивления противника, командир тотчас же приводит взвод в порядок и продолжает движение вперед. В случае, если взвод вынужден задержаться, ни в коем случае он не может оставлять захваченного пункта, даже в случае окружения его противником. Единственно стойкое сопротивление мелких отрядов, которые цепляются за каждую точку опоры, предоставляемую местностью, позволит командиру роты или батальона вновь поднять наступление при помощи всяких средств, чтобы оттянуть свой задержавшийся отряд и развить дальше свой маневр.

Дружины второй линии не должны двигаться на помощь головному взводу, пока нет необходимости ввести их в бой. Этой потребности нет до тех пор, пока продвижение не остановилось или слишком опоздало. Наоборот, они обязаны, по собственной инициативе, бросаться в бой в промежутках дружин первой линии, чтобы преодолеть вместе с соседями фронтальное сопротивление или чтобы разбить отряды противника, контр-наступление которых угрожает флангу первой линии.

Боевые дозоры. Боевые дозоры—лишние в момент начала штурма под прикрытием подвижной огневой завесы, т. к. имеют целью установление или поддержание соприкосновения с противником. Они особенно необходимы, когда имеющиеся общие сведения об отдельных пунктах сопротивления противника неполны.

Количество патрулей зависит от характера местности.

Боевой дозор должен быть достаточно легкий и подвижной, чтобы с удобством мог рассыпаться по местности и не нести потерь. С другой стороны, он должен быть достаточно сильным, чтобы неприятель его не игнорировал. По большей части это будет дружина с легкими пулеметами, прикрытыми отборными стрелками. Благодаря своему автоматическому оружию, а также поддержке, которую могут ему оказать на флангах отряды, продвигающиеся сзади, боевой дозор может выдвигаться на несколько сот метров перед своей ротой.

Боевой дозор, разведывая неприятеля, старается отметить его размещение, также силу, размещение фланкирующих отрядов, т. е. все, что обыкновенно называется „наружной формой“ противника. Боевой дозор, добыв эти сведения, присылает донесения командиру роты. Исполняя задачи, они отбрасывают сторожевые отряды противника, угрожая им отходом, в то же время связывая их огнем.

В случае невозможности преодолеть встреченное сопротивление, прикрывают приближение роты, помогая ей в выполнении маневра, давая ей время для занятия исходного положения для штурма, подготовленного артиллерией и поддерживаемого танками.

Управление огнем. Командир отделения обязан держать в руках огонь своих людей и особенно автоматов; обязан употреблять его смело, не боясь выдвигать его вперед, как рапиру наступления, чтобы иметь возможность непосредственно с небольших дистанций парализовать пункты сопротивления противника; регулирует расход патронов и следит за своевременным пополнением.

Рассмотрим теперь порядок использования отдельных дружин в пределах роты. (Схема № 2).

Необходимость подготовки комсостава для разумного управления своей частью понятна всем. Знакомство с техникой и тактикой своего рода оружия, при соответствующем воспитании, дает в руки командира фактический авторитет и основание к требованию от исполнителей подчинения.

Усиление техники вооружения пехоты за 1914—1920 годы предявляет, даже к младшим командирам, требование изучения действия не только пули и штыка, но снаряда орудий, ручных бомб, бомб воздушных кораблей, действия ядовитых, удушающих и слезоточивых газов.

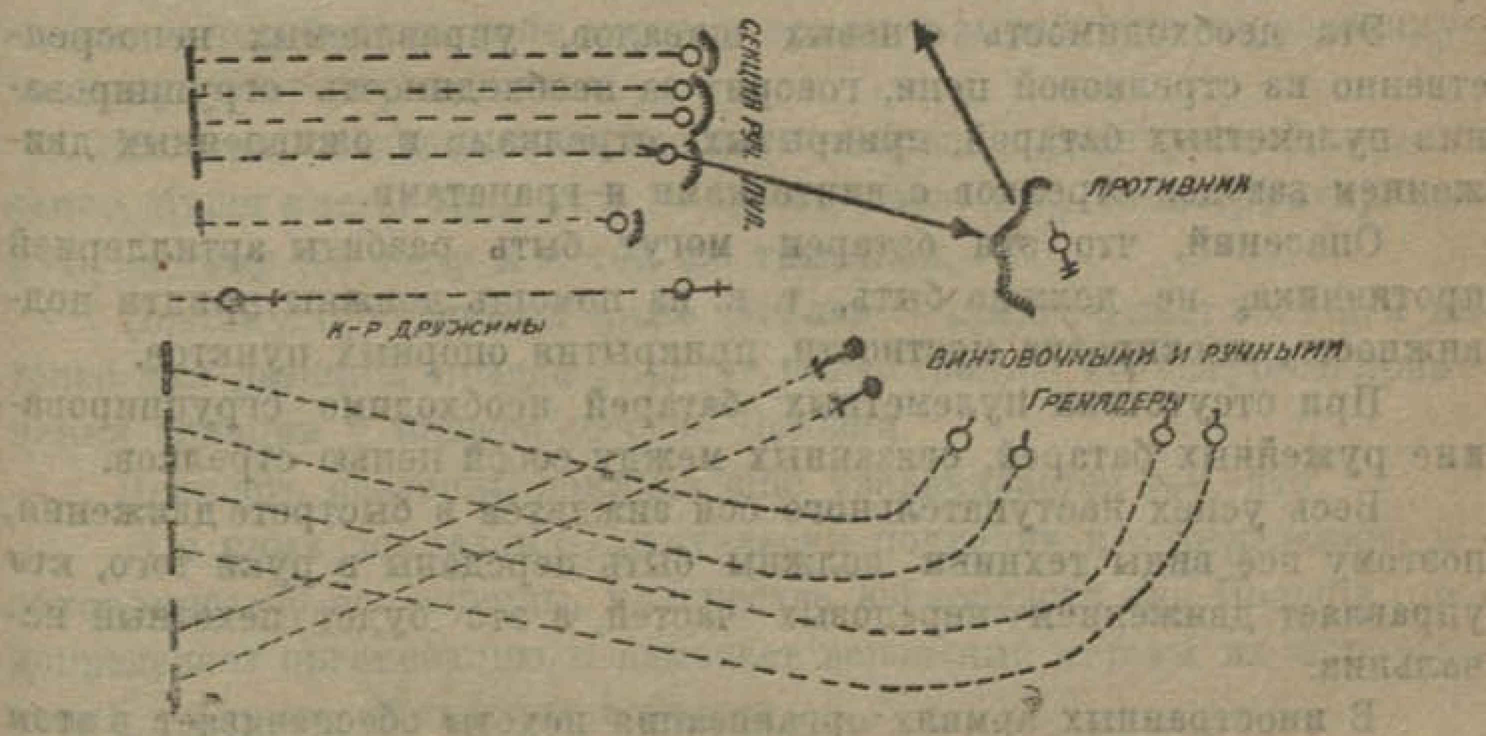
Если до войны 1914 года можно было говорить об огнепоклонстве и штыкопоклонстве, то теперь для всякого должно быть ясно, что успех будет на стороне того, кто во время использует все сильные стороны огня, маневра и оружия ближнего боя (штык, огнемет и ручная бомба).

Из них: огонь—представитель техники, маневр—воинского искусства, оружие ближнего боя—представитель моральных начал. Если

Схема № 2.

АТАКА

ДРУЖИНЫ НА ЦЕНТР СОПРОТИВЛЕНИЯ

раньше можно было говорить о преимуществе обучения прицельному или массовому огню по площади, то теперь приходится признать целесообразность обучения тому и другому виду огня.

Стрельба по щитам пулеметов, моторам бронемашин, танков, обстрел определенных участков лучшими стрелками, огонь одиночного разведчика и часового требуют производства точного, меткого, разумного выстрела.

Появление оптических винтовочных прицелов способствует этому виду огня. По нашим наблюдательным щитам немцы всегда вели огонь бронебойными пулями из винтовок с оптическими прицелами.

Награждение званием отличного стрелка в старой армии оставалось мертвой буквой, тогда как у немцев оно налагало определенную обязанность.

На французском фронте каждому отличному стрелку выдавалось однозарядное ружье с ограниченным числом бронебойных патронов и этот стрелок располагался в броневой башенке впереди проволочных заграждений с задачей спокойно, метко, расчетливо стрелять по приближающимся английским танкам.

Разведчик, сидящий под коньком крыши или в слуховом окне придорожного дома и выслеживающий передовые патрули противника с целью добычи „языка", тоже должен стрелять расчетливо, метко и наверняка.

Огневой бой на стрелковой позиции пехоты, для достижения огневого перевеса с целью проложения дальнейшей дороги штыку, теперь не будет вестись с равномерным напряжением в течение часов, а, подобно артиллерийскому огню, огневой шквал автоматов и пулеметов должен парализовать узлы сопротивления противника.

Искусство и чутье командира должны не упустить моментов перевеса в огне и, пользуясь этим огневым щитом, нужно продвинуть бойцов штыка вперед, при лобовой атаке или для выигрыша фланга— при охвате.

Эта необходимость огневых шквалов, управляемых непосредственно из стрелковой цепи, говорит за необходимость сгруппирования пулеметных батарей, прикрытых стрелками и оживленных движением взводов стрелков с винтовками и гранатами.

Опасений, что эти батареи могут быть разбиты артиллерией противника, не должно быть, т. к. на помощь должны придти подвижность, маскировка местности, прикрытия опорных пунктов.

При отсутствии пулеметных батарей необходимо сгруппирование ружейных батарей, связанных между собой цепью стрелков.

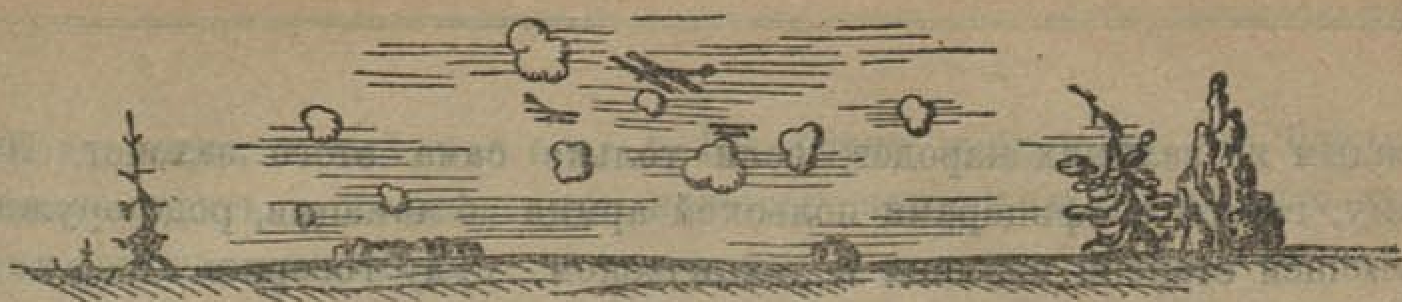
Весь успех наступательного боя зиждится в быстроте движения, поэтому все виды техники должны быть переданы в руки того, кто управляет движением передовых частей, а это будет пехотный начальник.

В иностранных армиях организация пехоты обеспечивает в этом отношении вполне.

Отсутствие у нас полковой артиллерии заставляет напомнить о существовании артиллерийских взводов, сопровождающих пехоту.

Боязнь, что они остановятся, когда будут перебиты лошади, должна отпасть, т. к. на поле пехотного боя можно видеть и скачущих ординарцев, и мчащиеся патронные и пулеметные двуколки.

Эти взводы должны быстро уничтожать появившиеся открыто пулеметы, поддержать свою пехоту при овладении полевыми опорными пунктами и обеспечить своевременное огневое преследование.

Тету.

Воздушный флот.

(Перевод с польского красвоенлетчика Алексеева).

Данные об авиации или „летании“, если перевести буквально, с которыми сжато знакомит слушателей докладчик майор ТЕТУ, относятся к французской авиации, по времени—к середине 1921 года.

Очевидно авиация „наших бывших союзников“ давно уже успела занять подобающее себе место в армии и выработать определенную тактику своего применения.

Польша, создавая свою армию по образцу французской, естественно, будет иметь, если уже не имеет, и авиацию, сконструированную по тому же типу и с той же тактикой.

Поэтому приводимый ниже доклад *) представляет большой интерес, как дающий, правда вкратце, иллюстрацию структуры и применения авиации у нашего соседа—Польши.

Ценность сведений доклада еще увеличивается тем, что:

1) с ними докладчик практически подходит к определению необходимого, по его мнению, количества авиасредств для Польши, предопределяет организацию и намечает вероятные методы их использования в случае об'явления войны и

2) будучи в общих чертах сходными в тактическом и техническом отношениях с постановкой военной авиации и у нас, тем дают возможность рекомендовать и нашему командному составу ознакомиться с ними, хотя бы в границах этого доклада.

Польша, насчитывающая около 30 миллионов населения, имеет в своем распоряжении хороший подбор интеллектуальных сил и выдающихся людей науки, нет в ней недостатка в хороших инженерах, как равно и в природных богатствах, что позволяет ей быть независимой и вполне положиться на собственные силы и прогресс своей экономической политики; и она вполне может в будущем сравняться с

*) Доклад на курсах информации для высшего командования польской армии. *Ред.*

каждым из великих народов, если только сама этого захочет. Поэтому, говоря с офицерами польской армии об авиации, роде оружия в высшей степени научном и техническом, буду говорить с ними, как с офицерами вполне современной армии о современной стратегии, тактике, науке и промышленности, но говорил бы иначе с солдатами, у которых должна быть одна только цель—победа над войсками со слабой организацией, дисциплиной и бедными техническими средствами. Только что окончившаяся война с армией советов была, по моему мнению, эпизодом, который доказал, как трудно было достичь победы над такой армией, как большевистская. Что же будет тогда, если те же солдаты столкнутся с противником отлично организованным?

Уже в самом начале своего доклада указываю и, без колебания позволяю себе настаивать на том, что некоторые не считают еще истиной, но что в будущем станет для всех очевидным: *армия без авиации обречена на гибель*.

Конечно, не утверждаю, что авиация есть важнейший род оружия; пехота была, есть и будет, если не всегда, то, по крайней мере, еще некоторое время—царицей сражения.

Этим научным изложением я хотел бы заинтересовать некоторые отсталые умы, которые полагают, что можно отлично обойтись и без авиации. На самом деле, ведь можно воевать и без артиллерии, и даже без винтовок, что осуществляли наши предки.

Армия, обслуживаемая авиацией (ниже увидим, чем должна быть военная авиация) обладает таким преимуществом над противником, который ее не имеет, что, отбросивши всякие непредвиденные обстоятельства, может смело обеспечить себе победу.

С другой стороны должен признаться, что самое недалекое прошлое только указало нам перспективы будущего и что авиация такая, какой она была в конце 1918 года во Франции и Германии, помимо всего значения, какое она приобрела, все же еще не была тем, чем дожна быть, чтобы за ней была признана господствующая роль.

Но примеры великой войны дали нам твердые и верные основания и то, что я скажу о роли, которая должна принадлежать авиации, не будет поспешным и смелым допущением, а обдуманным и опирающимся на непоколебимые данные выводом.

Раньше всего ставим вопрос: обладает ли авиация материалом, позволяющим осуществлять ей возлагаемые на нее надежды? Отвечу так.

Быстрый рост авиации заставляет задумываться и беспокоиться многих людей о том, что недавно созданная модель может совершенно неожиданно утратить свою ценность в том случае, если техника

сделает вдруг новый шаг вперед. Но, глядя в будущее, не следует недооценивать настоящего, так как оно настолько важно, что требует особого внимания.

Самолет, в таком виде, в каком мы имеем его сейчас, есть сооружение весьма ценное, и если он не дает нам того, чего имеем право от него требовать, то это не его вина, а лишь тех, которые им пользуются.

Этот авиационный материал, эти современные самолеты вполне заслуживают того, чтобы ознакомиться с ними ближе, чем как это было до сего времени; самолет имеет будущее равно как в торговле, так и в военном деле, будущее обширное, разностороннее—это также подчеркивает необходимость ознакомления с ним масс, что было бы лучшей пропагандой в его пользу.

К сожалению, не хватает времени, чтобы говорить о роли авиации, в данный момент могу заняться только характеристикой самолетов, отвечающих различным заданиям войны. Затем затрону степень пригодности самолетов в тех границах, в каких хочу заключить свой доклад.

Никто не знает в какие формы в будущем могут еще вылиться военные выступления, но доказательства великой войны заставляют нас взвешивать различные способы борьбы.

В особенности надлежит детально рассмотреть позиционную войну и войну маневренную.

Также надлежит обратить внимание и на третий вид войны: на укрепленные группы. Каждый из этих видов войны имеет своеобразную тактику в применении различных родов оружия, а в особенности—авиации и представляет из себя такие выдающиеся отделы, что каждый из них надлежит изучить тщательно и детально.

Рамки нижеследующего доклада не позволяют развернуть тему в таком об'еме, в каком бы этого требовало детальное ознакомление с предметом, а потому я буду здесь рассматривать авиацию только в применении к маневренной войне.

Авиация делится на:
- авиацию разведывательную,
- авиацию боевую,
- авиацию бомбардирующую.

Разведывательная авиация вооружена самолетами—бипланами, с такой скоростью полета, какую позволяет их нагрузка (пассажир, горючее на 6 часов полета, пулемет на башенной установке для наблюдателя, беспроволочный телефон и фотоаппарат), с другой стороны, их вместимость должна давать возможность наблюдателю легко действовать во время борьбы, а также свободно выполнять свое задание.

Разведывательные самолеты, какими в настоящее время располагают современные армии, имеют среднюю скорость полета 140 километров в час и нормальную высоту полета 6.000 метров (т.е. могущие в 2 часа набрать высоту 6.000 мет.). Эта высота может достигать 8.000 метров с помощью недавно изобретенного прибора, называемого „турбокомпрессором".

Степень высоты полета имеет такое важное значение, что на нее обращаю внимание слушателей: очень легко можно себе представить, что самолет, который, например, должен сфотографировать тыловые линии неприятеля, будет находиться в меньшей безопасности на высоте 8.000 метров, чем если он это будет делать с 6.000 метров.

Боевая авиация обычно обслуживается самолетами типов:

1. Моноплан—очень легкий, поворотливый, могущий выполнять всевозможные головоломные повороты, достигающий горизонтальной скорости полета 250 километров в час. Высота его полета может достигать 9.000 метров. Быстрота под'ема поразительная, достигающая 6.000 метров в 20 минут. Бензин забирает на 2 часа полета, вооружен приклепленными пулеметами, которые могут стрелять в оси самолета вперед, через винт.

Характер полета моноплана дает ему большую возможность вести наступательные действия, но то, что он моноплан и свойства его вооружения —составляют два его больших недостатка: он может защищаться только увертываясь, чтобы потом, в свою очередь, наступать и имеет ограниченное поле зрения, что влечет за собой неуклонные перемещения строя группы монопланов в момент боя.

2. Биплан-истребитель быстроходнее и сильнее, чем биплан-разведчик; предназначается для преследования, а также для групповых полетов; в действиях по земным целям он более пригоден, чем моноплан, так как последний, будучи принужден рассматривать поле боя, может стрелять только по истечении некоторого времени.

Средняя быстрота его горизонтального полета достигает 200 километров в час. Биплан этот имеет запас горючего на 5 часов полета.

3. Триплан боевой имеет небольшую скорость (140 килом. в час в среднем и на 5 часов горючего), очень сильно вооружен пулеметами спереди и сзади, имеет только оборонительные свойства. Применение его узнаем ниже.

Бомбардирующая авиация делится на дневную и ночную. Для бомбардирования дневного употребляются самолеты со средней горизонтальной скоростью 140 милометров в час, потолком в 5.000 метров, могущие брать 350 килограммов бомб. Эти аппараты вооружены посто-

янным пулеметом для пилота и двумя пулеметами для бомбометателя и берут горючего на 5 часов.

Для ночного бомбардирования употребляют самолеты, не требующие высокого под'ема и быстроходности (100 килом. в час в среднем и высота 4.000 метр.), но зато выдерживающие нагрузку, могущую достигнуть 1.500 килограмм.

Разумеется, что для специальных заданий употребляются самолеты дневные или ночные, могущие уносить бомбы очень далеко и обладающие чрезвычайной силой (имеются уже средства, позволяющие залетать на 500 километров и бросать бомб, весом 2.000 килограмм).

Рассмотрим в настоящее время, попутно, применение каждого из упомянутых родов авиации.

I. Разведывательная авиация.

Прежде чем начну говорить о задачах разведывательной авиации, должен обратить особое внимание на залог, обеспечивающий успех работы ее—это свободу действий, которую авиационное начальство должно предоставить этому виду авиации.

Свобода действий разведывательной авиации получается: с одной стороны, благодаря сопряженной работе авиации—боевой и дневной бомбардирующей, которые своими действиями отвлекают на себя активность боевой авиации противника и переносят центр воздушной борьбы в его тыл, с другой стороны, службой патрулей боевой авиации, назначением которых является охрана и обеспечение выполнения задач разведывательными самолетами. Надлежит установить особенно тесную связь между авиацией разведывательной и боевой; достижение координации в их действиях требует со стороны авиационного начальства великолепного знания тактики авиации, отдаваемые распоряжения, лишенные связи, могут не только лишить смысла воздушную разведку, но и привести к еще более худшим результатам, о которых позднее пришлось бы жалеть.

Однако безопасность, которую может дать охраняющая боевая авиация, не может быть длительна ни по времени, ни по пространству, и воздушный бой является нормальным и возможным для разведывательной авиации при выполнении ею своих задач.

Разведывательная авиация должна быть отлично обучена воздушному бою, а также и полетам в группе. Полеты в группах необходимы для выполнения заданий, при которых возможны встречи с боевой авиацией противника. Самолеты охраняют друг друга фланговым огнем. Если воздушные бои одиночных самолетов являются необыкновенно трудными, то бои группами требуют такого навыка, который добывается исключительно ценою долгих и упорных упраж-

нений. Вернусь еще к этой теме после рассмотрения авиации боевой и бомбардирующей, а теперь подчеркну суть дела, имеющую исключительное значение, которую каждый хороший летчик должен усвоить.

Хорошая разведывательная эскадра, подготовленная ко всяким возможностям, способная выполнять всякие задания, которые от нее можно требовать—явление весьма редкое и не может быть создано моментально.

Личный состав авиации, больше чем в других родах оружия, требует индивидуального обучения, поставленного на высшую точку и общего законченного образования.

Действия разведывательной авиации можно разделить на две большие группы:

а) собственно разведывательные и

б) совместно с другими родами войск.

А. Разведка.

В французском наставлении: „Об управлении большими боевыми единицами", в отделе, трактующем о ведении разведки, сказано: „Разведка имеет цену только тогда, если момент донесения и время его доставления позволяют использовать его для развития маневра во время боя".

Вот главная цель и смысл авиационных разведок.

Постараюсь доказать на примерах огромное значение воздушных разведок.

1. Битва на Марне в августе 1914 года.

Операция на Марне была так хорошо проведена, что еще до настоящего момента не потеряла интереса к себе. Много пишется и долго еще будет говориться о разных фазах этого боя и о фактах, имевших то или иное значение. Новые данные, выясняющие обстановку, в которой она разыгралась, позволяют указать ту большую роль, которую сыграла в ней авиация.

Как известно, правое крыло немецкой армии, нарушив нейтралитет Бельгии, вслед за принужденными к отступлению французами, вторгнулось по дороге Моза - Сомбр - Уаз.

Уже 25 августа генерал Жоффр, оценив обстановку, приказал отступать до пунктов, от которых он расчитывал перейти вновь в наступление. Эти пункты были: на левом фланге—укрепленные окрестности Парижа, на правом—окрестности Вердена. 31-го немецкая армия, развернувшись в долине Уаз, вступила в Нуайон. 1-го сентября ге-

нерал Галлиени, губернатор Парижа, отдал последний приказ о принятии натиска немцев. 2-го сентября неприятель занимает Крейль. Натиск на Париж был так серьезен, что генерал Галлиени потребовал, чтобы правительство оставило Париж. Это распоряжение вошло уже в силу; в 20 часов 30 мин. того же дня получается донесение воздушной разведки. Наблюдатель, поручик Вато, известный своим хладнокровием, знанием дела, развитием и способностью, быстро схватывает обстановку и, получив задание обследовать долину Уаз, обращает особое внимание на необыкновенное движение, заметное в окрестностях Вербери. В течении часа он наблюдал, что там происходило и выяснил значительные силы пехоты и кавалерии на дорогах от. Вербери к Виль-Готтерет. Удивленный этим движением, совершенно противоположным с общим направлением, приписываемым неприятельским войскам, наблюдатель спешно возвращается и доносит о замеченном губернатору Парижа. Первое впечатление от разведки было недоверие, а потом удивление, выраженное губернатором словами: „Это невозможно, это было бы черезчур хорошо“. На следующий день было приказано всем имеющимся в распоряжении самолетам, на рассвете, вылететь на разведку. 3-е сентября было днем, когда спала завеса; в 10 часов утра начали возвращаться самолеты, доносившие, что колонны, глубиною от 15 до 20 километров, выходят с биваков и постоев в окрестностях Вербери, *направляясь на восток и юго-восток.*

В полдень все эти донесения дошли до генерала Галлиени, и он уже не мог сомневаться в том, что неприятель на Париж не идет, а, не считаясь с силами, сосредоточенными под столицей, задумал маневр окружения левого фланга французов и тем опрометчиво оголил свой собственный фланг. Все эти сведения были отправлены в главную квартиру. Спустя два часа все было решено, и приказы всюду разосланы. Летчикам дано приказание, чтобы до 12 часов 4-го сентября были доставлены самые точные сведения: не имеется ли еще неприятельских сил в северной стороне от Парижа. Затем губернатор ознакомил командующих со своими распоряжениями и намерениями, осветив то преимущество, какое можно было получить при немедленном переходе в наступление, используя ошибку неприятеля. Остальное принадлежит истории: известно, что генерал Жоффр, уступая веским аргументам генерала Галлиени, назначил наступление на 4 дня раньше, чем намеревался, и какие из этого получились результаты. Не намереваюсь утверждать, что битва на Марне выиграна авиацией, но замечу, что только благодаря авиации французы могли заметить и использовать ошибку немцев и только благодаря авиации бой начался 6, а не 9 или 10, как это было предположено. Также, только благодаря заслугам авиации, бой разыгрался

на Марне, а не на Секване, как было также предположено. Затем, если бы не авиация, то обстановка сложилась бы иначе, и нельзя утверждать с уверенностью, что и в другом случае бой кончился бы победой французов.

2. Наступление немцев 21 марта 1918 года во Франции.

Нельзя не указать, что авиация неоднократно и не оправдывала своего назначения в той мере, в какой от нее можно было бы требовать.

21-го марта 1918 года, на фронте протяжением в 60 километров, между Аррасом и Уазой, немецкий генеральный штаб с молниеносной быстротой повел наступление против англичан. В течении 2-х месяцев немцы сосредоточивали на этом участке большое количество артиллерии и минометов, подготовляли запас оружия и снарядов, увеличили авиацию, группировали войска, пока не довели общую их численность до 50 дивизий. А, однако, начало наступления немцев было полною неожиданностью и дало генералу Людендорфу возможность вывести в своих „Воспоминаниях о войне" следующее заключение: „Я думаю, что неприятель ничего не подозревал, иначе его резервы были бы подтянуты быстрее, и он успел бы подготовиться к обороне"; дальше он пишет:—„Английские летчики даже не заметили увеличения движения по железным дорогам в направлениях к фронту, которое продолжалось до половины марта". Последствия невнимания английских летчиков известны—удался задуманный стратегический маневр немцев—разрыв французской и английской армий.

3. Наступление французов 18 июля 1918 года между Марной и Уазой.

Авиация может быть принесет пользу, если она отлично организована, обучена, хорошо снабжена и находится под хорошим руководством (не только авиационных начальников, но также и начальников больших воинских соединений, к которым она придана).

Чтобы уменьшить возможность быть обнаруженным авиацией, употребляют различные способы, из которых важнейший—маскирование (естественное и искусственное). Одним из примеров искусственной маскировки, примененной с успехом, является наступление генерала Манден 18 июля 1918 года между Марной и Уазой, произведенное под выгодным прикрытием лесов Виль—Готтерет. Наступление это было полной неожиданностью, и, хотя было произведено удачно, исключительно благодаря превосходству собранных значительных сил и средств, но никогда бы не увенчалось успехом, если бы немецкая

авиация была о нем осведомлена. Даже в лесу чуткие летчики при помощи фотографирования могут открыть окопы, биваки, склады снарядов и т. д., но этого немецкие летчики не сделали, и тем облегчили успех французов.

4. Наступление немцев 15 июля на фронте в Шампани.

Это наступление, от которого немцы ожидали последних и решительных результатов, совершенно не удалось, так как мы могли следить день за днем за всеми их приготовлениями и, по мере того, как противник производил ту или иную группировку, мы предпринимали свои меры отражения. Здесь можно было убедиться в той роли, какую играет авиация в доставлении сведений в течении 2-х месяцев, благодаря чему все наступление было вполне предугадано, и обратить внимание на то исключительное значение, которое представляет непрерывность разведки.

Между 15 мая и 15 июня были обнаружены на нормальном расстоянии от фронта 17 новых авиационных отрядов. Этот момент заставил напрячь все внимание и сделал каждое известие особенно ценным. Между 13 июня и 17 июля обнаружено еще 5 новых авиационных отрядов, *но уже в 12 верстах от линии фронта,* и доставлено артиллерии много важнейших сведений по целеуказанию. Между 1 июня и 15 июля—указано 18 новых складов снарядов. Была отмечена постройка дорог до главных линий. В последние дни эти дороги доведены были даже до первой линии позиций и сооружены, где нужно, мосты. Обнаружена прокладка узкоколейной жел. дор. для подвоза снарядов и проч. материала. Была сфотографирована телефонная сеть, увеличена и развернута в план. Открыты новые позиции батарей и, наконец, 25 июня были открыты воинские части близко за первой линией, подготовляемые для наступления, и склады снарядов не дальше, как в расстоянии 1.000 метров за этой же линией—данные чрезвычайной важности, свидетельствующие о наступлении в недалеком будущем. Была дана ценная сводка, характеризующая увеличение движения по железным дорогам и числа вагонов на промежуточных станциях, а также движения обозов по дорогам между станциями.

Каждый день, каждый час приносили новые сведения; французское командование следило за приготовлениями неприятеля так реально, что, как будто бы, получало сводки непосредственно из немецких штабов. С очевидностью выяснились все данные наступления и, наконец, 14-го июля стало вполне ясно, что немцы завтра начнут это наступление. Естественно, что были заблаговременно предприняты все меры предосторожности, и противник понес тяжелое поражение

Можно было бы привести подобных примеров множество, но нет возможности исчерпать весь материал, доказывающий пользу, приносимую разведывательной авиацией, так как *если бы развернуть, как надлежит, работу воздушной фотографии,* потребовалось бы вместо одного доклада сделать на два доклада больше в продолжении этого курса.

Постараюсь еще раз обратить внимание на те пункты, которые заслуживают, чтобы на них задержаться с той целью, чтобы, если и не получить хоть минимальное знакомство с авиацией, то, по крайней мере, получить хотя бы веру в нее. Произвести полное ознакомление с ней возможно путем изучения правил о ее применении и, наконец, исследуя ее работу дискуссионным порядком и на практике.

Б. Совместные действия с другими родами войск.

Эти действия имеют два вида: работа по обслуживанию стрельбы артиллерии и содействие пехоте. Кто не выполнял этих задач, тот не имеет понятия, насколько они трудны. Эта трудность зачастую приводит к тому, что выполнение задачи не дает ожидаемых результатов, и работа авиации лишается полного доверия, на которое вправе расчитывать; еще раз скажу, что лучше совсем не иметь авиации, чем иметь ее плохую. Целесообразнее, например, для польской армии иметь пять хороших эскадр, чем сто среднего качества; еще лучше, конечно, иметь 50 хороших.

Задачи первого вида заключаются в отыскании целей для артиллерии, наблюдении за ними и корректировании артиллерийской стрельбы. Напомню в общих чертах, как подобные задачи выполняются.

Должно принять во внимание следующее:

Биплан двухместный с наблюдателем, отлично знающим технику артиллерийской стрельбы, вооруженный передатчиком беспроволочного телеграфа.

Батарея связана с земной приемной радиотелеграфной станцией, обслуживаемой офицером, обученным ведению корректирования этим способом. При станции имеются сигналы из полотна голубого цвета, для связи с самолетом, и хорошая телефонная связь со стреляющей батареей, если она находится далеко от станции. Было бы черезчур скучно об'яснять технику корректирования при помощи самолета, об этом должно ясно говорить наставление о связи летчика с артиллерией.

Как я уже говорил, управление огнем при помощи самолета—задача очень трудная, но зато какую силу дает оно войскам, которые могут распоряжаться этим средством. Не говоря о позиционной войне,

где этот вид корректирования обязателен и должен быть развит до совершенства, нахожу, что он должен применяться и в войне маневренной.

Многие утверждали, что в последнем виде войны этот способ невыполним на практике, но ошиблись, т. к если артиллерия и авиация хорошо связаны и снабжены всеми необходимыми приборами, то эта корректировка возможна и даст результаты. Хорошо укрытая артиллерия неприятеля может задержать каждое наступление; если же оно производится с помощью авиации, то действие этой артиллерии может быть уничтожено, продвижение пехоты станет возможным и легким. Инструкция о связи летчика с артиллерией говорит, каким способом такую корректировку можно вести, *если самолет и батарея не располагают даже картами.*

Пехотный самолет (или кавалерийский) имеет задачи:

1. Определение и донесение о месторасположении (своей) первой линии пехоты и изменениях этой линии в целый период боя.

2. Определение и донесение о расположении батальонов и полков (передача разнородных распоряжений начальства при помощи сигналов).

3. Непосредственное выполнение связи с пехотой, которой доносит о местонахождении первых линий неприятеля, о местах накопления войск вблизи первой линии и опорных пунктах.

4. Использует каждый удобный момент для участия в бою своим пулеметом.

Это краткое перечисление задач достаточно ясно указывает роль и значение пехотного самолета. Ясно, что только тогда работа самолета плодотворна, если он хорошо связан с пехотой. Равным образом и от корректировки нельзя ждать каких-либо результатов, если артиллерия не сумеет ею пользоваться. Является необходимым: чтобы все солдаты и офицеры изучили это дело, дали бы себе отчет в том, как часто их славная работа и героизм при занятии с боя деревень, окопов, рек и проч., ценою собственной крови, могут стать совершенно бесцельными, если начальники не сумеют немедленно использовать этот успех,—вот во избежание этого эти начальники и должны обслуживаться самолетами, которые обязаны выполнять все, что прикажет пехота.

Когда самолет пускает ракету специально над головами войск первой линии - дает сигнал „Где находитесь?“, звенья первой линии, и только они, должны моментально развернуть белые полотнища или, если их нет, то дать знать о себе каким-либо сигналом, например, зажечь огонь в том месте, где находятся.

У пехотного самолета следующие средства связи: 1. Аппарат беспроволочного телефона, 2. ракеты четырех цветов, значение которых должно быть точно известно *каждому простому рядовому*. При помощи толефона посылает он сведения о ходе боя, о контр-атаках неприятеля, его батареях, за которыми наблюдает во все время боя, о головных отрядах, о пулеметах и т. д.; сведения эти должны быть использованы соответствующим начальником и артиллерией; последняя, благодаря им, может хорошо управлять своим огнем.

Ракетные сигналы следующие:

а) 6-ти огневая ракета—„Где находитесь?“

б) 3-х „ „ —„Понятно“.

в) Желтая ракета —„Противник угрожает в направлении, где нахожусь“.

г) Красная ракета —„Укрепление над которым пролетаю, оказалось укрепленным слабо“.

Сигналами „В“ и „Г“ самолет дает возможность пехоте использовать полученное ею сведение.

Они очень важны для действия на открытом поле, именно для самолета, приданного пехотной дивизии или кавалерии.

Это все приводит нас к выводу весьма любопытного характера, на который никогда не обращалось надлежащего внимания, что пехотный самолет, надлежаще использованный, позволяет необыкновенно быстро производить передвижение больших боевых единиц.

Непрерывность получения сведения с поля боя пехотой и артиллерией дает им возможность гораздо быстрее перейти из полуразвернутого строя в рассыпной, облегчает штабам быструю перемену стоянок и сокращает до минимума меры обеспечения флангов. Сокращение времени таким способом может очень часто иметь важное значение для развития маневра и сохранения тактической плотности.

Надо еще, для дополнения, поговорить об аэростатах. Считаясь со временем, могу сказать о них только вкратце, но будьте уверены, что предмет этот представляет интерес значительно больший, в сравнении с временем, которое могут ему уделить.

Аэростат имеет особенно большие заслуги в позиционной войне, но факты убедили нас, что и в войне маневренной, правда хорошо ведомой, аэростат также всегда может помогать пехоте, обслуживая по протяжению две пехотные дивизии и быть с ней связанным телефоном и другими собственными способами. Могут они вести наблюдение и во время похода, могут работать со специально предназначенными батареями, для которых достают моментально самые свежие сведения.

Большой перевес имеет аэростат перед самолетом в том, что может наблюдать все время, без перерыва, например: поезд может пройти в ту минуту, когда там нет самолета, а аэростат не пропустит его незамеченным, раз он наблюдает эту железную дорогу.

Аэростат работает в тесной связи с самолетом, различными способами дополняя его, исключая его недостатки, и вместе делают одно дело, которое дает воздушному наблюдению цельность и связность.

II. Боевая авиация.

Теперь вы убедились, что нельзя в современной войне обойтись без разведывательной авиации. Однако, если хотите иметь результаты от разведывательной авиации, необходимо иметь и сильную авиацию боевую.

Великая война показала, чем должна быть боевая авиация и ее численное соотношение к авиации вообще. Не удивляйтесь тому числу авиационных единиц и той массе самолетов, с которыми не может равняться ваша существующая авиация. Ставим вопрос таким образом: при ваших средствах войны в каком числе эскадрилий должна войти боевая авиация, чтобы иметь превосходство за собой.

Отвечу, что количество эскадрилий должно быть около 25.

Самолеты боевой авиации работают массами (группами) — рассеивание их не имеет смысла. Эскадрилья (10 самолетов)—масса слабая; соответствующей единицей является боевая группа (3 или 4 эскадрильи); эти группы могут работать самостоятельно или же соединяются по 3 или 4 и образуют авиационные боевые полки.

Обеспечение своему воздушному флоту свободы действий на поле боя, связав работу авиации противника, выражает в себе то, что называется — *воздушное превосходство.*

Необходимо помнить, что нельзя требовать от авиации беспрерывного пребывания в воздухе, это привело бы к полному истощению технических средств и личного состава. Превосходство в воздухе достигается только путем маневрирования и массирования авиации на главнейших операционных направлениях. Как везде, и даже более чем везде, экономия сил авиации является залогом ее успеха. Нужно маневрирование авиации на поле сражения производить так, чтобы ее господство было обеспечено по времени и месту важнейших операций.

Важнейшими задачами боевой авиации являются:

1. Отыскание и уничтожение авиации противника или, по крайней мере, затруднение ее действий. Эта задача выполняется боевыми эскадрильями или группами.

2. Обеспечение нашей разведывательной авиации свободы ее действий (аэростатами и самолетами). Эта задача выполняется боевыми группами, имеющимися в распоряжении армий.

Наконец боевая авиация может быть использована для поражения земных целей.

Боевая авиация, как правило, работает группами.

Составной частью группы является обыкновенно патруль в пять самолетов. Несколько таких *скомбинированных патрулей*, об'единенных общим руководством, составляют группу, могущую производить сложные воздушные маневры.

Время пребывания боевого патруля в воздухе не должно превышать $1^1/_2$ часа. В нормальной обстановке можно требовать от летчиков одного полета в сутки. В критический момент можно требовать до 2- х полетов в день, но если такая интенсивность работы продолжится долго, то обратится лишь в истребление самолетов и людей.

А. Отыскание и уничтожение неприятельских самолетов.

Отыскание и уничтожение неприятельских самолетов есть первая задача для активного патруля. Характер этой работы зависит от действий неприятельской авиации, обстановки боя и намерений командования. Воздушные бои производятся на значительной высоте или под охраной других патрулей, т. к. если неприятельский истребитель имеет преимущество по высоте над патрулем, то последний теряет свою свободу действий и активность нападения. Только перевес в высоте истребителя позволяет ему принять бой, дает скорость, возможность маневрирования и нападения в удобный момент на противника.

В современной войне разведывательная авиация работает под охраной собственных истребителей. Для того, чтобы заставить ее принять бой, необходимо всеми силами стараться внедриться в сферу ее работы. Для этой цели высылается ряд патрулей на разные высоты.

Патрули низкие (1000 — 2000 метров) для нападения на неприятельские пехотные самолеты, корректирующие и разведывательные, низко летающие.

Патрули средние, т. е. такие, которым придется встретить большинство разведывательных самолетов противника и среднее число истребителей.

Патрули высокие (больше 4000 метров) имеют задачей уничтожение высоких патрулей противника, охраняющих собственные низкие и средние.

Б. Охрана воздушной разведки.

Чтобы получить наибольшие результаты от разведывательной авиации, необходимо возможно лучше ее обеспечить; эту задачу обеспечения выполняют охраняющие патрули, летающие над районом действия разведывательной авиации, охраняя их от нападения патрулей противника и, в то же время, не позволяя последним отвлечь себя из назначенного района. Такой патруль может выполнять свою задачу на ограниченном по фронту участке (около 30 километров). Охраняющие патрули должны быть так же снаряжены, как и патрули активные.

В. Действия по земным целям.

Во время боя очень благоприятные цели представляют войска противника, находящиеся *в сомкнутом строю или колоннах*.

Обстрел их с воздуха может дать ценные результаты, особенно морального характера, могущие повлиять на весь исход боя. Во всяком случае не надо забывать, что нападения такого рода могут обойтись очень дорого; против частей противника неподдающихся панике и сохраняющих хладнокровие, понимающих, что моральное действие здесь является единственною целью, какую противник может только достигнуть, — против таких частей подобного рода натиск является безрезультатным и бессмысленным.

Такой обстрел можно производить только с малой высоты. Человек, видя приближающийся самолет и зная, что он может стрелять только вдоль своей оси, может, находясь в стороне метров на 50, чувствовать себя в безопасности и взять самолет на прицел; пуля хотя, возможно, и не ранит пилота, но может попасть в винт, мотор и тем вывести самолет из строя.

Во всяком случае, участие боевой авиации в бою, на поле боя, должно сопровождаться большими предосторожностями.

Целями для обстрела не являются только войска первой линии, а могут быть резервы и колонны на дорогах, за несколько километров в тылу. Натиски эти нужно производить массой, под охраной сильных патрулей, энергично отгоняющих неприятельских летчиков и тем обеспечивающих снижение ведущему обстрел земных целей.

Такие задания возлагаются на боевую авиацию только в исключительных случаях, т. к., прежде всего, для этой цели используется авиация бомбардирующая.

Г. Сведения, доставляемые боевой авиацией.

Боевая авиация не употребляется для разведки, тем не менее во время патрулирования, пилоты и пулеметчики могут ви-

деть много интересного, о чем обязаны доносить как можно подробнее. Прежде всего, они обязаны давать сведения, касающиеся авиации противника: о ее аэродромах, численности, деятельности и т. д. Эти сведения могут дать ценные указания о намерениях противника.

III. Авиация бомбардирующая.

Не желая вдаваться в подробности воздушной стрельбы, должен, однако, указать на технические особенности воздушной бомбардировки с той целью, чтобы доказать, что она не производилась с возможной точностью, а то, что делается „на глаз" не может быть достаточным, как теперь кажется многим.

Возьмем самолет, летящий со скоростью 150 километров в час на высоте 3000 метров, когда он будет в пункте „А". Бомба будет падать на землю по закону притяжения , но также она имеет и горизонтальную скорость, значит падает, летя в направлении движения самолета.

Если же время, нужное для падения бомбы на землю, будет равняться 30 секундам, а самолет находится в данный момент в пункте „Б", то расстояние между „А" и „Б" равно 1250 метров. Если бы не сопротивление воздуха, то пункт „Б" был бы пунктом падения бомбы.

Принимая во внимание сопротивление воздуха при вышеуказанных данных, пункт падения будет в пункте „В", на 250 метров назад от пункта „Б". Значит нужно бросать бомбу на 1000 метров ранее прибытия к данному пункту.

Этот самый самолет, на этой самой высоте, может иметь встречный ветер со скоростью 10 м/с, что случается очень часто, значит в это время его скорость будет равняться только 140 километров в час. Вычисления показывают, что в этом случае надо бросать бомбу на 700 метров ранее прибытия к данному пункту*).

Из этого уже можно себе уяснить, что воздушная бомбардировка не может быть импровизированной, хотя мы здесь видели только прибавление скорости при бросании бомбы, не принимая во внимание ни высоты, ни рода бомбы, что также очень важно.

Является необходимым составление *таблицы огня*, показывающей все элементы, влияющие на стрельбу, для каждого типа бомбы, каждой высоты и скорости самолета. Необходимо, чтобы бросающие бомбы пилот и бомбометчик были отлично этому обучены, кроме того, для достижения точных попаданий от них требуется привычка к совме-

---

*) При попутном ветре с тою же скоростью 10 м/с, скорость самолета увеличивается до 186 километров в час и нужно будет бросать бомбу на 1200 метров ранее прибытия к данному пункту.

стной работе, когда каждый из них выполняет свою часть работы общего задания в полном обоюдном согласии.

Момент бросания бомбы учитывается при помощи прицела, очень нежного прибора, обращение с которым требует хорошего знания его.

То, что затрудняет воздушную стрельбу, что заставляет иметь особо специально обученных людей — является фактом, не могущим быть регулированным в противоположность артиллерийскому огню. Если артиллерия стреляя, делает недолеты и отклонения от цели, то это исправляется и переходят к огню на поражение только после пристрелки; здесь же, при воздушной стрельбе, чтобы получить действительный огонь нужно много обеспечивающих данных, чтобы этот огонь был именно действительным.

Всегда говорится о большом впечатлении, которое производят воздушные бомбардирования. Ясно, что если при бомбардировании каких-либо окопов на 100 бомб попадет в цель одна, убивает нескольких людей и производит уже впечатление, — совсем иное будет впечатление, если из 100 бомб 40 попадет в цель.

Часто забывают об очевидных истинах, о которых вообще не стоило бы говорить, и воображают, что, имея самолеты, пилотов и бомбы, уже имеют бомбардирующую авиацию. Но где же там! Сбрасывание даже очень большого количества взрывчатого вещества даст только скверные результаты, если оно не будет иметь точности попадания.

Бомбардировка дневная и ночная.

Самолет, бомбардирующий днем, не может обойтись без боя. Очевидно, тяжесть бомб позволяет самолету иметь горизонтальную скорость и высоту под'ема вполне определенную и меньшую, чем скорость истребителя, который всегда в силах его догнать и атаковать. Надо, значит, чтобы эскадрильи бомбометчиков были хорошо обучены действиям группами и оборонительному бою.

Бомбардирующая авиация, так обученная, кроме использования нормально по своему назначению, может быть употреблена для привлечения на себя, на отдаленных линиях от сферы боя, значительной части истребительной авиации противника.

Ночное бомбометание производится для многих целей. Первое— чтобы обеспечить беспрерывность нанесения вреда, с другой стороны, чтобы не давать неприятелю, в критический момент, времени для исправления повреждений, нанесенных дневным бомбардированием, или возможности спокойного использования 12 часов на подвоз разного рода припасов.

При полетах ночью, артиллерия и пулеметный огонь мало действительны, истребительная авиация лишена всякой возможности мешать, поэтому самолет, бомбардирующий ночью, может не быть готовым к бою и не нуждается ни в каких способах обороны, как самолет, бомбардирующий днем. Не имея надобности высоко подниматься и быстро летать, самолет может взять больше бомб и тем достигнуть большей эффекности бомбометания.

С другой стороны, ночные полеты позволяют собирать и важные сведения: количество освещения и костров открывают размер численности противника в разных районах. В лунные ночи, при низком полете, можно заметить движение войск по дорогам. Ночная бомбардировочная авиация является ценной помощницей авиации разведывательной.

Также, как для авиации боевой, поставлю и здесь вопрос: В случае, если Польша принуждена будет к войне, то сколько эскадрилий бомбардировочных должна иметь ее авиация?

Отвечу, что около 10.

Конечно, эта цифра охватывает только размер бомбардирующей авиации, а не количество единиц, которые были бы нужны во всякое время. Эти эскадрилии, насчитывающие каждая по 10 самолетов, соединяются в „бомбардирующие группы“, и каждая в 3—4 эскадрилии.

Теперь посмотрим, как придаются такие бомбардирующие группы к большим боевым единицам.

Раньше, чем кончу отдел о бомбардирующей авиации, хотел бы сказать о верном способе употребления бомбардирующих групп, целесообразность которого хотя еще и не подтвердилась, но который в будущем, несомненно, сыграет значительную роль. Здесь идет речь об их употреблении в период мобилизации. Как известно, группировка войск при мобилизации подготовлена и обдумана заблаговременно в мирное время. Только после долгих месяцев затяжной работы составляется этот общий план, выполнение которого в нужный момент является залогом успеха. Еще в мирное время можно изучить железнодорожную сеть будущего противника, его предполагаемую группировку сил, пункты сосредоточения и вероятные пути наступления. Следовательно, применение бомбардирующей авиации к действиям в самых чувствительных местах железнодорожной сети противника, в пунктах сосредоточения сил и транспорта, даст очевидные выгоды. Не трудно вообразить то замешательство, которое может внести бомбардирующая авиация противнику во время сбора сил и начала марш-маневра. Можно легко также представить и результаты этой работы: будет нарушен общий план сосредоточения, будет уничтожена первая группировка для разворачивания сил и начала пред-

полагаемой операции, что может сразу предрешить исход всей кампании в пользу победителя.

Не желая быть оптимистом, допускаю, что употребление бомбардирующей авиации и не даст особенно решительных результатов, но все же может внести проволочку в действия, и тем позволит перенести борьбу на территорию противника, а разве этого мало?

Чтобы это оценить, нужно только взглянуть на наши несчастные, уничтоженные и разрушенные северные провинции Франции, сколько лет работы и какие миллиарды потребуются для их восстановления, не считая того, что в будущем ведении войны обладание или не обладание такой промышленной окрестностью может иметь особенно важные последствия после окончания этой войны.

Раньше особенно не заботились о вопросах территории; в борьбе были заняты лишь одной целью—нагнать и уничтожить живые силы противника. Теперь это дело не так просто, когда свойства современной войны заставляют считаться с такими непреложными элементами, о значении которых, еще не так давно, военное командование даже не подозревало.

Возьмем пример и допустим, что происходит мобилизация армии противника и армии польской, причем Верхняя Силезия принадлежит Германии.

Какая тогда бы выпала роль на польскую бомбардирующую авиацию, хорошо организованную и обученную?

Достаточно взглянуть на карту и железнодорожную сеть и решить: энергичная и непрерывная бомбардировка, начатая с первых дней мобилизации, главных коммуникационных узлов, как Вроцлава, Ополя и нескольких промежуточных железнодорожных станций, могла бы сделать невозможным транспортирование войск во всей Силезии, и даже исключить всякую активность всего польско-силезского фронта. Нейтрализация целого фронта, протяжением в 200 километров, дала бы возможность польскому командованию: первое—завладеть без боя этим важным театром войны, одно только обладание которым уже может предсказать судьбу всей войны, и второе—все силы направить на иной пункт, где можно было бы, благодаря маневру, нанести второй решительный удар.

Во всяком случае, этим можно было бы поставить крест над первым наступлением неприятеля.

Вот один из скромных примеров использования необходимых авиационных средств. Пора уже кончить мой доклад. Изложив только часть службы авиации, я ничего не сказал об авиапромышленности, о снабжении авиации во время войны, которые, будучи делом очень нужным и плохо налаженным, могут парализовать всю работу ави-

ации, но все же, коснувшись важного, хочу уверить, что авиация, несомненно, сделает переворот в основных методах ведения войны.

С каждым днем утверждается принцип сохранения живой силы армии за счет неограниченного развития техники.

Последняя война доказала нам это с полной очевидностью: уничтожение русского фронта в 1918 году причинило нам огромные затруднения, дав немцам большие преимущества в свободных силах,—с января месяца мы ожидали больших выступлений немцев; что же нужно было делать? Разве увеличить количество пехотных батальонов? Нет,—пехоты в октябре 1917 года насчитывалось 1.141.000 человек, в апреле 1918 года ее было только 1.036.000 человек, однако, авиационные войска увеличились, в октябре 1917 года их численность доходила до 42.000 человек, а в апреле 1918 года их было уже 55.000 человек.

В августе 1914 года французская армия имела 23 эскадрилии, по 6 самолетов в каждой, а в октябре 1918 года их уже 300, по 10—15 самолетов в каждой.

Пехота насчитывала в своих рядах в половине 1915 года 1.526.000 человек, в октябре 1918 года—851.000, т. е. чуть ли не на половину меньше.

Авиацию в половине 1915 года обслуживало 8.000 человек, а в октябре 1918 года—66.000 человек.

Франция построила во время войны 70.000 самолетов.

Эти цифры говорят сами за себя и доказывают, что армия, достойная своего назначения, должна иметь развитую и усовершенствованную авиацию, являющуюся залогом ее побед.

Из архива военной истории.

Стан. Кюнстлер.

Наше августовское наступление.

(Перевод с польского с комментариями С. Меженинова) *).

По уничтожении Колчака и Деникина, большевики решили уничтожить Польшу, самого грозного своего врага, употребляя для этого, с одной стороны, агитацию, а с другой—прямую боевую расправу. Чтобы иметь время на стягивание своих войск на наш фронт, а, вместе с тем, поднять мирное настроение в Польше и тем понизить боевое настроение войск, а также снять с себя ответственность за войну и возложить ее на Польшу, в конце зимы они послали нам мирную ноту с тенденцией выиграть время и сохранить возможность разрешения вопроса по своему усмотрению.

С целью парализовать их действия и разбить часть их сил, была задумана и проведена киевская операция.

Этот удар был для них неожиданный и чувствительный, так как повлек утрату около 30 тысяч пленными, большого вагонного парка и ряда материальных складов. Для контр-удара на южный фронт ожидался Буденный со своей непобедимой до сих пор конной армией.

---

*) При оперативных решениях самая трудная данная обстановки—учет сил и положения противника. Чтобы не медлить в решениях, предупреждать неприятеля и тем навязывать ему свою волю, необходимо ставить себе цели и действовать независимо от полноты указанных выше данных.

Наши оперативные решения в польскую кампанию отличались крайней решительностью и настойчивостью, но цели, намеченные к достижению в последний период кампании, не соответствовали военным требованиям момента. По требованию политики удары производились в направлениях, лишь косвенно влиявших на разгром остатков польских армий.

Настоящий перевод имеет целью выявить волю и военное положение противника в период варшавской операции, чтобы яснее учесть свои ошибки в прошлом, подчеркнуть значение разгрома организованных военных сил противника при всякой политической ситуации и указать слабые стороны противника даже в минуты его успехов.

Чтобы заставить нас оттянуть часть сил с юга, большевики повели наступление на северном фронте, в случае удачи операции предполагая продолжать движение далее. Однако это не был планомерный маневр, т. к. еще не было закончено полностью их сосредоточение, и временные их успехи мы ликвидировали контр-атаками. Тем временем, на юге появился Буденный со своей конной армией, а вместе с ним перешли в наступление и советские пех. дивизии. Но решающий для большевиков театр войны был не здесь: они хотели этим лишь вынудить нас к переброске сил с северного фронта, держась на нем в это время пассивно, чтобы затем перейти в решительное наступление.

На рассвете 4 июля большевики перешли в решительную атаку на северном нашем крыле, сосредоточив сюда массу тяжелой артиллерии, бронепоездов, броневых автомобилей и самолетов. Не обращая внимания на очень большие потери в первых атаках, они вводили в дело новые дивизии и действовали все решительней и отчаянней. Наши войска были вынуждены, в конце-концов, отступить на линию старых немецких окопов. Здесь нам не удалось организовать обороны, ввиду обхода нашего левого фланга конницей противника (III конный корпус). Солдат наш—прекрасный в наступлении, мало приучен к битвам оборонительным. В отступательных боях он дезорганизовался и пал духом. Отряды наши не были уже в состоянии установить длительного сопротивления на новой линии Осовец—р. Нарев—Брест--р. Зап. Буг, несмотря на посылку укомплектований кадровыми солдатами и охотниками.

Однако войско начало крепнуть, борясь в собственном краю, в обороне непосредственных подступов к столице, видя глаза всего народа обращенными на себя и чувствуя общую заинтересованность в исходе дела.

Ввиду систематического обхода нашего левого крыла, вынуждено было отступать и южное крыло северного фронта. Обстановка складывалась крайне тяжело. Для исправления ее имелись следующие возможности, которые позволили бы исправить положение и взять инициативу в свои руки:

1) Оборона на линии:

Буг—(по Брок)—Нарев—затем река Омулев или Оржец с будущим фланговым ударом с линии Буга. Ввиду непрерывных атак, форсирования в нескольких местах вышеозначенной линии (под Мельником, Остроленкой и Кольно), одновременно необеспеченности удержания ее в центре, а в конечном счете - невозможности проведения перегруппировки для своевременного удара—выход этот был неприемлим.

2) Концентрический отход на Варшаву, соответствующая перегруппировка в периоде отхода, с целью отбития атак на предмостное укрепление Варшавы и контр-атака с целью отброса большевиков. Выход этот, не вполне обеспечивая от возможного обхода предмостной

позиции Варшавы, вылился бы в фронтальную атаку и привел бы к большим потерям в людях, хотя обеспечил бы вполне столицу.

3) Эксцентрическое отступление на Варшаву с одновременным образованием трех групп: а) сильной—за Вепржем, между Деблином (Ивангородом) и Коцком; б) другой сильной—с задачей обороны предмостного укрепления Варшавы; в) третьей—слабой—в районе Модлина (Новогеоргиевска) для прикрытия северного крыла. Обсуждения этих возможностей в генеральном штабе, совместно с французскими офицерами, привели в итоге к безоговорочной обороне Варшавы. Но в отношении контр-удара, соединенного с обороной Варшавы, мнения разошлись. Один из выходов предусматривал стягивание всех сил с Малой Польши под Варшаву, организацию непрерывной обороны по линии Вислы и Сана, а удар проэктировался с предмостного укрепления у Варшавы с одновременным охватом с севера, т. е. повторение операции битвы под Марной. „Польская Марна" не имела, однако, больших шансов на удачу, ввиду того, что большевики не повернули своего северного фланга (IV армии) к Варшаве, но пошли фронтально на запад, сильно обеспечивая себя в южном направлении. В случае сосредоточения наших сил для удара на левом крыле, явилась бы необходимость первоначальной фронтальной атаки, а в дальнейшем—фланговый удар с севера на главные силы большевиков под Варшавой; это давало бы противнику возможность отхода на восток, в случае оттеснения его с севера, из под Варшавы. С другой стороны, такой способ давал то преимущество, что не заставлял нас особо рисковать.

Другой выход сводился к тому, чтобы остаться со всеми силами, которые мы имели в Малой Польше, на занимаемых позициях, придерживаясь активной обороны, а, в крайнем случае, отступая шаг за шагом, чтобы прикрыть Львов и нефтяные источники. Силы для удара предполагалось собрать на Вепрже. Вислу же слабо наблюдать между Деблином и Варшавой. Предположение это имело много противников, так как соединялось с большим риском в случае неуспеха. Оно требовало очень обдуманного, неожиданного и быстрого удара и в дальнейшем—форсированного преследования противника, а, между тем, были уже признаки, что солдат наш, удрученный неудачами, не будет способен на большие усилия. Выход этот был „Марной наоборот", где удар шел с юга на фланг и сообщения противника. В результате принято было второе решение, которое было решением верховного вождя, и, во исполнение этого решения, высшее командование 6-го августа отдало соответствующий приказ. Фронт наш в то время проходил по Серет—Подкамень—Броды—линия Буга по Браньчик—Пжетуч—линия Нарева—Остроленка—Омулев. Приказ о перегруппировке гласил: как основную линию обороны, высшее командование выбрало: линию р. Оржец—Нарев с предмостными укреплениями у Пултуска и Варшавы, Висла, предмостное укрепление Деблина (Ивангород), Вепрж и далее на Серет или Стрыпу. Линия эта позволяла устано-

вить войска в уступное положение для удара по флангам и сообщениям надвигающихся групп противника. Руководящая идея:

1) Связать противника на юге, прикрывая Львов и нефтяные источники.

2) На севере не допустить до охвата вдоль немецкой границы, дать сильный отпор атакам на Варшавское предмостное укрепление.

3) Центр имеет наступательное задание: быстрое сосредоточение маневренной армии на нижнем Вепрже, которая решительным ударом на фланг и тыл неприятельской группы, наступающей на Варшаву, должна разбить противника; группа войск на верхнем течении Вепржа сначала прикрывает сосредоточение маневренной группы с востока и юго-востока, а затем, в соединении с маневренной группой, развивает наступление на северо-восток, принимая в расчет в этом случае действия войск северного участка.

Характеристика и задания участкам:

I. Северный,—более угрожаемый по захвату столицы фронтальным ударом или обходом с севера; не исключалась возможность переправы и южнее Варшавы, почему этот участок распадается на три:

а) от немецкой границы до Пултуска включительно—участок 5 армии: удерживать переправы через Нарев, наблюдать Нарев и Оржец с помощью кавалерии, действуя активно на правый фланг противника.

б) От Сероцка включительно до Карчева включ.—предмостное укрепление Варшавы—участок 1 армии; задача: отбитие атак на Варшаву, нанесение противнику возможно больших потерь с целью понижения его боеспособности.

в) От Гуры Кальварии вкл. до Денблина (Ивангорода) искл.—участок 2-ой армии; задача: наблюдение и удержание линии Вислы.

II. Средний участок—маневренная группа, которая, использовав усталость неприятеля в атаках на Варшаву и свое фланговое положение, нанесет решительный удар главным силам противника. Участок этот распадается на два подучастка: а) от Ивангорода включительно до Коцка включительно. 4 армия—главная ударная группа. Задача: сконцентрироваться в районе Ивангород—Лысобуки—Коцк, с эшелонированием резервов в глубину, и ударить в общем направлении—на Минск-Мазовецкий (Ново-Минск); б) от Коцка искл. до Броды искл.—3 армия—прикрыть сосредоточение 4 армии и связать действия неприятельской кавалерии своей кавалерией; в дальнейшем, когда 4 армия начнет атаку, развить уступный удар на Луков, прикрывшись с востока кавалерией.

III. Южный участок—прикрыть восточную Галицию в направлении Грубешов, Рава-Русская, имея два подучастка: а) подучасток 6 армии, б) южная часть, обеспеченная армией Павленко.

Общие наставления.

1. От неприятеля отрываться ночью. Первой ночью выполнить очень большой переход, оставив только слабые кавалерийские арьергарды или пехоту на подводах с автоматическими ружьями, которые остаются на месте и отступают под сильным натиском противника. Эти Указания касаются, главным образом, Полесской группы и 4 армии.

2 Обозы и склады немедленно эвакуировать, считаясь с тем, что количество переправ на Висле и Вепрже ограничено; порядок в обозах поддерживать образцовый, чтобы не устроить заторов на дорогах.

3. Считаться с тем, что в новых районах дивизии должны будут быстро привестись в порядок и сильно пополниться маршевыми и добровольческими батальонами.

Исполнение:

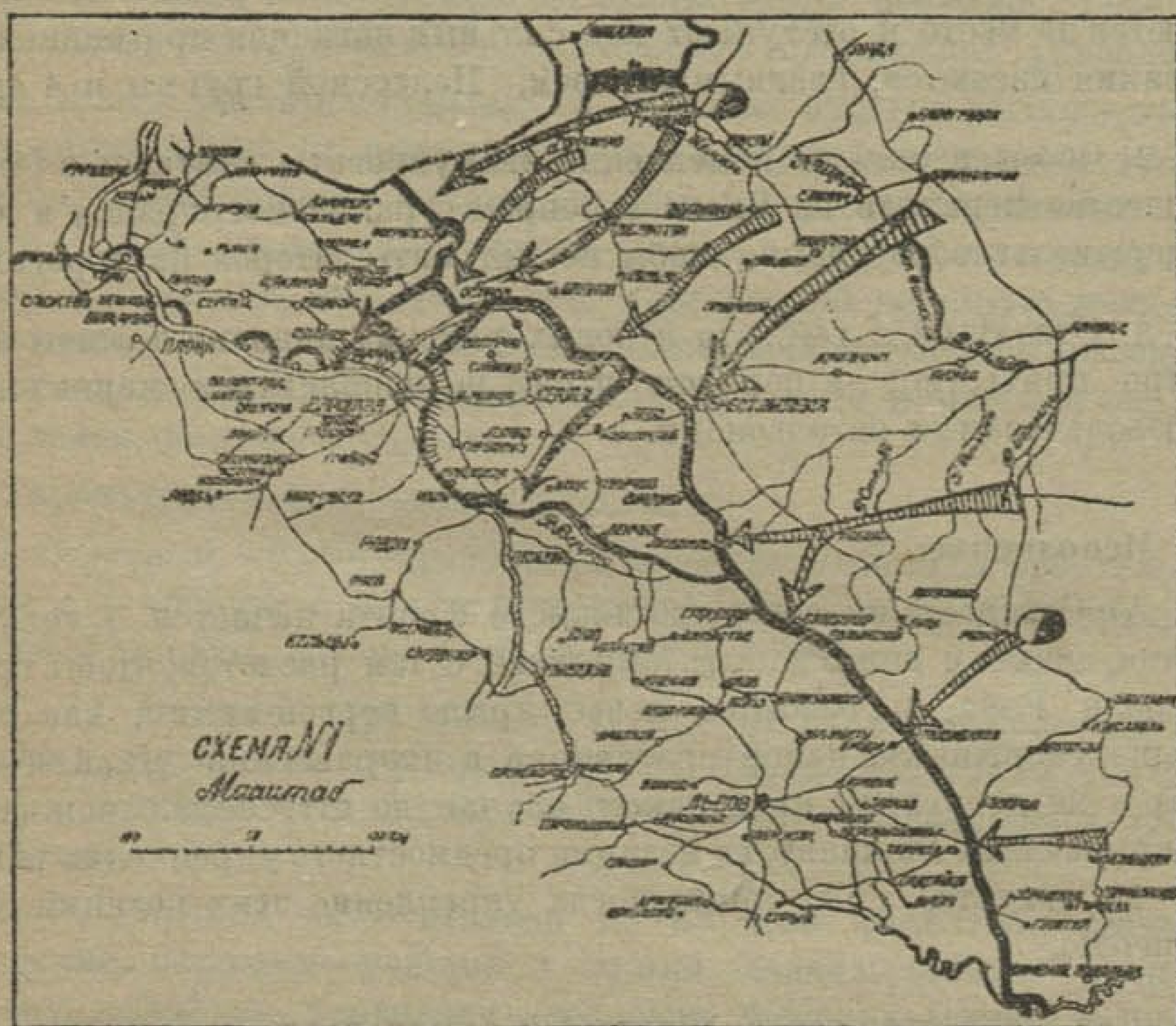
А) Отход армий северо-восточного фронта начнется 7 текущего месяца, ночью и должен быть выполнен с тем расчетом, чтобы группа генерала Ройя, и особенно левое крыло первой армии, как можно дольше удерживала напор противника в направлении Малкин—Варшава и не допустила ни в каком случае до оттеснения наших сил, прикрывающих Варшаву, на позиции предмостного укрепления раньше, как 12 августа, т. е. тогда, когда укрепление этих позиций будет закончено.

Для того же левое крыло 1-й армии должно задержаться на высоте Вышкова до тех пор, пока части южного участка фронта не достигнут линии: река Ливец—Седлец—Луков—Туркавица—Вепрж. При дальнейшем отходе, отряды наши на предмостном укреплении Варшавы должны отбивать все атаки неприятеля до момента, когда концентрация 4-й армии на юге от Вепржа будет окончена, т. е. около 16 августа.

Левое крыло 3-й армии отходит в тесной связи с Полесской группой. Новое разделение на армии вступает в силу с момента достижения отступающими отрядами конечной линии отхода. (См. схему № 1).

Войска наши планомерно выполняли поставленные им задачи, единственно левое крыло не выдержало натиска,--отошло и допустило дальнейший марш большевиков на Прасныш—Цеханов и Млаву и далее в западном направлении—на Серпец—Липно. Армии большевиков, продвигавшиеся в западном направлении, не предугадывали нашего плана и всей массой продолжали движение на Варшаву. Следя за этим движением противника, все мы были уверены, что план удара удастся; тогда как в случае, если бы большевики двига-

лись за нашими отрядами непосредственно, шансы флангового удара значительно уменьшились бы: войска наши в этом случае вынуждены бы были отвоевать себе пространство для флангового удара.

Обстановка перед выпуском последнего приказа перед ударом представлялась в следующем виде: (см. схему № 2):

Положение противника:

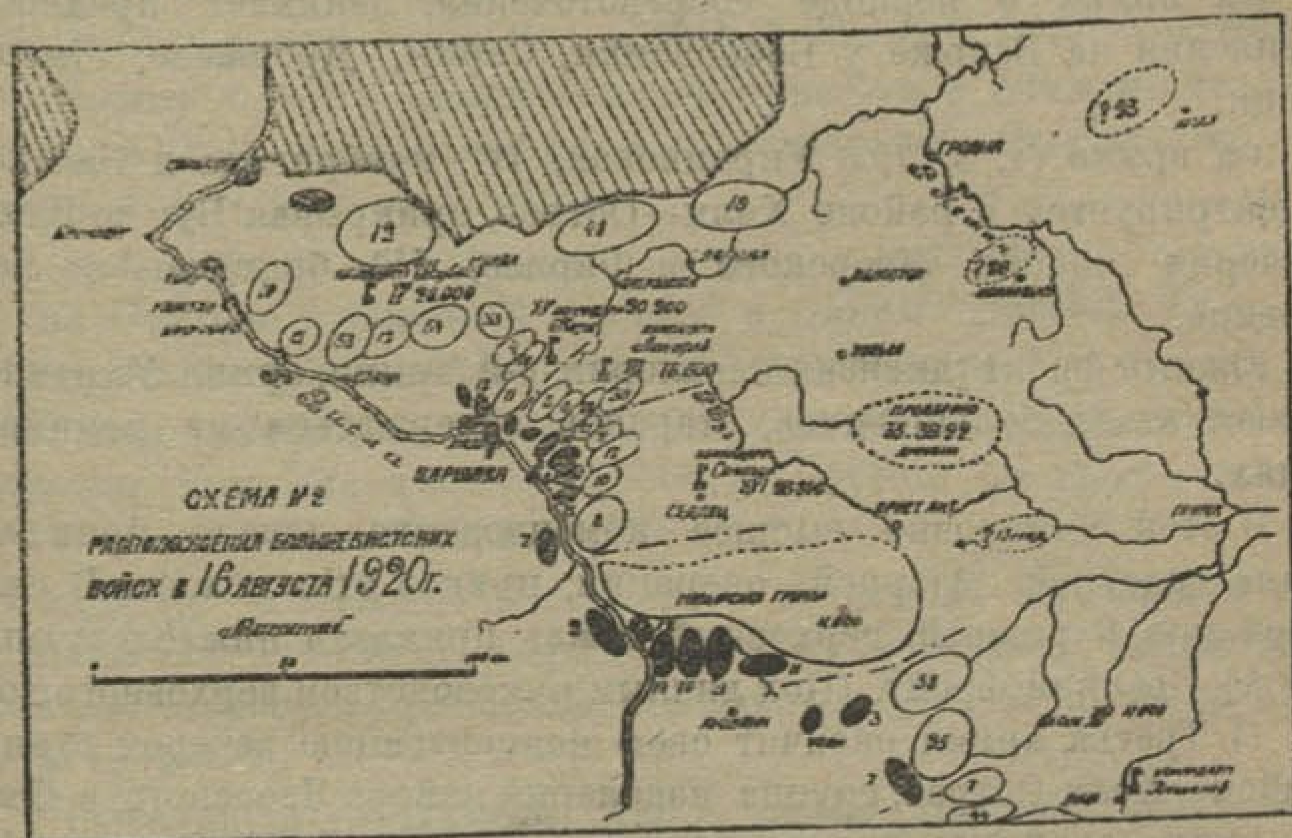
III корпус кавалерии противника в районе Липно пытается форсировать Вислу между Нешавой и Вышгородом. IV армия: 12 дивизия в районе Дзялдова—Яблоново с направлением на Грудиондз; остальные дивизии той же армии в районе Серпец—Щегово, повернутые в южном направлении, пытаются, при поддержке кавалерии III корпуса, форсировать Вислу.

XV армия большевиков, сгруппированная вдоль железно-дорожной линии Модлин (Ново-Георгиевск)—Млава, пытается уничтожить нашу 5-ю армию в районе Модлина.

III армия напирает на левый фланг предмостного укрепления, Варшавы через Сероцк на Зегрж в юго-западном направлении. XVI армия большевиков атакует предмостное укрепление Варшавы густо сгруппированными дивизиями вдоль Радзиминского шоссе и слабее вдоль Брестского шоссе, прикрывая свой южный фланг широко

растянутой 8-й дивизией. Мозырская группа, растянутая на север от Демблина и вдоль Вепржа до Влодавы, прикрывала южный фланг трех армий большевиков, наносящих удар на Варшаву.

От Влодавы на юг, вдоль Буга, действует XII армия большевиков с наступательным заданием.

I конная армия маневрирует в районе Броды с направлением на Львов; XIV армия большевиков наступает вдоль Серета, пытаясь форсировать последний в различных местах.

Наше положение:

В районе Яблоново — Голуб группа майора Мельжинского, состоящая из отделов пограничной стражи, батальонов и батарей Д. О. Д. Познань. Группа „Нижней Вислы", состоящая из запасных и охотничьих бат-нов, а также организующейся 20-й дивизии пехоты— по Висле, от Торна до Вышгорода.

5 армия (18, 17 и 9 охотничья дивизии пехоты и Сибирская бригада), с целью задержания дальнейшего продвижения 4-й армии большевиков и отвлечения внимания от главного нашего удара, начала действия на несколько дней ранее главного удара, в северном направлении, вдоль ж. д. Модлин—Цеханов—Млава, преодолевая упорное сопротивление противника. 15 августа отряды этой армии, сдерживая напор противника, ведут бои в районе Сонска—Гонсоцина—Нове-Място на р. Вкре, за фортами Модлина, в северо-западном направлении под Студзенка—Цегельная, образуя полукруг с центром в Модлине.

1-я армия (10, 11, 18, 15 пех. дивизии и резервная бригада) отбивает очень сильные атаки близ Радзиминского шоссе. Радзимин

несколько раз отбивается контр-атаками. Атаки на Лесноковица—Окунев и Вензоне отбиваются с большими потерями для противника.

2-я армия (2 и 4 дивиз. пех.) наблюдает Вислу и не допускает приближения противника для устройства переправ под Гура-Кальварня и Мациевицы.

4-я армия в периоде сосредоточения, занимает предмостные укрепления на Вепрже у Бобровники, Сарны, Дронжево, Лысобуки и Коцк.

3-я армия (1, 3, 7, 6 Украинская, IV кавбригада и Балахович) концентрируется в районе Холм—Остров, прикрывая Буг до Влодавы. Кавалерия майора Яворского в Фирлее, IV бригада в районе Реновице.

Южный фронт (дивизия кавалерии 6-й армии, армия Украинская) отбивает атаки большевиков, стараясь задержаться на занимаемых линиях.

В этой обстановке высшее командование издало приказ для начала главной ударной операции; приказ этот гласит: В связи с битвой под Варшавой, верховный вождь приказал нижеследующее:

А) Средний фронт. (Под личным руководством верховного вождя)

1) Третья армия окончит свою концентрацию вечером 15 августа в районе Холм-Остров, группа кавалерии майора Яворского в Фирлее; 4-я армия группируется на линии Вепрж, от Демблина до Коцка включительно.

2) Атака обоих этих армий начнется на рассвете 16 августа.

Как минимальные задачи на этот день назначаются:

Для 4-й армии линия: Гоньчице—Желехов—Радзынь с передовым отрядом в Гарвалине.

Для 3-й армии—Парчев.

3) На 17/VIII дальнейшие стремительные атаки, в общем направлении на север, дальнейшие действия согласовать с 1 армией.

Б) Северный фронт. Относительно действий северного фронта приказано:

1) Для 2-й армии: перенесение командования 2-й армией и передвижение 2-й дивизии легионеров в сторону Демблина вечером 15 августа и, самое позднее, 16/VIII на рассвете, так, чтобы эти силы иметь на восточном берегу Вислы в зависимости от обстановки на среднем фронте; таким образом командование 2-й армией со 2-й дивизией легионеров перейдет в распоряжение среднего фронта. 4 дивизия пех. должна по-бригадно встать в Пясечно и Гура-Кальварии, откуда по узкс-колейке будет переброшена 16 и 17 августа, по мере продвижения 4 армии, или в Варшаву, для использования на предмостном укреплении, или же далее, на север;

2) для 1-й армии: активная оборона варшавского предмостного укрепления, обратив особое внимание на Радзыминское направление. 16 августа вечером 1-й армии сконцентрировать вблизи позиции на Брестском шоссе танки и броневые поезда, так, чтобы удар 17/VIII

был проведен совместно с пехотой, артиллерией и летчиками. Атака должна достигнуть Минска-Мазовецкого (Ново-Минск), а оттуда изменить направление удара, в зависимости от обстановки.

Одновременно отряды 15 пех. дивизии должны ударить вдоль Люблинского шоссе для установления связи с продвигающимися отрядами 4 армии.

3) Для 5 армии и группы „Нижней Вислы"—задача прежняя.

Действия 4, 3 и 1 армий должны привести в ближайшие дни к разбитию XVI армии большевиков под Варшавой, отрезать ей отход к Бресту и оттеснить ее к северу.

В дальнейшем эти действия должны привести к оттеснению всех сил Советов к немецкой границе и, таким образом, будет достигнуто полное уничтожение всех сил противника.

В этих операциях высшее командование ожидает от войск напряжения всех сил и энергии, чтобы путем быстрых действий обойти и окружить противника.

Силою ног и мужеством польского пехотинца мы должны выиграть полностью эту битву. Период боев под Варшавой складывается из трех согласованных действий, отделенных друг от друга пространством и временем.

1) Важнейший решающий удар с линии Вепржа, начатый на рассвете 16-VIII с задачей-оттеснить к северу и отрезать отход отрядам противника.

2) Второй удар с тем же самым заданием, однако в меньшем масштабе, предусматривавший только отрезание 4 армии, выполняла наша 5 армия. Бои этой армии были очень тяжелы, так как развивались в условиях полуокружения и сводились к фронтальным атакам для вытягивания полукольца, в котором она находилась в северном направлении.

3) Бои отрядов на предмостном укреплении Варшавы, которые, в связи с развитием двух предыдущих действий, имели в начале второстепенное значение—бить противника и связать его, а затем, по достижении южным крылом Буга, шли соединять и поддерживать оба предыдущих действия.

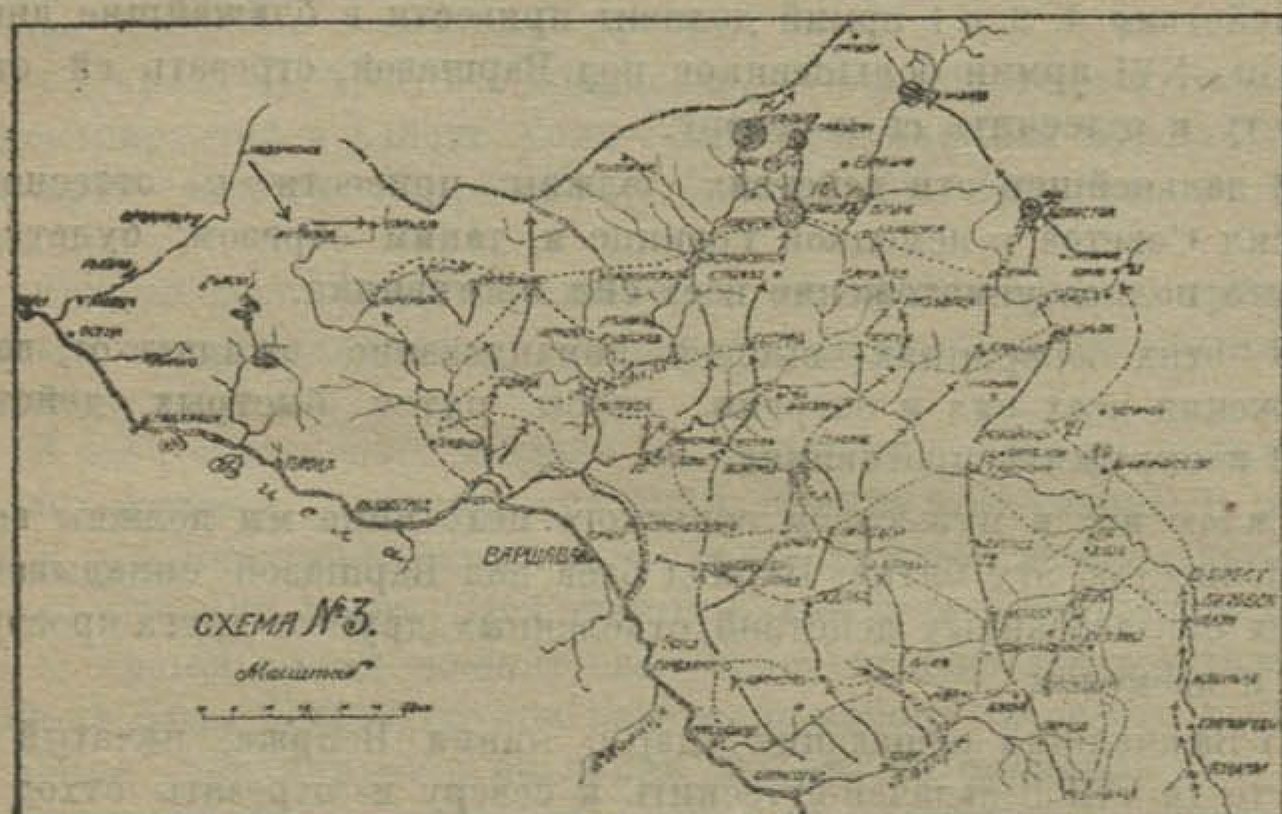
Верховный вождь, по об'езде и осмотре дивизий, имевших нанести главный удар, успех которого зависил от энергии удара и быстроты преследования, будучи лично при одной из дивизий, начал действия 16/VIII на рассвете.

Большевики были захвачены врасплох этим ударом и, как раз в момент начала действий, отдали отрядам, стоящим против нас на этом участке, приказ об атаке и занятии Демблина и Люблина.

Успех всей операции зависил от решительного поражения слабых сил большевиков, стоящих на правом берегу Вепржа, и от быстрого преследования, чтобы не дать им возможности сгруппироваться,

но, путем неуклонного оттеснения их к северу, вызвать в дальнейших дивизиях (в южном крыле XVI армии) панику и дезорганизацию.

По переправе через Вепрж и после срыва сопротивления противника, более сильного только в районе Коцка, наши дивизии двинулись быстрым темпом вперед, разделяя силы противника своими колоннами, продвигающимися в северном направлении. (См. схему № 3).

1 линии точками обозначают фронт к 16, 18 20 и 22 августа
2 цифры с правой стороны означают дни августа

Правое крыло этой ударной группы, после разгрома наибольшего отряда большевиков в районе Цицово, а также в районе к югу от Влодавы, имело открытый путь на север, и в тот же день в 23 часа 3-я дивизия легионеров заняла Влодаву, 1-я дивизия легионеров достигла района Вичнице—Волынь, а 21, 16 и 14 дивизии пехоты 4 армии достигли указанных им пунктов, т. е. рек Вильги и Быстрицы, ранее, нежели можно было ожидать.

Добыча дня была значительной, как в пленных, так и орудиях, пулеметах и боевых материалах.

В течение этих действий противник продолжает в различных пунктах атаки Варшавского предмостного укрепления.

5 армия, после тяжелых боев, преодолевая упорное сопротивление противника, продвигается медленно вперед и занимает Насельск-Щегоцин-Шлюбово. Сильные атаки противника оттеснили наши отряды из под Соньска и выбросили нашу кавалерию из занятого перед тем Цеханова. Одновременно противник атакует с запада Плонск и пробует переправиться через Вислу под Плоцком, а особенно упорно атакует под Влацлавском.

Попытки его переправы у Нешавы—бесплодны. Отряды пехоты противника в Поморье ведут себя также очень активно. Для обес-

печения левого фланга 5 армии были быстро направлены: 8 бригада (4 дивизии пехоты) на Плонск, 7 бригада в движении на Модлин, 2 дивизия легионеров из Демблина (Ивангорода) остается направленной в район Холма и Замостья для усиления этого участка.

Удачное развитие операций данного дня и неориентированность большевиков в наших действиях поднимала уверенность в удаче наших намерений, предвиденных в предварительных приказах, т. е. отрезания отхода большевикам и оттеснения к прусской границе.

Важно было в дальнейшем развитие очень быстрых действий с целью перерезать главные дороги отхода на Брест и занятия переправ на Буге (под Дрогичином).

17 августа 3 дивизия легионеров, после поражения и уничтожения отрезанной 58 дивизии Советов, двинулась далее в направлении на Славатичи. VI бригада кавалерии, оперирующая между 3 и 1 дивизиями легионеров, разбив остатки Мозырской группы под Сосновцем и Кривой Вербой (18 километров на юго-восток от Парчева), продвигается далее на Бяла. Кавалерия майора Яворского наткнулась на сильное сопротивление 170 Советской бригады под Конколевицей, преодолела его и разбила противника атакой. 1-я дивизия легионеров в движении из Межеречье. 5 полк этой дивизии в 13 час. занял Бялу, 21 дивизия продвигается далее и после боя занимает Седлец и Луков. Неприятель отступает в панике на Дрогичин. 16 дивизия пехоты медленно продвигается вперед. 14 дивизия пехоты, в своем быстром продвижении сломивши упорное сопротивление, достигла уже в 12 час. линии Осецк-Колбель-Стотзев на Свидре, выслав отряд на Минск-Мазовецкий (Ново-Минск).

1 армия: 15 дивизия пех. для совместного действия с 4 армией, во исполнение предыдущего приказа, атакует из предмостного укрепления Варшавы вдоль Брестского шоссе, преодолевает сопротивление противника и вечером занимает Минск-Мазовецкий. На остальном участке предмостного укрепления Варшавы боев не было. Северный участок этого укрепления, т. е. 7 резервн. бригада, действуя совместно с 5 армией, переходит в наступление и после боев занимает Сероцк, Каролиново и Кухаржево.

5 армия: 9 дивизия пехоты, после сильного боя в районе Винницы, заняла в 20 час. Пултуск. Остальные отряды этой армии в усиленных боях; противник упорно сопротивляется.

Кавалерия полковника Дрешера сдерживает атаку бригады большевиков на левый фланг 5 армии, в атаке разбивает эту бригаду и берет 750 пленных. Отряды противника вдоль Вислы и на Поморье держатся пассивно, не принимая, однако, решения для отхода на восток. Неприятель, воспользовавшись слабой обороной Буга, переправляется через Буг и приближается к Холму и Красноставу.

Добыча этого дня тоже большая: южное крыло 16 армии большевиков, разбитое, в беспорядке отходит на восток, натыкается на наши колонны, направляющиеся в северном направлении и подвергается

дальнейшему разгрому. Отдельные разбитые группы, блуждающие по тылам наших колонн и в лесах, вылавливаются при содействии местного населения. Большевики еще не отдают себе отчета в наших намерениях и не предпринимают ничего для своей охраны. Войска наши с удивительной выносливостью продвигаются вперед, делая в эти два дня по 45 кл. в день с непрерывным боем. Отмечается еще раз прирожденная черта нашего солдата, т. е. в наступлении он может сделать многое и выполнить приказ с безотчетным самоотвержением. Нельзя не упомянуть больших заслуг различных штабов, их непрестанной работы днем и ночью по выполнению приказов высшего командования.

18 августа 3 дивизия легионеров заняла Славатичи, преодолев слабое сопротивление противника.

IV бригада кавалерии, задержавшаяся в продвижении боями под Цицовым, дошла до Белый. Кавалерия майора Яворского в 13 час. заняла Морды, завязав бой с 2 Советской дивизией, и продвинулась к Дрогичину. 1 дивизия легионеров чрезвычайно форсированным маршем дошла до района Лосиц, выслав передовой отряд на Дрогичин, который занят в 18 час. 21 дивизия заняла Мокободы, 14 дивизия пех. заняла Станиславов и Калушин, разбивая остатки 16 армии большевиков.

1 армия: большевики приказали своим отрядам отход на Ливец и Буг для обороны за ними; 15 див. пех. выступила с Минска-Мазовецкого на Ядув. Остаток дивизий предмостного укрепления Варшавы переходит к действиям и вечером занимает линию Яжве-Тлущ-Денбинки; 31 пех. полк быстрой атакой захватил Вышков.

5 армия медленно продвигается, ведя тяжелые бои на своем правом крыле; центр армии очень энергично атакован противником, выдерживает атаку и переходит в контр-атаку. На левом крыле атак нет.

На участке Вислы противник начал отчаянную атаку на предмостное укрепление Плоцка пехотой и артиллерией. Бой переходит на улицы города и в нем принимают горячее участие местные жители; южная часть города в наших руках, мост охраняют отряды 20 дивизии пехоты.

На участке Поморья неприятель стоит на линии Осецк—Любич—река Дрвенца. Голуб занят нами. Выделена группа Д. О. Д. Поморья полковника Александровича с отрядом добровольцев всех родов оружия и установлена связь с группой майора Мельжинского. Группа эта переходит в наступление на Бродницу, которую занимает в 20 час. после упорных боев.

Действия к этому моменту достигли разгрома XVI армии и части III армии большевиков. Отряды наши концентрически группировались тесней на линии Калушин—Седлец—Лосице, ввиду возможности атак резервов противника на этой линии. Дальнейшее развитие операции зависило от действий противника, в связи с новым положением вещей. Противник имел несколько выходов из положения

и, в зависимости от них, наша операция могла развиваться или в северном, или же в северо-восточном направлениях.

Ибо большевики могли:

1) Собрать остатки своей 3-й армии, усиленной резервами, и, обороняясь или переходя в контр-атаки в южном направлении, прикрыть быстрый отход XVI и IV армий с III кавалерийским корпусом.

2) Обороняясь в направлениях южном и западном, быстро оттянуть свое правое крыло (IV армия и III конный корпус) в район Ломжи, для контр-удара, или в западном, или южном направлениях.

3) Обороняясь на своем левом крыле, нанести сильный удар из района Цеханов—Прасныш—Маков—Пултуск—Варшава.

Все эти решения требовали быстроты выполнения. Соответственно нашему положению, которое мы себе отвоевали, самую большую возможность осуществления представляло им первое решение.

В момент, когда большевики так недавно расчитывали на занятие Варшавы, которое даже огласили по всему свету, было трудно для них принять такое решение, хотя оно давало возможность сохранить северные армии от неминуемой гибели.

Второй выход, ввиду растянутого положения 4 армии большевиков, отсутствия связи, действий отдельных отрядов на свой риск и страх и быстрого натиска нашей 5 армии, вызвал бы большие трудности, однако, можно было иметь шансы на успех, хотя и приходилось рисковать остатками армии, прикрывающими этот маневр.

В штабе большевиков, в конце концов, остановились, если вообще может идти речь о его достаточной ориентировке и решении, на третьей развязке и то, когда было уже поздно, так как отряды нашей 5 армии были уже в районе концентрации армии противника, а энергичный напор всех отрядов этой армии не допускал свободы действий. Отряды большевиков (33 дивизия Советов), прикрывавшие перегруппировку, были разбиты в районе Цеханова.

Ввиду того, что большевики наметили единственный отход на Ливец и Буг и там имели намерение обороняться, северное их крыло еще не приступало к отходу. Верховный вождь подтвердил дальнейшее развитие наших операций—главное направление нашего преследования—направление северо-восточное с целью перехвата дорог отхода противника.

В этом приказе, как и предыдущих, план высшего командования сводится к разгрому живых сил противника, не увлекаясь захватом территории; по той же причине для выяснения положения противника, т.е. возможной контр-атаки на линии Минск-Мазовецкий—Калушин—Седлец, которые могли быть произведены резервами, отряды наши двигаются концентрически до этой линии, имея резерв за левым флангом.

По выяснении положения противника, когда на самом деле выяснилось, что на этой линии не будет большого сопротивления, отряды наши разворачиваются веерообразно к востоку, чтобы занять

узлы дорог как можно глубже к востоку и перехватить отход. Резервы держались за правым крылом, чтобы отбить своевременно попытки контр-атак и сильно удерживать узлы дорог.

Дальнейшие действия наших армий регулируются верховным командованием в приказах—№ 8885—III и 8875—III 18/VIII, которые в выдержках гласят:

1) Неприятель начал—под надавлением наступления с юга—отход перед фронтом 1 армии, по перехваченному приказу предполагает организовать оборону на линии Буг—Ливец.

2) Имеющая быть перегруппировка должна дать соответственно сильную преследующую армию. Задача этой армии—энергичное преследование, особенно на правом фланге, с целью отрезания отхода на Брест—Белосток и Осовец и, таким образом, захвата в мешок и полного уничтожения противника.

3) С этой целью приказывается следующая перегруппировка:

Средний фронт в дальнейшем ходе операции, под личным руководством верховного вождя: командование фронтом устанавливается в Седлеце. Среднему фронту подчиняются 2, 3 и 4 армии.

2 армия (3 див. лег., IV кав. бригада, кавалерия майора Яворского, 1 дивизия легионеров и 21 дивизия пех. из 4-й армии, сверх того 19 дивизия пехоты 1 армии и 41 пех. полк из 5 армии).

Общая линия преследования: Межеречье—Белосток. 4 армия (14, 15 и 16 дивизии пех., 12 бригада пехоты, 32 пехотный полк и 15 полк улан): общая линия преследования Калушин—Мазовецк.

3 армия (7 див. пехоты и 2 дивизия, находящаяся в переброске к Люблину).

Северный фронт, под командой генерала Галлера: фронту подчиняются 1 и 5 армии.

1-я армия (8 и 10 див. пехоты)—общее направление преследования Варшава—Остров.

Командование фронтом должно особенно считаться с тем, что, по мере развития преследования в северо-восточном направлении и ликвидации противника у нижней Вислы, целый ряд об'единений, как уже лишних на этом фронте, должен быть переброшен на восток или на юг, где обстановка значительно усложнилась.

4) Разграничительные линии:

a) между 3 и 2 армией: Радзин—Вишница—Словатичи—Мокраны включительно для 2-й армии,

в) между 2 и 4 армиями: Седлец—Соколов—Грание на Буге—Брянск—Лапы включительно для 2-й армии,

c) между 4 армией и северным фронтом (1 армия) Минск-Мазовецкий—Заусов—Брок—Замбров включительно для 4-й армии,

d) границы между 1 и 5 армиями должны быть указаны командованием северного фронта, в зависимости от задач, поставленных армиям.

5) Оперативные цели для армий:

3-ая армия—прикрытие Люблинской и Холмской областей, наблюдение Буга, разведка и развитие действий за Бугом с севера против отрядов 12 армии большевиков, не считаясь с южной разграничительной линией своего участка.

2-я армия—быстрое выдвижение в северном направлении для занятия Белостока, атака отступающих с запада колонн противника, одновременно обеспечение со стороны Бреста-Литовского.

Присоединенные к 2-й армии 19 дивизия пехоты и 41 полк пехоты имеют назначением действия в районе Августов—Волковыск.

4-ая армия—быстрое преследование в северном направлении с целью быстрой переправы через Буг на участке Брок включительно—Гранне исключит., занятие Мазовецка и прижатие противника к германской границе с тенденцией охвата правым флангом.

1-ая армия—фронтальное преследование в северо-восточном направлении. Основная линия преследования: Варшава—Вышков—Остров—Ломжа. Кавалерию перебросить на левый фланг для быстрого заполнения промежутка между пехотой армии и границей.

5-ая армия—полная ликвидация III конного корпуса, 4 армии и тех частей 15 армии большевиков, которые окажутся отрезанными при движении 5-й армии на север по линии Прасныш - Млава.

6) Верховный вождь ожидает от войск, особо от 2 и 4-й армий, быстрых продвижений, чтобы противника не только оттеснить, но и уничтожить через окружение.

Дальнейшие операции будут иметь целью прижатие войск большевиков к прусской границе и отрезание отхода на восток.

Это были как бы гонки—кто скорее займет узлы дорог, ведущих на восток.

Мы имели больше шансов, так как уже три дня развивали операцию, а противник не думал о спасении хотя бы части своих армий.

Мы продвигались вперед и с каждым часом укорачивали дорогу к воротам.

С той же целью, задачей и стремлением всех отрядов будет захват важнейших узлов, а также нужно ожидать около них и боев. Стремление к захвату узлов дорог приведет к созданию нескольких параллельных кордонов, таким образом остатки сил большевиков, которым удастся пробиться или пробраться через один кордон, натолкнутся на другой и третий—и будут или захвачены в плен, или им останется другая возможность, т. е. переход немецкой границы.

При выполнении этой операции огромное значение имеет охрана и прикрытие правого фланга. Эту задачу выполняла 3-я армия, сильно удерживая Холм и направляя 2-ю дивизию легионеров в район Красностава, одновременно 3 дивизию легионеров—для занятия Влодавы, Славанич и Бреста.

Для обеспечения фланга к северу от Бреста, по мере продвижения правофланговой колонны (1 див. легионеров), обеспеченной на

марше IV бригадой кавалерии, сил не было. Напрашивался вопрос—переносить ли базу на запад (Варшава) или пренебречь временным открытием фланга и тылов. Переброска базы в Варшаву привела бы к потере времени и была бы затруднительна, ввиду недостатка перевозочных средств. Железная дорога доходила только до Платерова, грузовых автомобилей не хватало, а мосты на Буге были уничтожены. Риск оставить временно открытым фланг не был особенно большим, ввиду того, что тылы большевиков были совершенно пусты, а слабые силы прорвавшихся на восток были сильно измучены, дезорганизованы и деморализованы, чтобы могли найти в себе силы для удара, переброска новых сил из глубины края требовала времени—все это давало нам возможность оттеснения и уничтожения сил большевиков, которые отходили на восток.

19 августа. 2 армия: 3-й дивизии легионеров удалось занять Брест на западном берегу, а ночной стремительной штыковой атакой занять цитадель и остальные форты, взяв большую материальную добычу. Остальные отряды продолжают дальнейший марш, очищая тылы от разбитых остатков противника.

21 дивизия пехоты заняла после тяжелых боев Соколов, взяв значительную добычу, и направила 1 бригаду на Границе—Яблонна.

4 армия: 15 дивизия заняла вечером Брок. 15 уланский полк занял Косов. 16 дивизия пехоты главными силами в районе Венгрое—Вротнов. 4 дивизия пехоты, 12 бригада пехоты, 32 полк пехоты—в резерве продвигаются вперед.

1-я армия: ее отряды занимают Лвец, частью перешли Буг под Барчицами и продвигаются в северо-восточном направлении.

5-я армия: правое крыло и центр в дальнейшем продвижении ведет тяжелые бои и шаг за шагом продвигается вперед к Макову, где Сибирская бригада ведет тяжелые бои. Цеханов поздней ночью занят отрядами 18 дивизии пехоты.

На участке Вислы противник вытеснен из Плоцка в 11 часов, и отдан приказ о преследовании. Из под Влацлавека противник отходит, преследуемый нашими отрядами. В Поморье еще не видно приготовлений к отходу. Здесь противник атакует Голуб и сопротивляется группе полковника Александровича. Отряды этой группы заняли Нове-Място и продвигаются далее к Дзялдово.

На южном своем крыле противник не имеет организованного сопротивления. Все отходят на Чижев—Замбров. Бои идут с разрозненными отрядами противника. Организация Советских дивизий нарушена: взятые в одном месте пленные принадлежат к разным дивизиям. 16 и 3 армии большевиков разбиты, не имеют связи с своими войсками, северный фланг 4 армии большевиков пытается пробраться на восток, но после занятия Цеханова для него остается дорога только через Млаву. Ворота, через которые возможен отход, делаются все уже, благодаря наступлению нашей 5 армии, с одной стороны, и группы полковника Александровича,—с другой. Отход отрядов против-

ника затруднен наступлением нашей кавалерии и отрядов „Нижней Вислы“ на тылы и фланги, а отсюда—вынужденные бои на все стороны.

Согласование действий наших войск очень затруднено, ввиду отсутствия связи, вызванного быстротой движения наших отрядов, а также ввиду того, что главное направление проволочной связи проходит с востока на запад, а движение наших войск шло поперек этих осей связи, а, в конце концов, и тем, что противник, отходя, портил проволочную сеть. Автомобили и мотоциклы были единственным средством для рассылки приказов и донесений. Ограниченное количество этих средств при войсках было причиной редких сообщений между войсками и командованием. Летчики, как всегда, выполняют важнейшую роль разведки, добывая очень ценные, часто единственные сведения о движении противника, в большей части эти сведения служат единственным основанием для принятия решений.

20 сентября. 2 армия: 3 дивизия легионеров остается в Бресте и отбивает слабую атаку с востока, 1 дивизия легионеров форсированно двигается на Бельск, не обращая внимания на то, что пробивающийся противник угрожает ее фланговому маршу и что 21 пех. дивизия атакуется от Буга на Черемху, что угрожает ее обозам; дивизия оставляет 3 батальона с батареей, которые, обороняясь упорно на линии Острожаны—Долубово, заставляют противника повернуть на север. 21 дивизия пехоты после короткого боя достигла шоссе Бельск—Мазовецк в районе Брянска. IV бригада кавалерии заняла Высоко-Литовск и продвигается на Мелейчице. 4-я армия продвигается вперед, не встречая сопротивления противника, разбивая и беря в плен колонны противника, пытающиеся пробраться на восток и захваченные в узлах дорог, в тылах очищает районы при усиленной помощи местного населения.

1-я армия: по мере развития операции 4-й армии с юга, содействуя ей, охраняет ее левый фланг. Не доходя до Острова, армия берет направление на Остроленку, передав 8 див. пехоты в распоряжение 4 армии.

5-я армия своим центром продолжает упорные бои, отбрасывает противника к северу, правое свое крыло продвигает быстро к Прасныщу, надеясь быстрым выдвижением этого крыла дойти до германской границы и отрезать силы большевиков.

Ввиду затруднений, которые мы причиняли противнику в работе его радиотелеграфа, отряды его оставались без указаний о дальнейших действиях. Все они находились в беспорядочном отходе на восток и сбивались все кучнее на северных путях отхода. С каждым часом все меньше думали они о сопротивлении, единственно стараясь скорей выйти на восток.

Наши армии, особенно правофланговая 2-армия, чрезвычайно форсированным маршем занимают узлы дорог и перерезают противнику пути отхода, спихивая его к северу и делая уже корридор отхода для остальных отрядов, ведущих еще бой в районе Млава—Прасныш,

а также отступающих через Остроленку. Добыча в этих боях, особенно в боевых материалах и обозах, достигает огромнейших размеров, только незначительная часть пробирается через Буг перед занятием Дрогичина. Насколько быстро было наше продвижение и насколько противник был в нем не ориентирован, можно судить по факту, что отряды IV бригады кавалерии 20 августа под Мелейчицами (20 клм. на северо-восток от Высоко-Литовска) наткнулись на группу тяжелой артиллерии большевиков, двигающуюся на Варшаву с целью ее обстрела. 16 полк улан атаковал эту группу, разбил ее и взял в плен.

21 августа. 2-я армия: 3 дивизия легионеров ведет глубокую разведку на Кобрин. 1 дивизия легионеров выступила из района Бельска на Белосток, перешла Нарев, но замедлила марш, ввиду задержки 21 дивизии пехоты на шоссе Мазовецк—Бельск, до выяснения обстановки в 4-й армии, на левое крыло которой обрушилась волна отступающих III и XV армий большевиков. 19 дивизия пехоты выгружается в Платерове и двигается за 2-й армией на Семятичи.

4-я армия: 16 дивизия пехоты двигается на север до района Мазовецка; 15 дивизия высылает одну бригаду на Остров-Снядово; бригада эта под Островом-Коморовым столкнулась со значительными силами неприятеля (5 и 11-ая Советские дивизии), пытающимися пробиться на шоссе Остров—Замбров; бои были очень сильные: большевики несколько раз переходили в контр-атаку, желая сдержать наш удар; мы отбросили их, захватив несколько орудий и несколько сот пленных. Из Снядово противник отошел после сильного боя. 8 дивизия пехоты в движении на Остроленку, 14 дивизия пехоты в районе Андржеев-Чижев в резерве, 12 бригада пехоты в Острове и 32 пех. полк в Малкине.

1-я армия наблюдает переправы через р. Оржиц с предмостными укреплениями в Шелкове и Макове, часть отрядов двигается на Ружаны и Красносельск

5-я армия с боями продвигается вперед, правое ее крыло ведет бой за Прасныш, центр занял железнодорожную станцию Стржалково и местечко Грудуск. Левофланговые отряды и кавалерия действуют на фланги колонн, уходящих на Млаву. Отряды „Нижней Вислы" продвигаются за отходящим противником, энергично давят на его тылы. Группа полковника Александровича помогает броневыми поездами в занятии Лидзбарка, Любавы и Рынина, взаимодействуя с центром 5-й армии. 18 дивизия направляется на Дзялдово, чтобы оттеснить отряды большевиков от территории плебисцита и не дать им пройти через немецкую границу.

Отряды наши напрягают все усилия, чтобы быстрее отрезать все дороги отхода в беспорядке отступающим силам противника. В ночь с 20 на 21 августа большевики только думают об отходе. Дороги запружены обозами, артиллерией и отрядами пехоты. Местные жи-

тели затрудняют им отход, действуя часто самостоятельно, разоружая маленькие отряды и нападая на обозы.

Разгром всей армии большевиков, еще несколько дней перед тем стоявшей под Вислой и ожидавшей дня входа в Варшаву, быстро подвигается вперед. Штабы ее думают лишь об отходе и спасении себя. Целая четверть миллиона армии большевиков, глядевшая недавно на Варшаву, расчитывавшая на то, что все походные труды вознаградятся грабежом, теперь—бесформенная масса, отходящая без плана и цели. Окончательное ее уничтожение выполнит в ближайшие дни наш пехотинец, своим мужеством и ногами.

22 августа. 2-я армия: 3 дивизия легионеров в Бресте. IV бригада кавалерии выступила из Нарева, в 13 час. заняла Заблудово и продвигается дальше на Белосток, где помогает в занятии города. 1 дивизия легионеров, после уличных боев с вновь прибывшей 55 дивизией противника, заняла Белосток в 6 час. 30 мин. Уличные бои продолжались до 1 час. 23 августа. 21 дивизия пехоты вечером достигла Суража. 19 дивизия пехоты прибыла одной бригадой в Бельск и другой в Семятичи.

4-я армия. Задача: занять 15 дивизией пехоты 22 августа Ломжу и занять малыми отрядами Малый Плоцк и Стависко, овладеть Остроленкой; 14 дивизии пехоты перейти район Вышамерж--Замбров и обеспечить переправы через Нарев в Дроздове, чтобы можно было ее направить, в случае надобности, на помощь 15 пех. дивизии. 16 дивизии пехоты перейти для обеспечения фланга в район Менженина. 23 августа 15 дивизии перейти в Кольно и Малый Плоцк, 14 дивизии пехоты--в Ломжу и Новоград с заслоном в Едвабно. 16 дивизии пехоты с одной бригадой в Менженине и другой в Замброве. Выполнение операции в пространстве и времени, с малым исключением, проходило согласно плана.

15 дивизия пехоты 22 августа в 14 час. заняла Ломжу. 16 дивизия пехоты заняла район Рудки—Быки, 8 дивизия пехоты заняла Остроленку.

5-ая армия: 18 дивизия, двигаясь вперед атакой в штыки, заняла Млаву. Группа полковника Александровича заняла Дзялдово. Этим действием отрезана часть сил противника и сомкнут первый кордон. Правое крыло продвигается вперед, чтобы под Хоржеле отрезать отряды, которые успели пройти Млаву. Отряды „Нижней Вислы“ и Д. О. Д. Поморья напирают на тылы и разоружают отдельные отряды. Отряды северного крыла противника спешат пройти узенький коридор между нашими атакующими войсками и немецкой границей. Припертые местами к границе (в районе Млавы) отряды противника переходят ее. Дальнейшие наши действия сводятся к скорейшему продвижению к прусской границе. Наша 5-я армия уже 22 августа замкнула первый кордон, отрезав часть сил противника. Отряды этой армии Советов, не желая сдаваться и не желая перейти границы, образуют совместно с III конным корпусом боевые колонны и про-

буют пробиться на восток, что им частью удается после тяжелых боев южнее Млавы. Отряды, которым удалось пробиться у Млавы, наткнулись на второй кордон, уже сомкнутый под Хорижеле, однако после тяжелой битвы вытесняют наш отряд и частью пробиваются на восток, частью попадают в плен и частью переходят немецкую границу, где подвергаются разоружению. Отряды большевиков (часть IV и XV арм.), которые находились в восточной части первого кордона—перед его сомкнутием под Млавой—не имеют свободной дороги на восток. Наша 4 армия сумела сильно занять второй кордон, т. е. Ломжу и 23 августа Кольно, выдержав в последнем районе несколько сильных атак большевиков, пробивающихся на восток. Отряды 15 дивизии пехоты переходят в контр-атаку и берут в плен часть этих сил, остаток, припертый 8 дивизией пех. и 7 резервной бригадой к немецкой границе, переходит ее. Отдельный отряд 15 пех. дивизии развивает действия вдоль немецкой границы на Леман; но операция эта ничего не дает, кроме местных успехов и богатой добычи в орудиях, обозе, военных материалах. В то же время замкнут последний кордон на линии Белостока, а 24 августа на линии Осовец—Граево. Через этот кордон сумели пройти лишь штабы армий противника, которые заблаговременно подумали об отходе.

Добыча в этих тяжелых боях насчитывается: 66 тысяч пленных, 231 орудие, 1023 пулемета, 200 походных кухонь, много коней, 10000 возов с аммуницией, техническим имуществом, телефонным оборудованием, броневые автомобили, легковые и грузовые, несколько паровозов и 100 вагонов, много другого военного материала. Здесь не подсчитана добыча, взятая в тылах при разоружении разбитых отрядов.

О значении этих 9 дневных боев не стану говорить, т. к. они всем известны, хочу лишь сказать несколько слов с точки зрения тактики. Основным моментом и целью всей операции, ее руководящей мыслью от начала до конца, есть поиск живых сил противника с целью их разгрома, выигрыш территории играет подсобную роль. Об этом свидетельствует добровольное оставление нами целого района от Буга до Вислы и Вепржа с целью перегруппировки для выгодного удара. Отброшен проэкт развязки менее рискованной, т. е. предполагаемого удара с севера, т. к. он давал противнику возможность отхода в юго-восточном направлении.

Предусмотрительность в этом последнем случае и удачное проведение операции сбавило на 150 тысяч противника, на половину убавило его техническое снабжение, особенно в артиллерии. Потери эти для противника были первостепенного значения, т. к. пополнение их встретит большие препятствия. Эти бои дали нам такие выгоды, как переход инициативы в наши руки и перевес сил на фронте.

* * *

Приведенный выше беглый обзор соображений и боевых приказов поляков в период развития их контр-удара с линии Вислы указывает

на наши ошибки в области оперативных решений заключительной операции польской кампании.

Перечитав этот обзор и вновь окунувшись в переживания бойцов конников III корпуса и стрелков IV и XV армий, мы должны пересмотреть свои мерки к различным вопросам морального порядка и положениям стратегии.

Начав свои действия удачным контр-маневром под Киевом и разгромив северное крыло противника, мы первый период операции, в области моральных начал, основали на использовании революционного порыва и воодушевления масс. Успех стратегического преследования зиждился на быстром выдвижении охватывающей конной группы и непосредственном наседании наших колонн на хвосты противника. Этот порыв, не терпящий перерыва на поле сражения, притупляется и приводит при беспредельном напряжении к состоянию безразличия. Поэтому операция, расчитанная на этих основаниях, может вестись на коротке—до полного использования данной порции нравственного заряда. Длительные операции в своем расчете должны базироваться на определенной организации технической и административной; только в этом случае операция будет подвержена меньшим случайностям. Влияние организации в повседневной жизни бойца и части укрепит или поддержит нравственный под'ем масс, а в минуты боевых столкновений даст возможность тем или другим способом использовать этот под'ем, вызвав к жизни его проявление.

Наступление лавиной в области стратегии имеет право на существование в период дезорганизации противника; в своей основе оно носит пренебрежение к нему и, во-время неурегулированное, дезорганизует наступающего.

Ведение операций от рубежа к рубежу приводит, если можно так выразиться, к линейному мышлению в области стратегии. Необходимо усвоить точку зрения о действиях против данной группы противника в таком-то районе. Пространство последнего определится узлами дорог в ближайшем тылу данной группы войск противника.

Отсюда соответствующая группировка для данной операции и перегруппировки во выполнении ее.

Наше оперативное мышление, связанное во времени, во всем ходе польской кампании работало как бы над одной операцией—по овладению Варшавой. В ходе событий совершенно не отметились яркие этапы наших достижений, если не считать захвата рубежей и быстрое покрытие территории. Самая группировка наша на сотни верст осталась неизменной.

В этой прямолинейности есть много хорошего, но отсутствует самое главное—гибкость оперативных решений в зависимости от обстановки.

Мы учли разложение поляков в первый момент после удара и правильно использовали свой успех, на плечах противника врываясь за Неман; но уже здесь местами противник дает нам предупреждение,

что хотя масса его потрясена, но головки уже пришли в себя, уже берут в руки стихийный отход и пытаются его организовать.

В зависимости от этого у нас, естественно, напрашивался вопрос о выделении стратегических резервов, которые могли бы предупредить случайности и сделать более гибкой группировку при решении дальнейших задач.

Пространство уже давало себя чувствовать. Напряжение нравственных сил нашего бойца истощалось физической усталостью от пройденного пути и отсутствия организации тылов. Противник усиливался нравственно, чувствуя себя в родных местах и видя рядом с собой добровольцев, охотников и массовые пополнения.

Это равновесие нравственных начал и преимущества противника в военно-административной и гражданской организации тылов вызывали необходимость сосредоточения наших сил во всех отношениях и начала своей операции.

Опасение потерять инициативу не должно было иметь места, так как оно должно было уступить место более грозному опасению— благодаря усталости масс потерять соприкосновение с противником и действовать в слепую.

Уже за Бугом, благодаря усталости всех частей, отсталости технических средств, мы теряем соприкосновение с противником, даем возможность планомерной его перегруппировке и нанесению удара с юга. Не видя перед собой живых оперативных целей, мы увлекаемся географическими пунктами и действуем по расходящимся направлениям.

В то время, когда противник стягивает свой ударный кулак в районе Люблина, мы продолжаем движение севернее Варшавы, обходя ее, как пункт, но не оказывая влияния на общий ход событий ни в пространстве, ни во времени.

Ударная группа противника, так рискованно подставившая свой фланг и тыл под удары с Ковельского направления, не несет должного наказания, т. к. мы перестали держать противника в руках и увлеклись пунктами.

Переход противника в наступление нами во время не учитывается и оперативные задания армиям не изменяются. Неподготовленность театра военных действий дает себя чувствовать. Начальники не могут управлять войсками за отсутствием связи, лишенные подвоза— они не могут изменить хода и напряжения боя. Только частная предприимчивость и решительность отдельных командиров высших соединений могли бы исправить положение, но у них не оказалось должной подготовки.

Все же революционный порыв масс в этом труднейшем положении дал массу ярких примеров доблести и самоотвержения и дал возможность с успехом закончить начатую кампанию.

Принятое поляками решение по исходной группировке вытекало вовсе не из планомерной перегруппировки с отходом, а из случайного освобождения некоторых соединений от наших ударов. Район сосредоточения за болотистой р. Вепрж в своей природе носит пассивные признаки. Предмостные укрепления на правом берегу реки не обеспечивали удара на широком фронте, т. к. могли быть закупорены, как стратегические точки.

Прикрытие района сосредоточения третьей армией в идее ослабляло главную ударную группу, а раздергивание в дальнейшем дивизий 2-й армии в северном и юго-восточном направлениях указывают на стремление быть сильным на всех направлениях.

Прорыв нашей Мозырской группы удается, только благодаря ее крайней слабости и невозможности для нас развить частный контрманевр, за отсутствием связи между войсками и командованием.

При развитии действий против главных наших сил вся операция поляков висит на волоске, благодаря неподготовленности тыла; в этом отношении они полностью повторяют нашу ошибку и, если не поплатились за нее, то только потому, что операционное направление было короче, коммуникации улучшались с приближением к р. Нареву. Самое же главное—это промедление нашей конной армии в повороте на северо-западное направление.

Бои севернее р. Нарева, по крайней мере в группе 2-й, 4 и 3 польских армий, уже фактически не регулировались польским командованием и, если бы наши частные начальники смогли полней охватить обстановку, вся операция была бы сорвана.

Положение со связью у поляков было отчаянное и, если про нас можно было сказать, что мы не имели организованного сопротивления, то поляки буквально в потемках вели наступление.

Их выдвижение по 45 километров в день было движением лавины, плохо регулируемой и плохо управляемой. Яркое выявление запальчивости в наступлении. Во время уклонившись от удара, мы имели возможность и на этот раз наказать противника.

П. Кабак.

Действия украинских повстанцев против немцев в 1918 году.

(Действия Павлоградского повстанческого отряда против немецкого отряда в последних числах ноября 1918 г. в окрестностях г. Павлограда, Екат. губ.).

Политические условия на Украине к этому моменту были таковы: крестьянство, верившее перед тем словам контр-революционеров всех толков о том, что когда немцы освободят Украину от большевиков, то им будет лучше, так как немцы привезут с собой всевозможные фабрикаты, а большевики совершенно даром забирают хлеб—убедилось в лживости этих обещаний. Оказалось совершенно обратное: с очищением Украины от большевиков в апреле месяце, немцы усиленным темпом стали выкачивать от крестьян хлеб и отправлять его в Германию, платя только по твердым ценам, а фабрикатов совершенно никаких не давали.

Против всех революционных элементов немцы, при помощи украинской варты (полиции) принимали очень жестокие меры. В г. Екатеринославе и Таганроге устраивались виселицы, где гибли лучшие революционные силы рабочих и крестьян. С приходом немцев явились и помещики в свои разоренные имения и стали с крестьян втрое, и даже больше, брать против того, что стоили их поместья.

Тогда только крестьяне Украины поняли, кто их друзья и кто враги. В сентябре месяце начались частные выступления некоторых сел против немцев и варты, которые решительно подавлялись немецкими отрядами. К этому времени началась агитация большевиков за общее восстание против правительства Скоропадского и немцев. В октябре месяце восстания начали принимать массовый характер, а в ноябре приняли такие размеры, что немцы и варта ничего не могли сделать. В это же время носились упорные слухи о том, что регу-

лярная Красная Армия Советской России начала решительное наступление на Украину, хотя печать умалчивала об этом.

Немцы в это время, ввиду сложившихся тяжелых условий у них на родине, кончали свои заготовки и готовились к отправлению, но особенно не торопились.

Крестьянство очень сильно было озлоблено против немцев и правительства Скоропадского и всемерно поддерживало повстанцев, снабжая их продовольствием и оружием.

Таковы, приблизительно, были политические условия, при которых действовал Павлоградский повстанческий отряд.

Общая боевая обстановка.

К 28 ноября 1918 года восстанием был охвачен весь Павлоградский уезд.

Г. Павлоград был окружен со всех сторон. В самом городе находился отряд немцев, около батальона пехоты и одна легкая батарея, и человек 200 варты всего уезда. Повстанцы не пропускали в город никаких продуктов, вызывая этим рабочих на восстание извнутри, но это не давало никаких результатов, так как рабочих в городе было очень мало.

С немецким командованием были завязаны переговоры об очищении ими города без боя; переговоры эти также не привели ни к каким результатам.

После этого было решено вести наступление на город и взять его силой оружия.

Главной целью в первую очередь было поставлено захватить тюрьму, где находилось большинство политических деятелей. Так и было проведено в жизнь. Весь город был захвачен повстанцами за исключением казарм, стоявших на западной окраине гор. Павлограда и занимавшихся немцами. Революционный комитет повстанцев заключил договор с немецким командованием, по которому немцам разрешалось находиться в городе пять дней и запастись продуктами на рынке; им предоставлялось также соответствующее число вагонов для отправки их на родину. Но по истечении срока немцы не собирались уезжать, а начали приводить вагоны в боевое состояние.

Тогда было решено выдворить их силой оружия, и 20 ноября было поведено наступление, которое, однако, не дало никаких результатов, так как немцы занимали казармы и с успехом отбились.

После этого немцы начали готовиться к от'езду, и 22 ноября, когда было поведено новое наступление, они уже находились на станции Павлоград. Возле с. Вербки, что 4 версты севернее Павлограда, повстанцы разобрали путь и устроили засаду.

Немцам все-таки удалось с небольшими потерями проехать на ст. Лозовую; разобранный путь у села Вербки и засада не могли их задержать, так как у них вагоны были приспособлены для стрельбы

из пулеметов; под прикрытием огня, немцам удалось исправить путь. Станция Лозовая в это время находилась в руках войск Петлюры, а станция Синельниково была занята другим повстанческим отрядом. Г. Екатеринослав также был в руках Петлюры.

Состав и обстановка действий отряда.

Павлоградский повстанческий отряд состоял исключительно из крестьян Павлоградского уезда и только несколько человек было рабочих из Донбасса.

Организация отряда: два батальона четырех-ротного состава, роты,—до ста человек каждая.

Вооружен отряд был двумя пулеметами Максима и винтовками всевозможных образцов: большинство из них были французские берданки, часть русских берданок, часть итальянских магазинных и небольшая часть русских трехлинейных винтовок и австрийских. Все берданки, как русские, так и французские, были взяты в складе 229 запасного батальона. Патронов было не больше, как по 20 или 30 на человека; 8-я рота имела только 40 человек вооруженных, а остальные не имели оружия.

Формировались также два эскадрона кавалерии, но в действительности было 60 человек кавалеристов в полном вооружении и снаряжении. Патронам велся строгий учет, ввиду того, что пополнять их было неоткуда.

Идейными руководителями отряда были члены российской и украинской партии большевиков.

Командовал отрядом бывший прапорщик т. Будинский, его помощником был бывший поручик т. Чеботарев, ротные и взводные командиры все были из унтер-офицеров и фельдфебелей. Снабжался отряд продуктами исключительно из крестьянских средств. В каждом селе было добровольное пожертвование продуктов, так что отряд в этом отношении вполне был обеспечен.

Крестьяне относились к нему очень дружелюбно.

Немецкий отряд, против которого пришлось действовать павлоградцам, состоял из одного генерала, 9 офицеров и 500 человек солдат, на вооружении которых было: 500 немецких винтовок, 28 пулеметов, пять бомбометов и столько же минометов. Патронов приблизительно было по 200 на каждую винтовку, всего до 100.000 и по 1.000 на каждый пулемет (всего до 300.000).

Немецкий отряд двигался со станции Раздоры, что 30 верст южнее г. Павлограда, через с. Троицкое в Павлоград, для соединения с отрядом, который находился в последнем. Во время движения на Павлоград немцы вели тайную разведку (на один переход вперед). Как только немецкий отряд узнал от крестьян, что г. Павлоград занят повстанцами, и немцы выбиты оттуда,—он переменил маршрут и стал двигаться на ст. Лозовую. Крестьяне относились к нему враж-

дебно. В селе Александровка, что 17 верст южнее г. Павлограда, немцы не могли взять с собой ни одной обывательской подводы, так как крестьяне всех лошадей спрятали в камыши, которые находились в 2-х верстах севернее села Александровки.

С немцами было 20 повозок обоза, который сильно задерживал движение немцев (3 версты в час), так как выпал хороший снег.

Меры предосторожности наш отряд имел следующие: телефонная связь со всеми волостями уезда.

По городу ходили патрули днем и ночью. Каждую ночь высылались конные патрули: в Павлоградские хутора, что 2 версты восточнее г. Павлограда, в д. Городище (1 верста южнее) и в село Вербки (4 версты севернее последнего).

Действия отряда 29 ноября.

В ночь с 28 на 29 ноября конными патрулями в с. Павлоградские хутора были задержаны 3 немецких разведчика на крестьянских подводах, переодетые в крестьянскую одежду. Они были быстро доставлены в штаб отряда, в г. Павлоград.

В 8 часов отряду было приказано приготовиться и быть всем в сборе, одновременно было отдано распоряжение о мобилизации всех легковых извозчиков, а в 9½ часов отряд собрался на площади г. Павлограда, кроме 8 роты, которая оставалась нести гарнизонную службу. Всего в сборе было человек 400, часть отсутствовала. Быстро все были усажены на извозчиков и направились в д. Прусенкова, что 6 верст южнее г. Павлограда, а оставшимся было отдано распоряжение также двигаться за отрядом. Немцы по расчету времени должны были быть в селе Троицком. Начальник отряда ехал в голове колонны. Как только он в'ехал в д. Прусенкова, крестьяне сообщили ему, что немцы двинулись через село Александровка на Богуслав, имея конечною целью ст. Лозовую, что 60 верст северо-восточнее гор. Павлограда.

Как только он получил такие сведения от крестьян, он отдал распоряжение, чтобы крестьяне дали все имеющиеся у них подводы для дальнейшего движения, а извозчиков велел отпустить.

План начальника отряда был следующий: а) группа в 100 человек с одним пулеметом, под командой ротного командира быв. фельдфебеля т. Герасименко, была выделена с задачей двигаться по пятам немцев и действовать в тыл немецкому отряду. В его распоряжение было дано 50 подвод; б) с остальными людьми, под личным командованием начальника отряда, решено быстро передвинуться в село Богуслав, что 9 верст восточнее д. Прусенкова. Ввиду того, что было много снегу, главные силы двинулись по полю без дороги, прибыли в село Богуслав в то время, когда немцы были в 6 верстах от указанного пункта. В ожидании немцев отряд занял позиции по линии Гришино, Ровенской железной дороги, что ½ версты южнее села Богуслав. Когда немецкая застава подошла на ружейный выстрел к

указанной железной дороге, то в это время отряд т. Герасименко начал обстреливать немцев с тыла из винтовок и пулемета, а подводы продолжали двигаться и вводили немцев в сомнение о численности отряда, действующего с тыла.

Застава была допущена шагов на 800 от нашей позиции, когда по ней внезапно был открыт ружейный и пулеметный огонь. Немцы бросили два пулемета и быстро отошли назад, часть храбрецов быстро двинулась за ними и захватила пулеметы, потеряв двоих человек ранеными, у немцев было также ранено 3 человека. Во время этих действий остальные части выходили из села и вливались в цепь.

В это время часть немцев выделилась от отряда вперед с подводой, выпустив несколько мин из минометов по нашей цепи, но безрезультатно.

По немцам с нашей стороны был открыт огонь из трех пулеметов. Сзади также была слышна стрельба из винтовок. Немцы не разворачивались, а было видно, что у них происходит какое-то замешательство. Они выбросили белый флаг, но ввиду того, что была небольшая метель, то его заметили несколько позже; тогда была прекращена стрельба, а конной команде в 60 сабель было приказано быстро двинуться к ним и выяснить, в чем дело. Как только конные к ним под'ехали, немцы сложили оружие и пошли в сторону от него; туда моментально были высланы подводы за оружием.

Генерал и офицеры были сейчас же расстреляны и брошены в прорубь реки Самары, а солдат поместили в помещении сельской школы, приставив к ним сильный караул. Пулеметы все пошли на вооружение отряда. 1-й батальон был вооружен немецкими винтовками полностью, а во 2-й батальон были переданы все лучшие винтовки из числа прежних.

По приему имущества была назначена комиссия, которая сейчас же приступила к учету трофеев. Из захваченных $1^{1}/_{2}$ миллиона рублей денег каждому бойцу было уплачено по 450 р., медикаменты были переданы в госпиталь, где было много раненых в предыдущих боях повстанцев. Все остальное относилось к продуктам, как-то: табак, консервы, вино,—все это пошло на питание отряда и 20-ти возчиков обоза, которые после обслуживали отряд.

Через 5 дней в с. Богуслав было привезено старое обмундирование, которое хранилось в цейхгаузах 229 запасного батальона и обменено на суконное обмундирование, которое было на немецких солдатах, последнее было выдано повстанцам отряда, кто более нуждался в этом.

Заключение.

Описание действий Павлоградского повстанческого отряда дает интересный пример того, как хорошо вооруженный отряд регулярных войск был захвачен слабым и плохо вооруженным повстанческим отрядом.

Причины успеха, прежде всего, надо искать в обстановке, созданной общим настроением жителей, которые во всем поддерживали повстанцев и враждебно относились к немецким отрядам. Благодаря такой поддержке, повстанцы могли продовольствоваться всюду, не таская за собой большого обоза, и могли быстро собирать подводы для своего передвижения, тогда как немцы находились в совершенно обратных условиях.

Благодаря той же поддержке населения, повстанцам легко было вести разведку противника, а также иметь надежное охранение, тогда как разведка немцев сильно затруднялась, и они неожиданно натыкались на противника или подвергались его нападениям, не будучи в состоянии определить, в каких силах он действует.

На войне свойственно преувеличивать опасность, а потому вполне понятно, что такая неизвестность действовала подавляющим образом на настроение солдат.

Между тем, настроение это, как видно из описания, и без того было подавленное. Известия о революции в Германии, задержка в возвращении на родину, чуждая обстановка, явно враждебное отношение населения—все это не только подрывало боевые качества войск, но создавало в них именно то революционное настроение, которое более всего благоприятствовало повстанцам. Сдача немецкого отряда, несмотря на уговоры офицеров, служит ярким тому доказательством.

Все эти обстоятельства дают ясную картину тех условий, от которых зависит успех в каждой гражданской войне, а также и при всяких партизанских действиях.

Но в данном примере не мало поучительного дает также и способ действий Павлоградского повстанческого отряда, который с'умел хорошо воспользоваться благоприятными условиями. Отряд этот, видимо, был не плохо организован. Все начальники были на местах, а начальник отряда, тов. Будинский видимо был человек решительный и находчивый.

Обращает на себя внимание его решение немедленно двинуться в д. Прусенкова, навстречу противника, затем быстрое решение одною частью сил атаковать противника с тыла, а другой—преградить ему дорогу. Главные силы были очень быстро переброшены (на подводах, без дороги) и успели предупредить немцев в с. Богуславе. Боевая часть подпустила немецкую заставу на близкое расстояние, внезапно открыла огонь и захватила пулеметы. Действия обоих частей отряда были отлично согласованы: т. Герасименко атаковал с тыла как раз в то время, как главная застава немцев была рассеяна перед с. Богуслав. Вообще действия т. Герасименко были не только смелы, но хорошо обдуманы. Его повозки получили значение очень

хорошей демонстрации: плохо настроенные немцы приняли их за поддержку противника.

Трофеи „по повстанчески“ были хорошо использованы. Деньги, конечно, было бы правильнее передать в общую казну повстанцев, но таковой, повидимому, еще не было.

N.

Взятие Брест-Литовска.

Из боевых действий 6-ой бригады 2-ой стрелковой дивизии.

I. Группировка противника и его силы.

К 31 июля польские войска, сбитые с позиций в районе гор. Пружаны, отошли в район г. Брест-Литовска, выдвинув передовые части в район Бол. и Мал. Мотыканы-Вулька-Ст. Жабинка. Главные силы противника сгруппировались на фортах крепости Брест-Литовск с целью упорной обороны ее при помощи могущественной артиллерии и бронепоездов. Общую численность противника в районе Брест-Литовска определить трудно, так как здесь сгруппировались части различных дивизий и армии, расстроенные нашим предыдущим наступлением, а также брошенные из тыла резервы и наскоро собранные части. Непосредственно перед фронтом наступления бригады действовали части 1-ой Подхалинской и Белорусско-Литовских дивизий противника, а также добровольческие полки Галлера и разного рода этапные батальоны. Силы противника, противостоящие бригаде, определялись не менее, чем в 5 полков пехоты, общей численностью до 7000 штыков пехоты, при 150—200 пулеметах, 2 бронепоездах и большом количестве легкой и тяжелой артиллерии, часть которой была поставлена на западном берегу р. Буг. Кроме того, у противника имелась кавалерия, употребляемая им для разведывательных целей.

2. Наша группировка и силы.

В направлении на г. Брест-Литовск три наших дивизии: с севера—2-я стрелковая дивизия, с востока—10-я дивизия и с юга—27-я дивизия. Однако, все эти дивизии, в сравнении с силами противника, отличались крайней малочисленностью и имели в общем своем составе не более 10.000 штыков, 70 легких орудий и 10—12 тяжелых. Бригада состояла из пяти батальонов (по два батальона в 17 и 18

полках и одного батальона 16 полка) и 3 легартдива (семь легких орудий). Боевой состав на 31 июля определялся следующими цифрами:

16 полк: комсостава—56, штыков 274, вообще бойцов 579, пулеметов 11;

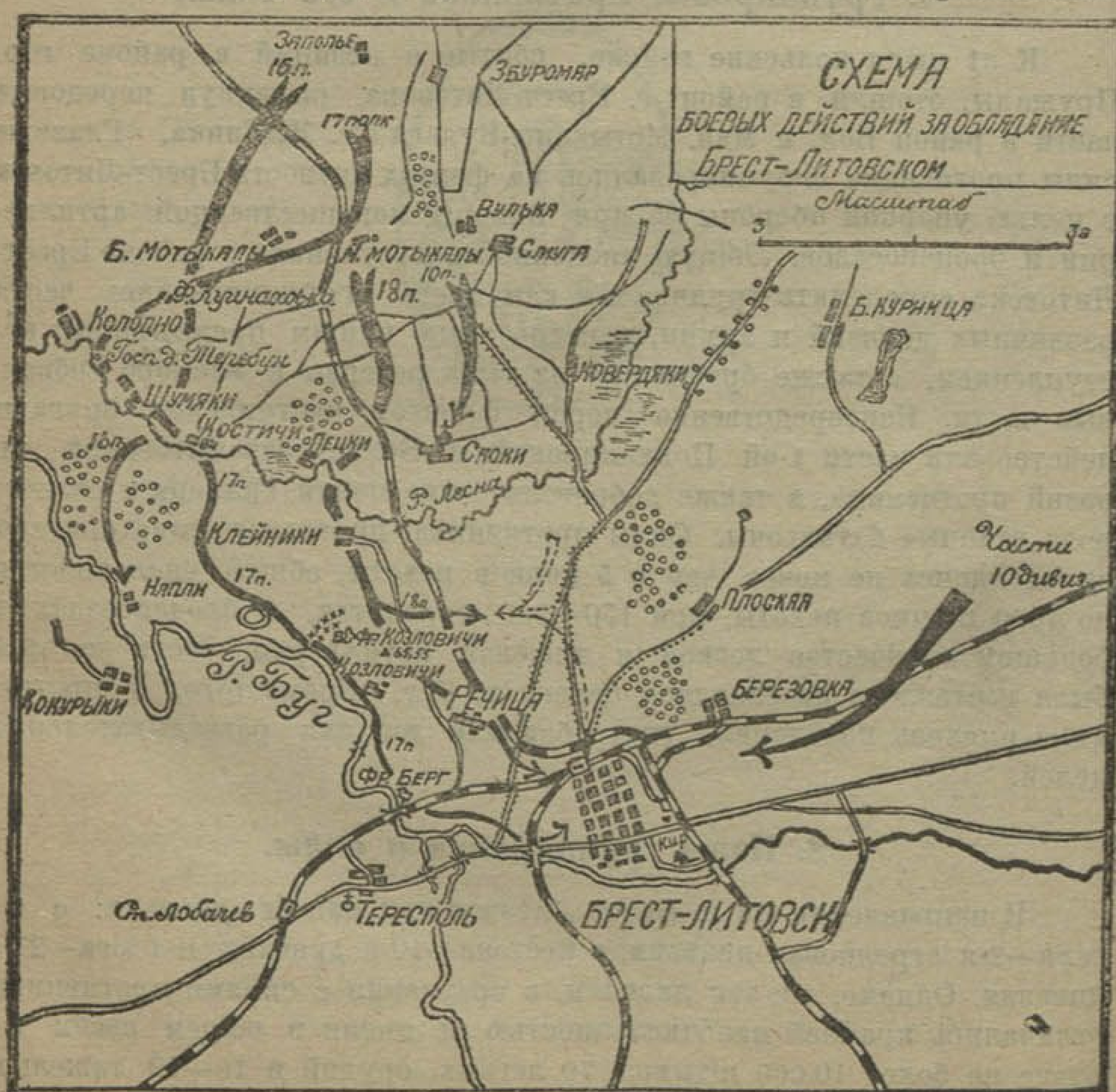
17 полк: комсостава—60, штыков 450, вообще бойцов 649, пулеметов 10;

18 полк: комсостава—57, штыков 421, вообще бойцов 573, пулеметов 11.

К 31 июля бригада передовыми частями (разведкой) занимала Мал. Мотыканы, части авангарда 17 полка находились в районе Кленичи-Збудомор. Только 18 и 16 полки и артиллерия были сосредоточены у переправы через р. Лесна в районе Покры-Коляцы. Правее действовали части 8 дивизии, левее—4 бригады.

3. Условия местности.

Гор. Брест-Литовск защищен старой крепостью, расположенной на восток по берегу р. Буг и сплошным кольцом первоклассных

фортов, частично разрушенных и пришедших в упадок, но все же представляющих из себя довольно значительную преграду, с 6—8 рядами проволочных заграждений. На участке бригады имелось два первоклассных форта: Кровичский, с 4-мя редюитами, и Графский, а затем Брест-Литовская крепость. Все эти сооружения находились в вполне исправном состоянии. Кроме того, путь наступления бригаде преграждала р. Лесна, имеющая переправы у д. Костичи и Шумаки и у д. Пецки, а также, вследствие обмеления, значительное число бродов. Местность к северу от р. Лесна и южнее ее на линии фортов была покрыта лесом и в западной своей части, вдоль берега р. Буг, отличалась неудобным характером, но была везде проходима, благодаря летней засухе. Главным операционным направлением являлась желдорога Брест-Литовск--Высоко-Литовск и дорога Мотыканы--Брест.

4. Задача бригады и распоряжения.

Согласно оперприказа по 2-ой стрелковой дивизии, бригаде была поставлена задача: овладев переправой на р. Лесна в районе Костичи-Пецка, повести решительное наступление в юго-восточном направлении, обеспечив свой правый фланг заслоном по р. Буг, и овладеть переправами через р. Буг на шоссейной и железной дорогах, идущих к западу от Брест-Литовска на гор. Бела (схема).

Во исполнение поставленной задачи, частям бригады приказано: комполка 17, по овладении переправами через р. Лесна в районе Костичи-Пецка, занять исходное положение на южном берегу Лесна в районе д. Костичи и повести решительное наступление в направлении Костичи-ф. Козловичи-д. Козловичи-желдормост через р. Буг у отметки 59,9 и стремительным ударом овладеть переправой через р. Буг на желдороге Брест-Литовск—Бела, выдвинув передовые части к ст. Лобачев. Штабу полка в начале операции находиться в д. Шумаки и, по овладении переправами, перейти на западную окраину г. Брест-Литовска. Комполка 16, по особому приказанию: занять исходное положение в районе д. Клейники, сменив левый фланг 17 полка, и повести решительное наступление по дороге Клейники-Речица-переправа через р. Буг на шоссе Брест-Литовск-Тересполь, стремительным ударом перерезать желдорогу, идущую из Бреста на запад, и все шоссейные пути между городом и р. Буг и захватить переправу через р. Буг на шоссе Брест-Литовск--Тересполь в районе кладбища и церкви, выдвинув на плечах отступающего противника свои передовые части на линию Тересполь-ф. Лобачев (южный). Штабу полка к началу операции перейти в д. Клейники. Комполка 16, по занятию 17 полком переправы через р. Лесна, пешей разведкой сменить правый фланг 17 полка от устья р. Лесна (иск.) до д. Костичи (иск.) и далее продвигать разведку уступом за правым флангом 17 полка, выставляя по мере его продвижения заслон по р. Бугу, имея задачей охранение правого фланга наших наступающих

частей и все время ведя усиленное наступление на противника. Остальные силы полка передать в бригрезерв и сосредоточить к началу операции в д. Шумаки. Штабу полка к началу операции находиться в д. Шумаки.

Начартбригу, по овладении нашими частями переправами через р. Лесна и занятии исходного положения, занять артиллерийские позиции, по-батарейно: первая легкая батарея у д. Шумаки и вторая легкая батарея у д. Клейники, имея задачей: правофланговая батарея—обстрел Брест-Литовских фортов и охрана нашего правого фланга со стороны р. Буг; лево-фланговая батарея—один взвод—специально борьбу с бронепоездами и бронемашинами противника, второй взвод—обстрел фортов в крепости Брест-Литовска и борьбу с бронепоездами и бронемашинами противника. По мере продвижения наших частей, продвигать артиллерию: правофланговую батарею за 17 полком и левофланговую батарею за 18 полком. По выходе наступающих цепей на линию ф. Адамков-буквы „Г" в названии Слобода Граевский-изгиб р. Буга севернее желдороги, поставить артиллерию в районе Печища и содействовать нашим частям в овладении узлом дорог между г. Брестом и рекой Бугом и захвату переправ через р. Буг; по выполнении задачи поставить артиллерию на позиции в районе ф. Адамков—будка при пересечении желдороги с шоссе на Каменец-Литовск, имея задачей охрану захваченных переправ и расстреливание отступающего противника. Штабу артиллерии находиться при полештабриге. Начбригрезерва—комбату 16 полка—сосредоточиться в Думашки и, по особому приказанию, перейти ф. Козловичи, двигаясь за 17 и 18 полками. Начало операции—по особому приказанию, в зависимости от выхода частей 8 дивизии на линию Чижевичи-Галачево и частей 4-й бригады на линию Скоки-Тюхиничи.

5. Разведка.

В то время, когда бригада получила задачу овладеть Брест-Литовском, сведения о противнике и о характере местности, в коей предстояло действовать, отличались крайней туманностью и неясностью. Группировка противника, его силы совершенно не были известны, за исключением общего направления его отхода. О фортах Брест-Литовской крепости имелось самое смутное представление, об условиях местности не было никаких других сведений, кроме тех, какие можно было почерпнуть из изучения 2-х верстной карты. Но так как задача, поставленная бригаде, успешно могла быть выполнена только при условии быстроты и стремительности натиска, движение частей к Брест-Литовску пришлось совершить, не ожидая результатов разведки. Поэтому бригада безостановочно двигалась вперед, имея впереди себя конную и пешую разведку всех полков, об'единенную под общим командованием. Действия этой разведгруппы, можно сказать, обеспечили успех нашего продвижения: хотя они и не дали особенно ценных

результатов для определения группировки противника, но все же широко освещали впереди лежащую местность и прокладывали путь бригаде, очищая его от мелких частей противника.

6. Действия наших наступающих частей.

В 10 часов 31 июля части бригады заняли следующее положение: авангард—17 стрелковый полк—одним батальоном занимал Мал. Мотыканы и другим ф. Збудомор; разведывательные партии находились на шоссе, между д. Вулька—М. Мотыканы. Главные силы, 16 и 18 полки—д. Заполье, артиллерия расположилась на позиции: 6-я батарея—½ версты севернее Збудомор и отметки 86,8, имея задачей борьбу с неприятельскими бронепоездами. С этого момента фактически началась борьба за обладание Брест-Литовском, которая с каждым нашим шагом вперед становилась все упорнее, сопровождаясь энергичными контратаками противника. В 10-ть часов противник, при поддержке бронепоезда и пулеметного огня из Бол. Мотыканы, несколько потеснил части 2-го батальона 17 полка, находившиеся в д. Мал. Мотыканы, вынудил их отойти из названной деревни. Эта частичная неудача была быстро ликвидирована нами, при поддержке 1-го батальона 17 полка и разведывательной партии. В 12½ часов частями 17 полка было восстановлено положение в д. Мал. Мотыканы, а разведкой выбит довольно сильный противник, занимавший в составе кавалерии и пехоты д. Вулька. Не задерживаясь более в д. Мал. Мотыканы, 17-й полк в 13 часов повел решительное наступление на д. Бол. Мотыканы и, после упорного боя, при поддержке 6-ой легкой батареи, в 14 час. 30 м. выбил противника из д. Бол. Мотыканы, откуда продолжал наступление на ф. Куйнаховка, который и занял в 14 часов 40 мин., оттеснив противника к переправам на р. Лесна у д. Шумаки-Пецки, в то время, как наши главные силы уже подходили к д. Бол. Мотыканы. К этому времени наш авангард (17 полк) вошел в соприкосновение с главными силами противника, оборонявшего переправы на реке Лесна, а потому в 16 часов части бригады начали общую группировку для решительного наступления на Брест-Литовский район. 17 полку дана задача, составив правую ударную группу бригады, двигаться в направлении Куйнаховка—Шумаки—Костичи, откуда повести решительное наступление на юго-восток с целью овладения переправой через р. Буг у желдороги. 18 полку приказано наступать в направлении Мал. Мотыканы—Низков—Пецки и далее на юго-восток с целью захвата переправы через р. Буг у шоссейной дороги. 16 полку, по сосредоточении у д. Нехолосты, приказано двигаться уступом за правым флангом бригады. (Донесение нр. 0463/оп.). Артиллерии приказано перейти на новые позиции у д. Мал. Мотыканы и ф. Куйнаховка, имея задачей борьбу с бронепоездами и обстрел переправ на р. Лесна. Указанная группировка была закончена к 17 часам, после чего части, после непродолжительной передышки, перешли в решительное наступление

на переправы: правая колонна—17 полк—в направлении на д. Костичи—Шумаки, левая колонна—18 полк--в направлении Пецки. 17 полк стремительным ударом около 12 час. овладел деревнями Колодино—Шумаки—Костичи, захватив переправу, но через два часа контр-атакой противника был отброшен к северу от названных деревень. Завязался ожесточенный бой, длившийся с 11 час. 31/VII до 4 час. 30 мин 1/VIII. В течение этого 12 часового боя д. д. Шумаки—Костичи—Колодино несколько раз переходили из рук в руки, причем д Шумаки занималась нами 4 раза, и только по занятии в пятый раз была закреплена за нами. К 10 час. бой на правом фланге бригады закончился поражением противника, который перешел от переправы к д. Козловичи, оставив в наших руках нескольких пленных. Но этот бой до такой степени измотал части 17 полка, что их пришлось для приведения в порядок сменить 16 полком, который в 14 час. занял участок от д. Колодино (вкл.) до г. дв. Требунь (вкл.). На правом фланге наступило сравнительное затишье, вызванное переутомлением обеих сторон, продолжавшееся до 16 часов 1 августа и сопровождавшееся беспрерывной ружейной и пулеметной перестрелкой, поисками разведчиков с обеих сторон и артиллерийским огнем противника из тяжелых батарей.

Гораздо удачнее сложилась для нас обстановка на левом фланге, где, благодаря исключительной доблести красноармейцев 18 полка, мы, хотя и медленно, но безостановочно продвигались вперед, преодолевая невероятно тяжелые условия и ожесточенное сопротивление противника. Против наступающих цепей 18 полка была сосредоточена сила огня двух бронепоездов противника, а также тяжелой артиллерии с крепостных фортов: Козловичи—Березка—Дубровка. Несмотря на это, доблестный полк, искусно маневрируя в рассыпном строю, продвигался на юг по дороге Могыканы—Клейники (на карте дороги нет), сбивая противника, и в 21 час. подошел к д. Пецки, где завязался горячий бой с противником, переходившим при поддержке бронепоезда в контрнаступление у домика лесника, что $1^1/_2$ вер. южнее д. Пелговщизна. В 2 часа 30 м. 1 и 2 батальоны 18 полка, сломив упорное сопротивление противника, заняли д. Пецки и продолжали наступление на д. Клейники, где снова встретили упорное сопротивление противника, поддерживаемое огнем бронепоезда и тяжелых батарей из крепости. Наступающие цепи полка находились в крайне тяжелом положении, так как они обстреливались не только с фронта, но и с правого фланга со стороны д. Костичи, которая в этот момент была занята противником. Однако и на этот раз противнику не удалось удержаться, и в 4 часа 30 м. д. Клейники была взята стремительным ударом 1 батальона и 5 роты 18 полка, причем были захвачены пленные и трофеи. Бой был настолько ожесточенным, что доходил порою до рукопашных схваток. Не менее трудной задачей было удержание в наших руках д. Клейники и переправы, так как на нашем правом фланге (на участке 17 полка) шел бой с переменным успехом за обладание переправой у д. Костичи—Шумаки, а левее (на участке

бригады) противник занимал еще д. и переправу Скоки. Вследствие такой обстановки, продвинувшиеся вперед части 18 полка подверглись перекрестному обстрелу и энергичным контр-атакам противника. Кроме того, действуя во фланг противнику в направлении на д. Костичи, 18 полк обеспечивал успех и 17 полка. После отбития всех наступлений противника на д. Клейники, 18 полк оставался в прежнем положении до 15 час. 30 мин., после чего продолжал наступление на ф. Козловичи. Таким образом, к полудню 1 августа первая часть задачи, поставленной бригаде—овладение переправами на р. Лесна—была выполнена.

Дальнейшей задачей бригады являлось овладение сильно укрепленным фортом Козловичи (у высоты 65, 1). Наступающие полки (17 и 18), после непродолжительной передышки и приведения в порядок, продолжали выполнение задачи. В 16 час. 10 мин. 17 полк, переправившись через р. Лесна в д. Костичи, повел наступление на д. Козловичи с целью дальнейшего овладения желездорожным мостом на переправе через р. Буг, западнее Бреста, и в 13 час. 40 мин., на линии подковообразного озера, установил связь с 18 полком, наступавшим на форт Козловичи. Противник оказывал упорное сопротивление нашему наступлению ружейным и пулеметным огнем с фортов (артиллерия противника к этому времени была снята с фортов), а также огнем тяжелых орудий и бронепоездов со стороны города и легких—со стороны д. Нопли. В 20 час. 15 мин. части 18 полка перешли в атаку на форт Козловичи, но, вследствие сильного ружейного, пулеметного и артиллерийского огня противника, атака успеха не имела. Одновременно подошел и 17 полк и решительно двинулся на д. Козловичи, но встретил на пути продвижения препятствия: несколько рядов проволочных заграждений, поставленных на болоте и извилистые глубокие рукава, входящие в р. Буг с восточной стороны. Эти препятствия затормозили продвижение 17 полка. В 21 час. 46 мин. 18 полк, имея в передовой цепи $^{2}/_{3}$ своего состава, при поддержке пулеметного и артиллерийского огня, снова перешел в атаку на форт Козловичи и, после напряженного боя сломив сопротивление неприятеля, 4 рота ворвалась в форт Т. В 22 час. 10 мин. форт был окончательно закреплен за нами, причем были захвачены трофеи. Этот успех положил начало общему овладению красными войсками городом и крепостью Брест-Литовска, так как форт Козловичи был первым из взятых нами фортов. По овладении фортом Козловичи части безостановочно продолжали наступление на д. Речица. Выдвинувшейся 4 ротой 18 полка была занята д. Козловичи в 23 час., куда после этого подошли части 17 полка. Резервный 16 полк был подтянут к д. Шумаки, откуда он должен был двигаться вдоль берега реки Буг, имея задачей прикрытие правого фланга бригады и развитие успеха.

Прибывший в штабриг командарм 16 тов. Соллогуб приказал этому полку форсировать р. Буг у д. д. Кукуршино-Напли, для

чего полк в 2 час. 30 мин. занял дер. Напли, и в 5 час. 45 мин. приступил к форсированию р. Буг. Однако дальнейшее продвижение бригады сильно затормозилось, так как сосед слева, 10 полк, не выдержал контр-атаки противника, сильно отстал от левого фланга 18 полка и поставил наши части, занявшие ф. Козловичи под боковой удар противника, чем последний и не замедлил воспользоваться, предприняв три ожесточенные атаки во фланг 18 полку со стороны шоссейной дороги (Брест-Скоки). Однако доблестный полк, загнув свой левый фланг, отбил все контр-удары противника, удержав за собой ф. и д. Козловичи. В 4 часа 40 мин. 2 августа 18 полк, приведя в порядок и сосредоточив свои части в ф. Козловичи и сдав участок у д. Козловичи 17 полку, вторым батальоном, при поддержке 17 полка, перешел в наступление на Речицу, которую и занял в 16 час. 15 мин., после чего снова столкнулся с упорным сопротивлением противника из форта Берг, 3-4 версты восточнее желдорожного моста, и со стороны бронепоезда. Атаки полка на этот форт были отбиты огнем противника, и для содействия полку было приказано выдвинуть батарею с задачей борьбы с бронепоездом.

В то время, когда 18 полк вел бой у д. Речица, часть 17 полка, преодолевая сопротивление противника, двинулась вдоль берега р. Буг и к 6 час. достигла деревянного моста через реку (на карте этот мост не обозначен). Он находится севернее желдорожного моста. Мост охранялся слабыми силами противника и находился в целости. Перед 17 полком таким образом открывалась возможность овладения этим мостом и быстрой переправы на западный берег р. Буг, что отрезало бы путь противнику, занимавшему Брест-Литовск, и дало бы в наши руки богатые трофеи, в том числе два бронепоезда, курсировавшие между желдорожным мостом и поворотной станцией. Однако 17 полк, по непонятным причинам, этого не сделал, но предпочел безусловно выполнять оперативный приказ, т. е. двигаться к желдорожному мосту. Принятию же смелого решения о переправе на западный берег р. Буг препятствовало еще отсутствие резервного 16 полка, который, вместо того, чтобы двигаться за правым флангом бригады для его обеспечения и развития успеха, терял время в бесплодных попытках переправиться через р. Буг у д. Напли.

Около 9 часов части конной 10 дивизии ворвались в восточную окраину г. Бреста, и противник начал отходить из города, задерживаясь в фортах западнее города, также в крепости. Части 16 полка, имея в голове 6 роту, сбив противника, вошли на форт Берг (Графский) и, преследуя его, заняли крепость Брест-Литовск, завладев при этом трофеями, и к 11 часам подошли к шоссейному мосту, подожженному противником, который, однако, совершенно сгореть не успел. 17 полк в 9 часов, отбросив противника, приблизился вплотную к желдорожному мосту, вполне уцелевшему, и взял его под пулеметный обстрел. Таким образом все переправы через р. Буг, фактически, хотя и пассивно, занимались нами и находились под нашим обстрелом.

Борьба за обладание Брест-Литовском была уже закончена, и противник всюду был оттеснен на левый берег р. Буг. Что касается действий 16 полка в районе д. Напли, то он, после троекратной попытки, форсировал р. Буг (5 час. 46 м. 7 и 8 час.); будучи встречен огнем противника должен был отказаться от дальнейших попыток и сосредоточился в д. Напли, где выставил охранение по правому берегу р. Буг.

7. Оценка действий.

Ввиду сильно укрепленной позиции противника операция потребовала введения в бой почти всех сил бригады. Первоначально имевшиеся 6 баталионов были распределены следующим образом: 4 батальона (17 и 18 полк) были назначены для нанесения главного удара, баталион (16 полка) составил резерв и вместе прикрытие правого фланга, но впоследствии и этот резервный полк был введен в бой с задачей форсирования р. Буг (у д. д. Напли-Кукуршино). Заслуживает быть отмеченным удачное применение маневра 18 полком, который, несмотря на слабое продвижение соседей, безостановочно продвигался вперед, сбивая упорно обороняющегося противника, чем и обеспечил общий успех.

В сравнении с могущественной артиллерией противника, артиллерия бригады являлась крайне слабой, была не в состоянии потушить огонь неприятельских батарей и разрушить укрепления противника. Части шли в атаку без артиллерийской подготовки. Главная роль артиллерии в операции против Брест-Литовска сводилась к борьбе с бронепоездами противника. Если принять во внимание слабость нашей артиллерии и ее необеспеченность огнеприпасами, то следует считать действия нашей артиллерии довольно удачными, так как бронепоезда противника неоднократно отгонялись нашим огнем. Кроме того, большую услугу артиллерия бригады оказала нашей пехоте при занятии д. Мотыканы, когда части противника были выбиты почти одним только артогнем.

На время операции между полештабригом и всеми полками была установлена телефонная связь, но, вследствие крайне плохого состояния кабеля, функционировала весьма слабо, в особенности 31 июля и в ночь на 1 августа, когда шел дождь.

Потери. 16 полк: раненых: 3, 17 полк: раненых 66, убитых 5, 18 пол.: раненых 60, убитых 20. (По отношению к общему числу штыков потери 17 и 18 полков достигают 20%).

Трофеи. 16 полк: 5 пленных, 17 полк: 16 пленных, 18 полк: 30 пленных, 4 пулемета, 100 винтовок, пулеметный станок, запасы обмундирования, сельдей, соли и проч.

8. Выводы.

1) Одной из хороших сторон действий наших частей следует считать их решительность и упорство.

2) Удар был нацелен правильно, но в дальнейшем была допущена ошибка—отзыв 16 полка от выполнения общей задачи, что привело к разряженности сил.

3) 17 полком был упущен удобный случай отрезать путь отступления противника и захватить весь гарнизон Брест-Литовска, путем выхода в тыл через деревянный мост на р. Буг.

4) Действия 10 полка на левом фланге были крайне медленны и тормозили быстрое развитие операции 18 полка.

5) Быстроте действий в значительной степени препятствовала слабость нашей артиллерии.

В общем, задача была выполнена, но белополяки успели планомерно увезти тяжелую артиллерию и очистить крепость. Это не умаляет, однако, значения доблестных действий частей бригады, которые проявили не только порыв и упорство, но хорошую тактическую подготовку, в особенности 18-го июля.

Б. Леонидов.

Эсеро-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним.

Происхождение бандитизма.

Вопрос о бандитизме, в его теоретической части, в достаточной степени уже дебатировался в нашей печати, корни его выяснены и ни в ком уже не может вызывать сомнений, что эта болячка на теле Советской Республики является одним из средств борьбы в руках наших классовых противников. Поэтому, не вдаваясь в анализ причин, вызвавших это явление вообще, мы подойдем к вопросу более узко, рассматривая происхождение бандитизма с точки зрения практической, т. е. как это явление возникло организационно, и то в пределах лишь Тамбовской губернии.

Эсеро-бандитизм в Тамбовской губернии мог расцвести таким пышным цветком только в силу того положения, в котором находилась Советская Республика в течение 1918, 19 и 20 г. г.

Беспрерывная борьба на многочисленных фронтах поглощала все внимание, требовала колоссального напряжения сил и неимоверных расходов.

Экономическое положение было тяжелое. Советская Республика была охвачена кольцом блокады извне, а внутри была отрезана от хлебородных местностей: Дон, Кубань, Кавказ, Крым, Украина, Сибирь за это время были меньше всего в наших руках. Единственной житницей Советской Республики в 1919 году оставалось Поволжье и некоторые производящие губернии центральной и южной России.

Недород требовал немедленной доставки хлеба в голодающие места, вместе с тем, транспортная разруха, при интесивности воинских перевозок, не позволяла нормальной и равномерной доставки продовольствия со всей небольшой Советской житницы.

Приходилось в силу необходимости брать там, где ближе, не считаясь ни с какими нормами, не согласуясь с потребностями производителей крестьян и с их психикой мелкого собственника.

Хотя и сознавалась ненормальность установившихся взаимоотношений, тем не менее обстоятельства не позволяли делать соответствующих выводов.

Обстоятельства же требовали и вынуждали взваливать на крестьянство повинность за повинностью: воинскую, конскую, трудовую, гужевую и, самое главное,—продовольственную. Взамен всего этого, при совершенно разрушенной промышленности, крестьянству почти ничего не могли дать.

Город был занят вопросами борьбы на фронтах, и деревня была почти забыта. О ней вспоминали тогда, когда надо было произвести усиленную выкачку продовольствия.

В деревню чаще всего и больше всего посылались продработники и продотряды, чем политработники.

Деревня, можно сказать, была предоставлена самой себе. Но в том то и дело, что не самой себе.

Эсеры, ходом событий, были вышиблены с политической арены, перешли в подполье, а, самое главное—потеряли всякое влияние не только в местностях, где преобладало рабочее население, но и в крестьянской среде. Поскольку эсеры претендовали все же на звание „социалистов", на звание „партии по преимуществу крестьянской", они, естественно, не могли удовлетворяться положением „идейного базиса" для Колчака, Деникина, Врангеля и искали себе опоры „масс".

Такую опору они могли себе найти в крестьянстве, главным образом, в его зажиточной—кулацкой части, поскольку последние имели основания быть недовольными Советской Властью. Учитывая очерченное выше положение Советской Республики, эсеры, с их точки зрения, правильно расчитывали, что именно в деревне они найдут для себя надлежащую почву. Но вместе с тем, эсеры учитывали и то, что под своей фирмой, даже в деревне, им не найти опоры. Что это так, можно убедиться из некоторых эсеровских документов.

Весной 1920 г. Ц. К. эсеров разослал своим организациям циркулярное письмо, которым предлагалось провести две кампании, долженствующие возбудить крестьянское движение против Советской Власти: 1) по организации приговорного движения и 2) по созданию крестьянских союзов.

Организация приговорного движения, по мысли Ц. К. эсеров, должна была принять „характер массовой заразы, передаваясь из села в село, из округа в округ". „Приговорная кампания должна создать в деревне атмосферу общего политического под'ема и оживления. Она должна создать первоначальную арену для развертывания сил отдельных передовых крестьян, способных выработаться в самостоятельных вожаков—работников крестьянского дела".

На ряду с этим приговорным движением должна итти организация крестьянских союзов. По мысли Ц. К. эсеров, крестьянский союз „должен быть беспартийным, чтобы снова сблизить между собою элементы, распавшиеся после ликвидации Всероссийского Совета крестьянских депутатов и, либо разошедшиеся по разным партийным группировкам (партийные эсеры, левые эсеры, народники—коммунисты,

борьбисты и т. д.), либо отошедшие от всяких партий или даже ушедшие от политики в „толстовство, сектанство, анархизм и т. д.“.

Но все это только фразы. Ц. К. эсеров не имел в виду сближение народнических элементов, а просто не верил, что под своей фирмой ему удастся организовать это движение, так как мы знаем, что как только движение в Тамбовской губернии привело к известным результатам, эсеры не замедлили на „беспартийном союзе трудового крестьянства“ поставить лозунг: „в борьбе обретешь ты право свое“, в то время, когда в начале этот лозунг нигде не ставился на листовках и проч. подпольной литературе, выходившей от имени „Союза Трудового Крестьянства“.

Организовав крестьянские союзы, эсеры, конечно, имели в виду руководить его работой, а для этого „наряду с строительством Всероссийского союза трудового крестьянства, не смешиваясь с ним, должно стоять строительство чисто партийной деревенской организации“.

Структура всей этой организации должна была быть такова: „беспартийный союз трудового крестьянства должен об'единить все активные силы деревни в предстоящей политической борьбе“, а „организация чисто партийных ячеек должна явиться передаточным механизмом для проведения в эту среду идей и лозунгов партии“.

Таковы были задачи эсеров по замыслу их Ц. К. Но для проведения их в жизнь, помимо расчета на недовольство крестьян Советской политикой вообще, нужны еще были, так сказать, местные условия, которые благоприятствовали бы началу этой организации.

Это требование и привело эсеров в Тамбовскую губ. Как это видно будет из дальнейшего изложения, в Тамбовской губ. еще в 1918 г. было положено начало бандитской организации Антонова, состоявшего в некотором родстве с эсерами; у Антонова были уже организованы определенные гнезда в кулацкой среде, было припрятано оружие.

У эсеров также были здесь не совсем разрушенные организации, давнишние связи.

Кроме этого, в Тамбовской губ. была более благоприятная почва, чем в других местах. Как губерния более близко расположенная к голодающему центру, она, естественно, стала местом усиленной выкачки продовольствия, причем эта выкачка производилась далеко не так, как это требовали декреты по сему поводу; часто продотрядами совершались действия, дискредитировавшие Советскую Власть. Местная власть была, очевидно, не на высоте и не пользовалась нужным авторитетом; партийная работа в деревне велась слабо или, вернее, почти совсем не велась.

Все это эсеры знали через Антонова и туда направили свои стопы. С Антоновым был заключен тесный союз—банда Антонова получила известного руководителя в лице Ц. К. эсеров. От этого союза выиграли оба: Антонов усилился идейно, эсеры приобрели „атамана“, готового на все, имеющего уже „боевое ядро“ и знающего хорошо деревню Тамбовской губ.

Организация эсеро-бандитов *).

Политическая организация. Согласно директивы Ц. К. эсеров был организован С. Т. К.

Основной и конечной целью „С. Т. К." ставит свержение власти коммунистов-большевиков, для чего организует добровольческие партизанские отряды, преследующие нижеследующие задачи:

1) Политическое равенство всех граждан, за исключением дома Романовых; 2) установление прочного мира с иностранными державами; 3) созыв учредительного собрания по принципу четыреххвостки; 4) установление выборной власти до созыва учредительного собрания на местах и в центре, причем власть избирают партии, участвующие в борьбе с коммунистами; 5) свобода слова, союзов и собраний; 6) удовлетворение всех граждан продовольствием и прочими предметами первой необходимости через кооперативы; 7) свобода всех классов; 8) регулирование цен на труд и продукты; 9) частичная денационализация фабрик и заводов; 10) рабочий контроль и государственный надзор за производством; 11) допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны; 12) немедленное восстановление сношений с иностранными державами; 13) свободное самоопределение народностей; 14) открытие широкого государственного кредита личности (?); 15) свободное производство кустарной промышленности; 16) свободное преподавание и всеобщее обучение; 17) нероспуск добровольческих партизанских отрядов до созыва учредилки.

С. Т. К. организован следующим образом:

Во главе стоит губернский союз трудового крестьянства, получающий директивы от Ц. К. П. С. Р., затем идут уездные, районные, волостные и сельские комитеты.

Районные, волостные и сельские комитеты организованы следующим образом: районный комитет состоит из 5 членов: председателя и 4 заведывающих отделами: общим, политическим, военным и хозяйственным.

Волостные комитеты состоят также из 5 членов, им предоставляется право кооптации с уведомлением укома. Секретари приглашаются, члены избираются общим собранием союза.

Сельские комитеты состоят из 3 членов.

При комитетах организуется охрана, называемая „вохра", при районных—из 10, при волостных—из 5 человек и сельских—из 2 чел.

Обязанности комитетов заключаются в следующем:

1) Держать тесную связь между комитетами, имея живое общение не менее одного раза в день; 2) наблюдать за красными войсками и шпионажем (примечание: задержанных шпионов направлять в суд

---

*) Все данные об организации взяты из оффициальных документов, захваченных у бандитов, как-то: приказы, инструкции, листовки, воззвания и проч.

при укоме); 3) мелкие красные отряды по силе пресекать в корне; 4) самовольно отлучившихся партизанов задерживать и отправлять в ближайшие отряды, сопротивляющихся—обезоруживать и сообщать в отряд, из которого отлучился; 5) строго следить за грабежами, убийствами и пожарами. Замеченных в этом задерживать и препровождать в суд, как бандитов; 6) члены комитета должны быть вооружены по мере возможности; 7) следить за варкой самогонки и виновных предавать суду; 8) охрана народного имущества; 9) ставить в известность красноармейцев, прибывших в отпуск, чтобы они не возвращались в свои части, согласно приказа главного оперштаба; 10) оказывать продовольственную и иную помощь нуждающимся партизанам и их семьям; 11) представлять еженедельно отчеты о своей деятельности в высшие инстанции; 12) все распоряжения губ. и укома исполнять точно и аккуратно; 13) не выпускать из восставших районов хлеб, продовольствие и лошадей.

Военная организация. В то время, как политическая организация идет сверху вниз, военная—наоборот—идет снизу вверх.

Организация банд начинается с ячеек. Заняв какую-либо местность, начинается сейчас же организация местного населения в боевые отряды.

В первую очередь идет добровольческая запись, затем прибегают к принудительному набору, причем мобилизованные преимущественно назначаются для несения нестроевой службы. Затем идут выборы в комитет С. Т. К. Организованные отряды нескольких смежных сел образуют полк и получают соответствующую номерацию и название. Название дается обыкновенно по селу, давшему большее число добровольцев.

Таким образом, по имеющимся сведениям, было организовано 14 местных полков (неподвижных, иногда они лишь передвигаются из района своего расположения) и 5 особых кавполков, являющихся активными и главной действующей силой. Каждый полк насчитывает от 400 до 1000 и более человек.

Пополнение. Убыль в „главном ядре" пополняется добровольцами из остальных полков и путем вливания вновь сформированных отрядов в особые полки.

„Главным ядром“ считаются особые кавполки, численность которых колеблется от 1500 до 5000, причем они всегда находятся при главном оперативном штабе и являются ударными частями, и как бы личным конвоем оперштаба Антонова.

Управление. В начале банды действовали разрозненно, каждая на свой страх и риск, лишь изредка об'единяясь прибытием Антонова в данное место; с „главным ядром“, для совместных действий, единого управления не было.

В начале ноября 1920 г. Антонов делает попытку создать более стройную организацию и об'единить управление. Антонов поставил себе

целью соединить все отряды в единую партизанскую армию и для этого созвал с‘езд комсостава, на котором переизбран был главный оперативный штаб, в который вошли Антонов, Богуславский, Гусаров, Токмаков и Митрофанович. Все старые эсеры.

Командование армией поручено Токмакову, а Антонов избран начальником штаба.

Провести в жизнь эти мероприятия удалось лишь в декабре 1920 г., причем созданы были уже две армии с армейскими штабами и, кроме того, главный оперативный штаб. Протокольным постановлением об‘единенного заседания штабов от 15/I—21 г. было постановлено: признать штабы: 1-й армии—главным штабом 1-й армии, а главоперштаб Антонова—штабом 2-й армии.

Таким образом, 1-й армией командовал Токмаков, 2-й армией Павлов и начштаба Антонов.

Фактически же вся военная власть принадлежала Антонову.

В состав 1-й армии вошли 9 полков, а в состав 2-й армии вошли 4 полка и, кроме того. 5 особых полков не входили в состав армии, а состояли непосредственно в подчинении главоперштаба или Антонова.

Первая армия была разделена на 5 бригад. Полки делились на эскадроны, взводы, отделения, некоторые полки еще на дивизионы.

Вооружение. На вооружении главным образом состояли: пулеметы, винтовки, шашки. Артиллерия в начале состояла из трех орудий, затем они были отобраны красными частями. Банде все же удалось еще раз обзавестись двумя орудиями, захватив их у нас, но в конце орудия были опять у них отобраны.

Связь. Связь между частями поддерживалась преимущественно конная. Маловажные донесения посылались на обывательских подводах от комитета к комитету; более срочные и важные донесения посылались с вполне надежным нарочным. Существовала еще телефонная связь, но только в штабах.

Относительно связи с другими бандами, например с Заволжской бандой Вакулина и Попова, точных данных не имеется, но, вероятно, поддерживалась живая связь.

Разведка. Агентурная разведка была поставлена очень широко. Судя по приказам и действиям, можно заключить, что Антонову было хорошо известно точное расположение красных частей, их состав, состояние, вооружение и даже задачи, которые им ставятся. В целях шпионажа банды использовали все, что можно: стариков, женщин, подростков. Они посылались под видом торговцев в районы расположения красных или, якобы, за хлебом и возвращались так же обратно. Агенты Антонова проникают в красные части, штабы и советские учреждения.

Войсковая разведка организуется следующим образом: от полка в 400 ч. выделяется 8, в 600—10, в 1000—20 ч.; выделенные люди сводятся в команду разведчиков.

Охранение. На месте охранение несет местная „вохра", на походе выделяются боковые отряды, передовые и ариергарды. Во время преследования банд такие отряды высылались за 10—15 верст.

Из сказанного уже видно, как шло пополнение людьми главного ядра.

Пополнение конским составом и снабжение продовольствием и фуражем. Пополнение конским составом шло за счет местного населения, сочувственно относящегося к Антонову; там же, где добровольно лошадей не дают,—их забирают силой. То же самое и в отношении продовольствия и фуража.

Снабжение огнеприпасами. В отношении снабжения огнеприпасами дело обстояло несколько иначе.

Первый источник это был тот, что при поступлении добровольцев некоторые приносили с собой оружие; второй—это налет крупных банд на наши малочисленные части и их обезоружение, а также налет на эшелоны и склады. Часть оружия была припрятана Антоновым в бытность его начальником милиции, часть подобрана и спрятана во время отступления Мамонтова, в том числе 3 орудия, которые были зарыты в земле. Но нельзя сказать, что этим исчерпывались все источники, снабжающие банды оружием и огнеприпасами, так как банды много его теряли и расходовали не особенно экономно. Очевидно, у них имелся источник, который остается пока невыясненным.

Дисциплина и политработа в частях. Дисциплина в армии Антонова поддерживалась довольно суровыми способами, об этом мы узнаем из некоторых приказов бандитских частей. Так, например, приказ Елабушинского партизанского отряда № 12 § 6 гласит: „Партизан Глиников, за халатное отношение по службе, выразившееся в плохом уходе за лошадьми, побой спины седлом, о чем не докладывал по начальству, наказан 15 розгами плетью, и командир взвода Пивоваров, за незнание обязанностей службы, подвергнут наказанию 15 розгами плетью". Дальше в том же приказе говорится, что „ни один малейший проступок не должен остаться безнаказанным".

Согласно протокольного постановления суда 12-го Токийского и 13-го Охотницкого полков, за самовольные обыски, партизаны Коровин и Мосчин расстреляны, а Клочков наказан 50 розгами плетью.

Однако, несмотря на такую суровую дисциплину, с применением телесного наказания, в армии Антонова дисциплины прочной не было: мародерство, дезертирство широко процветало и об этом можно судить по целому ряду приказов, в коих комсоставу вменяется поднять боеспособность и дисциплину. Так, в приказе по 1-ой партизанской армии Тамбовского края от 21 февраля 21 г., за № 21 § 5 говорится: „Среди партизанских отрядов начинает слабеть боевой дух— постыдная трусость. Нет в рядах партизан того храброго духа, кото-

рый в первое время окрылял партизанские сердца, вел их вперед и уничтожал на пути все препятствия, нет тех храбрецов—революционеров, которые в августе и сентябре“ и т. д. „Эти люди почему-то ушли из партизанской армии и в большинстве находятся в разных тыловых учреждениях. Оставшиеся храбрецы потерялись среди массы шкурников. Для того, чтобы поднять боеспособность полков, приказываю командирам всех частей, совместно с политработниками, немедленно приступить к созданию боевых полков-групп. В эти группы должны выделиться, путем добровольческих записей, подлинные храбрецы-герои, которые не знали бы панического отступления, а знали одно слово „вперед“.

Для политической работы в частях (в полках, иногда эскадронах) имелись политруки. Обязанности их весьма несложны: они сводятся к наблюдению за точным исполнением приказов, так как вся политпропаганда сводится к тому, что „партизан должен исполнять точно все приказы“. Это требование, как уже было сказано, поддерживается плеткой. На стоянках собираются митинги, на которых обязаны присутствовать все партизаны; неявившиеся строго наказываются розгами. Наблюдение за этим возложено на политруков.

Задачи бандитов.

Несмотря на то, что бандиты в своей программе ставят себе довольно широкую задачу: свержение власти коммунистов-большевиков в общероссийском масштабе, они, тем не менее, довольно реально учитывают соотношение сил.

Считаясь с районом восстания и с наличием своих сил, они в этих рамках и ставят себе задачу, каковая выражается, судя по имеющимся их инструкциям и наставлениям для борьбы с красными частями,—в следующем:

1. Порча железнодорожного пути. (Для этой цели иногда выгонялось поголовно все население села данного участка железной дороги, причем проводилось это в порядке приказов от имени местного комитета С. Т. К., получившего, в свою очередь, приказание от главоперштаба через уком).

2. Уничтожение складов, кооперативов, маршрутных поездов, совхозов, учреждений Советской власти, партийных учреждений, убийства отдельных представителей Р. К. П. и Советской власти, недопущение выполнения продразверстки и прочих повинностей, возлагаемых Советской властью. Нападение на небольшие отряды Красной Армии с целью их обезоруживания.

Кроме перечисленного, они ставили себе еще задачей получение по подложным документам из Советских складов и учреждений огнеприпасов, оружия, предметов первой необходимости и широкого потребления.

Тактика бандитов.

Исходя из указанных выше задач, бандиты соответственно этому и строят свою тактику. По существующей на этот счет у них инструкции, бандитским частям предлагалось главоперштабом действовать следующим образом:

1) как правило—никогда не принимать боя с красными частями; 2) бой принимать лишь в том случае, если есть абсолютная уверенность и данные в численном превосходстве над красной частью, с которой предстоит бой; 3) в случае создавшейся обстановки, вынуждающей принять бой в невыгодных для себя условиях,—стремиться во что бы то ни стало рассеяться в разные стороны и тем самым не дать красным возможности нанести удар с целью уничтожения живой силы, с одной стороны, и с другой—с целью распыления сил красных преследующих частей.

Перед боем следует заранее определить и назначить место сбора (сосредоточения); 4) партизанским отрядам вменяется в обязанность производить налеты на малочисленные гарнизоны и отряды Красной Армии с целью их обезоружения.

Впоследствии, когда нами стали применяться автоброневики, бандитам было преподано дополнительно:

На всем пути своего следования, равно как и близлежащей окрестности, уничтожать все мосты и, по возможности, все переправы; в местах своих стоянок и расположения на ночлег баррикадировать все входы и улицы данного села, для чего использовать всевозможный подручный материал: бревна, сараи, амбары, телеги, а если время позволяет,—то вырывать широкие и глубокие канавы.

Главарь восстания—Антонов.

Для того, чтобы дать более полную картину повстанческого движения в Тамбовской губернии, приводим краткую биографию руководителя и вдохновителя его—Антонова.

Александр Степанович Антонов происходит из мещан гор. Кирсанова, учился в реальном училище, но за плохое поведение, хулиганские проделки был исключен из 5-го класса.

С этого времени, собственно, начинается довольно богатое прошлое Антонова.

По исключении из училища Антонов уехал из Кирсанова, примкнул к шайке уголовных преступников и, совместно с ними, занялся грабежами, сопровождавшимися нередко убийствами. Большей частью он убивал чинов полиции и грабил винные лавки.

Это было как раз в пору, когда „экспроприаторство" было весьма модным течением, прикрывавшимся именем анархизма и максимализма. Это обстоятельство помогло Антонову прослыть „террористом" и завязать сношения с партией с.-р.

В 1906 г. Антонов вступил оффициально в партию с.-р. Впоследствии (когда—неизвестно) Антонов, за разного рода преступления уголовного характера, был сослан в Сибирь и исчез с тамбовского горизонта. Появляется он вновь в этих краях уже в 1917 году, в период февральской революции. Вскоре после своего появления, Антонов занял должность начальника кирсановской уездной милиции, в которой состоял до начала Октябрьского переворота.

Всюду Антонов ставил своих людей; главными его сподвижниками были,—известные в Тамбовской губернии с.-р., Баженов, Михневич и два малоизвестных—Зоев и Лощинин.

Когда Советская власть стала укрепляться, часть сподвижников Антонова, в том числе Зоев и Лощинин, в апреле 1918 года были расстреляны за контр-революционную агитацию. Антонов, чувствуя, что „рыльце его в пуху", предпочел скрыться.

С этого времени Антонов повел подпольную работу. Но, будучи еще начальником милиции, он уже, очевидно, к чему-то готовился: он обезоруживал проходившие через Кирсанов части чехо-словаков и отобранное оружие отправлял в с. Рамза, Чернавку и оз. Ильмен Кирсановского уезда, где его друзья прятали все это глубоко в землю. Это вот припрятанное оружие и составило, главным образом, первые запасы для вооружения бандитов.

Ведя подпольную работу, Антонов, как местный житель, знал, где искать себе опору и сочувствие населения. Главным его местом пребывания были села с богатым зажиточным крестьянством, а именно: Рамза, Паревка, Калугино, Трескино и др. Постепенно им была создана „боевая дружина", насчитывавшая в конце 1918 года около 150 бандитов. Банда первое время делала иногда налеты на Советские учреждения в Кирсановском уезде, больше же всего нападала на отдельных Советских и партийных работников.

Антонов пользуется огромной популярностью, и значительная часть кулаков шла за ним действительно не за страх, а за совесть.

Антонов дорожит своим именем и не может мириться с кличкой „бандит". Это можно судить по его письму, присланному им на имя начальника Кирсановской милиции, в котором он пишет, что он не бандит, как его называют, и в доказательство указывает на факт уничтожения им в Кирсановском уезде шайки уголовников, во главе с их атаманом—Бербешкиным.

Письмо свое он заканчивает: „Желание коммунистов—очернить нас перед лицом трудящихся—плохо удается,—надеюсь, что на этом поприще они и впредь будут иметь подобный же успех. Порукой этому—тяготение к нам трудящихся масс сознательной России. О вышеизложенном прошу довести до сведения уездного комитета Р. К. П. По доверенности дружины, начальник б. д. (боевой дружины) Антонов".

Письмо это им написано, судя по почтовому штемпелю, 18/II—1920 г.

Антонов обладает большими организаторскими способностями, но в военном отношении талантом не блещет.

В обращении со своими подчиненными—жесток и груб; при неисполнении его приказаний сам иногда расстреливает.

Таков главарь тамбовских эсеро-бандитов.

Деятельность Антонова и борьба с ним.

Первую попытку поднять восстание Антонов сделал в конце 1918 г., выступив с бандой в 150 чел. Но эта попытка не увенчалась успехом и была подавлена силами местных коммунистических ячеек. Значительная часть его банды была уничтожена, но сам Антонов, с некоторыми более видными своими сподвижниками, скрылся.

Из первого своего поражения Антонов сделал правильные выводы: он понял, что без широкой поддержки местного населения с бандой в 150 чел. ему не только не свергнуть Советской власти, но нечего расчитывать на более или менее длительный успех.

И Антонов принялся за подпольную организационную работу с удвоенной энергией; на помощь Антонову, в это время, пришел Ц. К. эсэров. Как было указано, в начале эсеры задумали организацию союза трудового крестьянства и „приговорное движение". С этих пор работа пошла значительно успешнее, и подготовительный период ее длился до его вторичного выступления—до августа 1920 года.

Местные же власти почили на лаврах. Они по прежнему продолжали свою работу, мало думая о деревне, о крестьянстве.

Наконец, в августе 1920 года происходит выступление Антонова, носящее очевидный массовый характер, начавшееся в самых зажиточных, кулацких волостях: Рамза, Инжавино, Коптево, Хитрово, Богуславка, Каменка и Туголуково. Восстанием руководит разбитый в 1918 году Антонов, имея организованную банду в 500 человек.

За кулаками пошла значительная часть „средняков" и даже бедного крестьянства, отчасти сбитая с толку агитацией эсеров, а отчасти терроризованная бандой Антонова и под давлением кулаков.

Местная власть плохо информирует центр о действительном положении вещей и характере банд Антонова (а может и сама не понимает), принимается за их ликвидацию, так сказать, домашними средствами.

Губвоенком т. Шикунов, с батальоном войск вохр и малочисленным отрядиком коммунистов, наскоро сформированных, выезжает в район восстания для его ликвидации.

Плохо организованная служба связи, разведки, охранения приводит к тому, что Антонов внезапным налетом разбивает отряд по частям, забирает пленных, материальную часть, в том числе одно орудие.

Антонов все отлично использует. Захваченное орудие используется им двояко: как орудие боя и как орудие пропаганды. На митингах Антонов речи произносит на захваченном орудии, дока-

зывая крестьянам, что Советскую власть легко свергнуть, что Красная Армия не представляет большой силы, так как большинство сдается без боя, а орудие мол, взято, голыми руками.

Причина же сдачи без боя крылась в том, что батальон состоял в большинстве из местных уроженцев—крестьян. Это учел и использовал Антонов, но не учли местные власти.

Не подавленное, таким образом, в начале восстание, неверно начатая борьба, поражение нашего отряда вдохновляет бандитов, вселяет уверенность в кулацкое население, в начале робко поддержавшее Антонова, приводит к разрастанию восстания, охватывающего все больший район. Антонов уже открыто организует комитеты С. Т. К., вербует партизан, а кое-где и производит мобилизацию.

С нашей стороны борьба продолжается тем же кустарным способом, силы вводятся „пакетиками".

В то же время Антонов, как мы уже знаем, в ноябре серьезно пытается перейти от импровизации к стройной организации, об'единяет все банды в две армии, создает главоперштаб и, пользуясь широким сочувствием населения, создает отличную разведку, охранение и связь. Антонов действует по определенному, разработанному детально плану, методично и систематично выполняя его.

Получается абсурд, несуразность, в которые прямо трудно поверить.

Банды как бы представляют стройно организованное целое, а действия регулярных красных частей как бы носят характер партизанщины.

Т. Шикунова сменяет Редзко, затем еще кто-то, но сущность от этого нисколько не меняется.

Разница только в том, что эти новые командующие более удачно иногда бьют Антонова, но бьют не разбивая, не уничтожая.

Штаб войск Тамбовской губернии. Наконец центр в декабре назначает командующим войсками Тамбовской губернии т. Павлова, подчиняя его Орловскому военному Округу, но фактически т. Павлов сносился и непосредственно с центром.

Т. Павлов как бы принимается более серьезно и вдумчиво за борьбу с антоновщиной.

Образован штаб войск, начальником штаба—генштаба Невежин.

Первый способ борьбы, примененный т. Павловым, потерпел крах, и он от него скоро отказался. Способ этот заключался в том, что т. Павлов решил „пройти от края до края", сплошным фронтом, и вымести, что называется под метелку, всю бандитскую нечисть.

Но нечисть оказалась довольно хитрой и не выметалась. Происходило же это вполне естественно и просто: бандитами являлись местные крестьяне и, при прохождении по данному месту красных частей, бандитов не оказывалось, а были „мирные жители", как только же часть проходила, „мирные жители" становились бандитами и, конечно, оказывались в тылу прошедших красных частей.

Отказавшись от борьбы сплошным фронтом, т. Павлов переходит к другому способу борьбы и почти уже подходит к правильному решению.

Разбив на боевые участки район восстания, заняв определенные пункты гарнизонами, он почти подошел к понятию оккупации. Войска тамбовского происхождения он заменил пришлыми, борьбу же с главным ядром Антонова он решил вести системой окружения.

В январе в распоряжении т. Павлова было: 9.659 штыков, 1.943 сабли, 136 пулеметов и 18 орудий.

Видя недостаточность этих сил для оккупации, т. Павлов требует подкреплений, но центр присылает их вяло, опять таки „пакетиками“, и наконец 1 марта силы тамб. командования были доведены до: 32.500 штыков, 7.948 сабель, 463 пулемета и 63 орудия. К 1 мая эти силы еще увеличились прибывшими для отбытия лагерного учения комкурсами, примерно около 5.000 штыков и 2.000 сабель.

Система окружения также оказалась несостоятельной по той же причине, что и борьба сплошным фронтом, так как когда окружение банд бывало уже как будто завершенным, удар приходился в пустую.

Наконец, т. Павлов приходит к мысли вести борьбу с главным ядром Антонова путем кавбригады, которая бы неотступно его преследовала.

Но, естественно, что одной бригаде и даже нескольким, при том способе преследования, который был применен, это было совершенно не по силам, и предприятие это было в самом начале обречено на неудачу.

Ядро Антонова преследовалось в „хвосте“. Антонов, двигаясь впереди, имел то преимущество, что все время менял лошадей и, конечно, обладал несравненно большей быстротой движения, с одной стороны, и, с другой—имел возможность избирать маршрут своего следования по своему усмотрению. В то же время наша кавбригада двигалась бессменно на своих конях, и, разумеется, через 3—4 дня кони приставали и дальше отказывались двигаться (бриг. Дмитриенко и 14 кавбригада).

Из всех боевых операций, которые велись против Антонова по 1-ое мая, мы несколько остановимся на одном эпизоде, весьма ярко характеризующем постановку дела, как в смысле разведки, охранения, так и в смысле распределения резервов по боевым участкам:

„11/IV банда, в количестве 5.000 сабель, под командой Антонова, произвела налет на Рассказово, но подошедшими нашими резервами была выбита и отступила в южном и восточном направлениях. Наши потери: 11 пулеметов, 150.000 патронов, 643 винтовки, 150 шашек, 15 револьверов, 59 лошадей, 369 снарядов, 19 телефон. аппаратов, 337 красноармейцев и 1 батальон взят в плен полностью“.

Так говорит оффициальный язык отчета начштаба.

Здесь все поражает от начала до конца, не входя даже в рассмотрение самого налета.

Как могла банда в 5 000 ч. внезапно совершить налет, если бы разведка и охранение были поставлены не только отлично, но более или менее сносно?

Но в этом налете сказывалось и другое.

Мне точно известно, что во время налета в каменном 2-х этажном здании штаба заперлось человек 20 штабных работников и оборонялось несколько часов от всей банды, которая не могла их оттуда выбить. Это говорит о небоеспособности банды, а также и о том, что если бы гарнизон Рассказова (около 1.200 человек) оказал бы организованное сопротивление,—а это возможно было при правильной разведке и охранении,—то вряд ли банда могла бы что-либо сделать.

Причины неудачи борьбы.

Вся борьба, которая велась против Антонова до 1 мая, сводилась к уничтожению главного ядра Антонова и других подвижных, более или менее постоянных, группировок бандитов.

Положительных результатов эта борьба не дала по следующим причинам:

1) Плохая организация управления;

2) плохая организация связи;

3) печальное состояние разведки (по свидетельству начштаба Невежина были случаи, когда банда находилась в 10 верстах от штаба боевого участка и последний узнавал об этом от штаба войск Тамбовской губернии);

4) почти полное отсутствие агентурной разведки и несогласованность ее действий с действиями войсковой разведки;

5) из рук вон плохо была поставлена служба охранения.

Но самая главная причина крылась, конечно, не в этом, а в отсутствии определенного метода и системы борьбы. Это отсутствие метода и системы видно из того, что тамбовским командованием ничего не было предпринято для того, чтобы банды были поставлены в такие условия, при которых они не смогли бы: 1) отдыхать, 2) снабжаться, 3) пополняться, 4) быть совершенно вытесненными и отрезанными от своей базы, от среды не только активно их поддерживавшей, но и благоприятной им.

Все это мыслимо было лишь только при правильной оккупации района, охваченного восстанием, чего сделано не было; мелкие операции, к которым, в сущности, сводились все действия тамбовских войск, нисколько не вели к искоренению бандитизма, а, напротив, разжигали пыл бандитов. Потери, наносимые бандитам, были сравнительно невелики и с лихвой компенсировались Антоновым во время его налетов; в отношении живой силы потери для банд были также малочувствительны, так как они всегда имели возможность пополняться, если не

добровольцами, то путем мобилизации, которую Антонов последнее время стал широко применять.

Крестьянство, поддерживающее бандитов, благодаря безуспешности борьбы наших войск с Антоновым, не было проникнуто уважением к силе Красной Армии, наоборот, было уверено, что борьба с Красной Армией вполне возможна и даже успешна.

Таким образом, бандитизм морально креп и усиливался, в то же время наши части морально слабели, все больше разуверяясь в возможности уничтожения антоновщины.

Даже комсостав не верил в такую возможность и все свои действия сводил к тому, как там было принято выражаться, „пощипать бандитов“, а об уничтожении даже и не думал.

Новый метод борьбы с бандитизмом.

С назначением с 1-го мая командующим войсками Тамбовской губернии т. Тухачевского, борьба с бандитизмом принимает другое направление, ведется по тщательно разработанному и продуманному плану, и результаты сказались быстро.

При указанном выше положении вещей, вновь назначенному командованию не приходилось думать о продолжении борьбы, а надо было, считаясь с действительной обстановкой, все начинать сызнова.

Раньше всего новое командование столкнулось с фактом полной дезорганизации в управлении. Необходимо было перестраивать наличные силы на „регулярных началах“.

Дело в том, что раньше хотя и был создан штаб войск, но на него смотрели, как на учреждение слишком временного характера и его организация оставляла желать много лучшего. Этот же взгляд привел к тому, что все части, прибывавшие „пакетиками“ на подкрепление, оставались подчиненными непосредственно штабу войск, независимо от того, была ли эта часть рота, батальон или бригада. Насколько это было удобно для управления,—говорить не приходится.

Штаб был реорганизован по типу полевого штаба армии; была произведена значительная перемена в личном составе, как штабов, так и войсковых частей.

План действий, разработанный новым командованием, сводился к следующему:

Все районы, служившие, главным образом, базами для комплектования банд, должны были быть оккупированы и советизированы, т. е. все бандитские элементы должны были быть из‘яты и Советская власть прочно восстановлена.

Учитывая слабую боевую устойчивость бандитов, намечалось оставить для маневренных действий только три кавбригады, а все остальные силы должны были составить гарнизоны оккупированных районов.

Главные надежды возлагались на подготовку и производство оккупации и работы по советизации и из'ятию бандитских элементов. Имелось в виду, путем систематической и хорошо поставленной политпросветработы и другими мерами, достигнуть расслоения деревни и создать благоприятную Советской власти среду, втянув доброжелательно настроенную к Советской власти часть крестьян в непосредственную борьбу по искоренению бандитизма.

Достижение этой цели лишало антоновщину ее главной силы—поддержки населения.

Для более решительного воздействия на бандитов и для вселения в крестьянстве уважения к силе Советской власти, предполагалось проведение ряда репрессивных мер, из которых отметим приказ об аресте семей бандитов и заключении их в концентрационный лагерь на две недели, впредь до добровольной явки бандитов с оружием в руках; в противном случае—семейство подлежало высылке в отдаленные местности Республики, а имущество конфисковывалось и распределялось среди бедных крестьян, сочувственно относившихся к Советской власти.

Параллельно с этими должны были вестись решительные действия по разгрому организованных, подвижных банд, путем их неотступного до полного уничтожения преследования кавалерией. Уверенность в этом давало то обстоятельство, что питающие банды базы должны были быть прочно оккупированы и банды вне этих мест были обречены на быстрое истощение.

Таким образом видно, что новое командование приступило к борьбе с антоновщиной, детально разработав план этой борьбы. Методичность исполнения этого плана давала все шансы на успех.

План этот одобрен полномочной комиссией В. Ц. И. К.

Для установления единства взглядов с подчиненным комсоставом была разослана следующая инструкция, из коей видны взгляды командования на вопрос борьбы с антоновщиной:

Инструкция по искоренению бандитизма в районе Тамбовской губернии.

„На задачу искоренения бандитизма следует смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу—кампанию или даже войну.

Местность, охваченная бандитизмом, должна быть как бы вновь возвращена государству. Для этого требуется, во-первых, разбить живую силу бандитских вооруженных шаек и, во-вторых,—овладеть источниками питания бандитской войны, так сказать, жизненными центрами бандитизма.

Эти занимаемые нами жизненные центры должны быть не только занавле ы во руженной силой, но и местное население искусными мероприятиями должно быть излечено от эпидемии бандитизма.

Таким образом, в занимаемых бандитских областях надо организовывать не только вооруженное сопротивление возможности нового появления бандитизма, но, главное, надо создать „сопротивление среды“ появлению этого бандитизма.

Вполне понятно, что такая сложность задачи заставляет чрезвычайно тщательно подготовить военные действия против бандитов в организационном, административном, оперативном и строевом отношениях, как в чисто военной, так и в политической стороне дела.

Не следует увлекаться мелкими оперативными задачами в ущерб общей подготовке в начальный период боевых действий.

Операции против бандитов должны вестись с непогрешимой методичностью, так как бандитизм лишь тогда будет сломлен морально, когда самый характер подавления будет внушать к себе уважение своей последовательностью и жестокой настойчивостью. Ведение же малой войны против шаек не может искоренить бандитизма и, как показывает опыт, только раздувает разбойничий и партизанский пыл бандитов.

Как уже упоминалось выше, военные действия против бандитов заключаются: а) в операциях по уничтожению главных масс живой силы бандитских шаек и б) в занятии и закреплении за собой источников питания бандитизма.

Первая задача, с точки зрения военной, наиболее простая и не заключает в себе ничего специфического, ничего специального противо-бандитского. Как и всегда, надо хорошо организовать разведку, иметь образцовую связь и внимательно нести службу охранения. Банды, как только они будут обнаружены, должны немедленно и стремительно атаковываться и уничтожаться. Преследование должно вестись неотступно до окончательного распыления банды.

Вторая задача гораздо труднее и от нее почти всецело зависит исход борьбы с бандитизмом. Этот период борьбы мы называем обыкновенно оккупацией. Вся территория, охваченная бандитизмом, разделяется на участки, охранение спокойствия в которых поручается особым войсковым начальникам и подчиненным им войскам.

На основе этого военного обеспечения вновь восстанавливается Советская Власть, которая и организует сопротивление среды возникновению бандитизма.

Военные действия во время оккупации будут не только узко-территориальные, ограниченные границами участка, но будут также действиями вполне самостоятельных отрядов, непрерывно преследующих странствующие, наиболее важные, банды.

Обыкновенно банды бродят по всему району бандитизма. Войска каждого участка оккупации должны неизменно атаковывать эти банды и стремиться уничтожить их в пределах своих границ. Таким

образом, банды попадают в серьезный переплет. Однако, переходя из участка в участок, они находят все-таки время для отдыха, оправляются, пополняются местными кулаками и потом вновь начинают активно проявлять себя.

Для того, чтобы избежать таких явлений, необходимо против каждой выдающейся банды выделить особый надежный и сильный отряд, который должен иметь своей целью непрерывное преследование и наседание на банду, должен не давать ей нигде останавливаться и отдыхать, а тем более комплектоваться.

Остановка банды на отдых уже тем самым ставит перед этим отрядом задачу атаковать ее. Словом, этот отряд должен присосаться, как пиявка, к своей банде и не должен давать ей ни сна, ни отдыха, ни возможности сорганизоваться.

При такой организации борьбы главнейшие банды, как, например, Антонова и проч., берущиеся в переплет оккупирующими участок войсками, в то же время непрерывно преследуются индивидуальными „пиявочными“ отрядами, которыми и сводятся окончательно на нет.

Оккупирующие войска по участкам не должны ни в коем случае распыляться на мелкие отряды.

Каждый отдельный отряд такого участка должен быть в состоянии вести самостоятельно бой с любой шайкой бандитов, а потому размеры таких банд и определяют минимальные размеры отдельных отрядов оккупирующих участков.

Распределение сил участков по территории должно быть произведено по следующим соображениям: с одной стороны, как уже упоминалось выше, отдельные отряды не должны быть слабее бандитских шаек, а, с другой стороны, эти отряды должны поспевать своевременно в любое место своего участка. При наличии крупных шаек бандитов, незначительных наших сил и обширных участков эти два условия могут стать в противоречие друг с другом. Поэтому, вопрос распределения сил должен быть тщательно изучен, и войска должны быть распределены не равномерно по всем участкам, а в зависимости от интенсивности бандитизма в том или другом районе. Если войсковые средства позволяют, то распределение сил необходимо совершить из расчета времени, в какое должен поспеть отряд к самому отдаленному месту участка. Численность отряда, как указано выше. По мере того, как сил будет не хватать, одинаковых результатов придется достигнуть за счет форсировки передвижений отрядов.

Остальные отряды, выделенные участками, точно также получают участки, в которых они отвечают за ликвидацию банд. Эти отряды уже не должны дробиться, так как иначе отдельные их части

будут по одиночке биться бандами. Эти отряды должны располагаться кучно, но зато по всему своему участку они должны тщательно организовать разведку и связь, чтобы в любую минуту хорошо знать, где, и что на участке делается и чтобы немедленно атаковать банду, если таковая где-нибудь появится.

От отрядов должны обязательно выставляться охраняющие части и вообще служба охранения должна нестись более, чем тщательно.

Таковы, в общих чертах, военные действия при проведении оккупационного метода борьбы против бандитов. Мы видим отсюда, что воинские части могут бороться только лишь с создавшимися уже шайками, но не могут предотвратить их создание всюду, так как располагаются кучно, в определенных пунктах, и на всем своем участке, конечно, не углядеть за населением.

Эту работу по недопущению возникновения бандитизма, по созданию того сопротивления среды, о котором говорилось выше, ведут уже не войсковые части, а органы Советской Власти, опирающиеся на гражданскую вооруженную силу—Советскую Милицию.

Формирование милиции в бандитских районах должно вестись не на общих основаниях. Она ни в коем случае не должна состоять из местных уроженцев, должна быть обильно разбавлена коммунистами и надежным командным составом. Но численность должна быть значительно повышена, в сравнении с установленными нормами.

Эта гражданская вооруженная сила послужит уже не сгруппированной, а, наоборот, децентрализованной опорой для местной низшей Советской Власти.

Работа милиции, вместе с впечатлением непоколебимой мощи Красной Армии, которое обязательно должно быть внушено крестьянам нашими войсками, создаст то устойчивое, успокаивающее настроение, которое должно быть затем закреплено Советской работой Ревкомов.

Для внушения вышеупомянутого уважения к силе Советской Власти и Красной Армии необходимо провести следующие меры: 1) Никогда не делать невыполнимых угроз. 2) Раз сделанные угрозы неуклонно, до жестокости, проводить в жизнь до конца. 3) Переселять в отдаленные края РСФСР семьи не сдающихся бандитов. 4) Имущество этих семей конфисковывать и распределять между советски настроенными крестьянами. Это внесет расслоение в крестьянство и на этом может опереться Советская Власть. 5) Советски настроенные крестьяне должны прочно и надежно охраняться нашими силами от покушений бандитов. Вообще, проведение успокоения сразу создаст много сторонников Советской Власти среди крестьян, так как бандитизм и утомителен, и разорителен для крестьянской массы. 6) Советски настроенных крестьян надо всячески втягивать в Советскую работу, в организацию разведки против бандитов и проч. Это поставит между этими крестьянами и бандитами непреодолимую грань.

Вот те руководящие начала, на основании которых будет вестись борьба по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии.

Здесь даны лишь принципиальные указания, организационные же формы борьбы даются в соответствующих приказах.

Начальники и комиссары всех степеней должны твердо усвоить себе принятые методы борьбы с бандитизмом и согласовать свои действия с общим духом инструкции".

В течение мая месяца шла усиленная подготовительная работа. Были точно обозначены границы боевых участков; на последних были распределены части, составившие гарнизоны. При этом надо отметить, что, благодаря плохой агентурной разведке, трудно было определить точно—какие именно места являлись главной базой банд, а приходилось намечать их ощупью и соответственно с этим намечать уже, какими силами занимать данный район.

Учитывая, что главную роль при оккупации района, охваченного бандитизмом, должна играть политпросветработа, которая должна подготовить „сопротивление среды", было обращено внимание на соответствующую подготовку ревкомов. Для создания последних была об'явлена мобилизация местных коммунистических сил, а также затребованы коммунисты из других мест.

Для координирования действий военных, политических и гражданских органов были созданы при каждом боевом участке „учполиткомиссии", в которые входили: начальник боевого участка, военком, начподив, представитель уисполкома и представитель особого отдела. Эти „учполиткомиссии" являлись на местах органами полномочной комиссии В. Ц. И. К., находившейся в Тамбове.

Для уничтожения подвижных банд Антонова 27 мая была образована сводная кавгруппа, в составе двух кавбригад: Котовского и отдельной тамбовской—Дмитриенко, под командой т. Уборевича. Группа приступила к выполнению возложенной на нее задачи 28 мая.

Преследование Антонова.

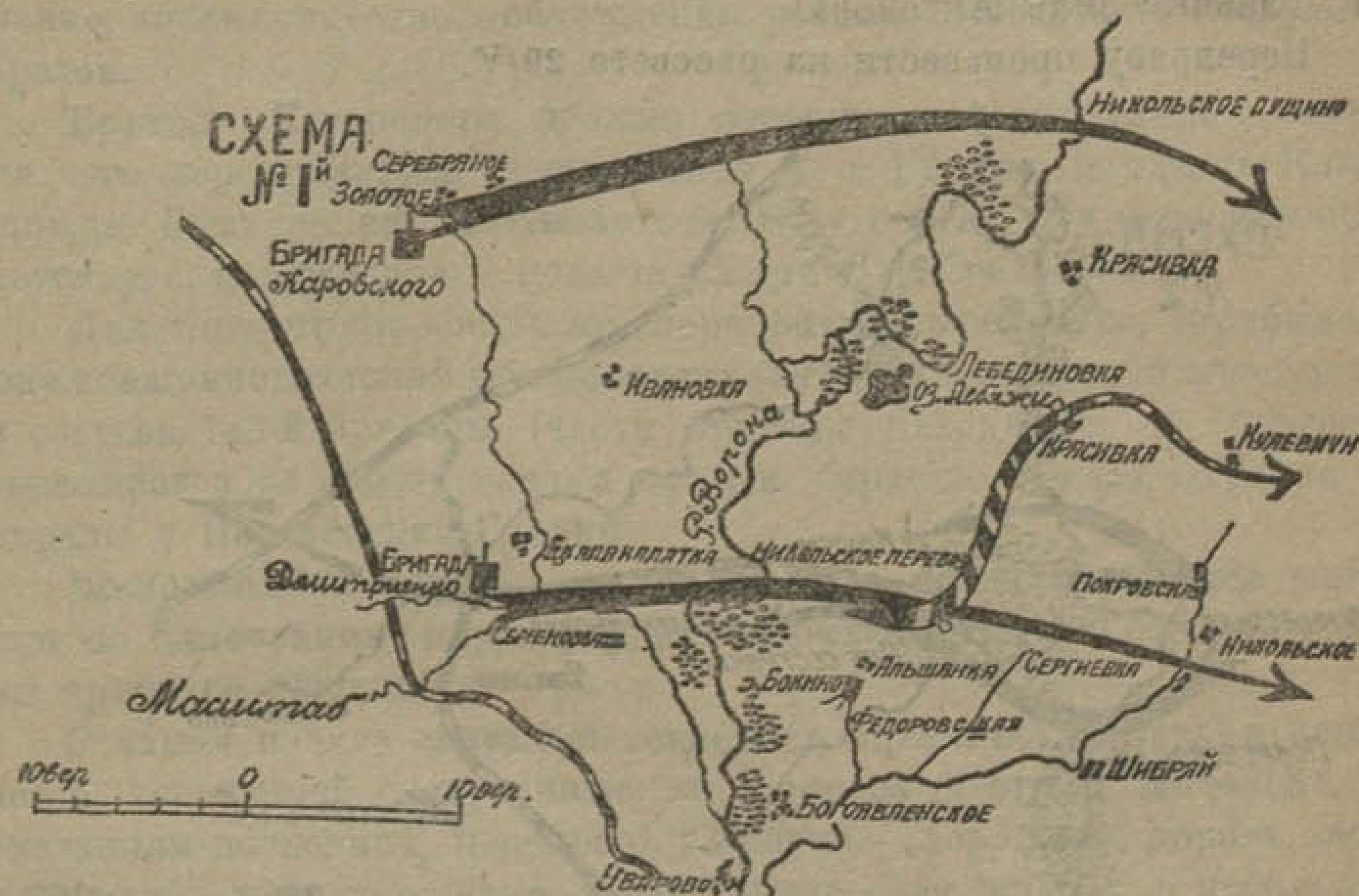
Группировка сторон к 27 мая

(схема № 1).

Банда Антонова. По имевшимся сведениям, банда, во главе с Антоновым, силою около 4000 сабель при 12 пулеметах, в составе: 4, особого, 14 и 9 полков, сгруппировалась по р. Вороне в районе оз. Лебяжье.

Красные части. Бригада Катовского (около 800 сабель при 3 орудиях и 30 пулеметах—в районе Золотое-Серебрянное. Бригада Дмитриенко (950 сабель и пулеметы)—в районе Екалатка—Семеновка.

К участию в этой операции были также привлечены находившиеся в этом районе два батальона 1-го Борисоглебского полка.

Начало операции.

Приказом по сводкавгруппе № 2/оп бригадам была поставлена следующая задача: *Отдельной кавбригаде Дмитриенко*—вечером 28 мая переправиться через р. Ворону у с. Уварова и к 7 час. утра 29/V, заняв Бокино, атаковать банду с тыла, не допуская ее отхода в восточном направлении.

Батальону 1-го Борисоглебского полка—занять Богоявленское—Шибряй, не допуская отхода банды на Уварово.

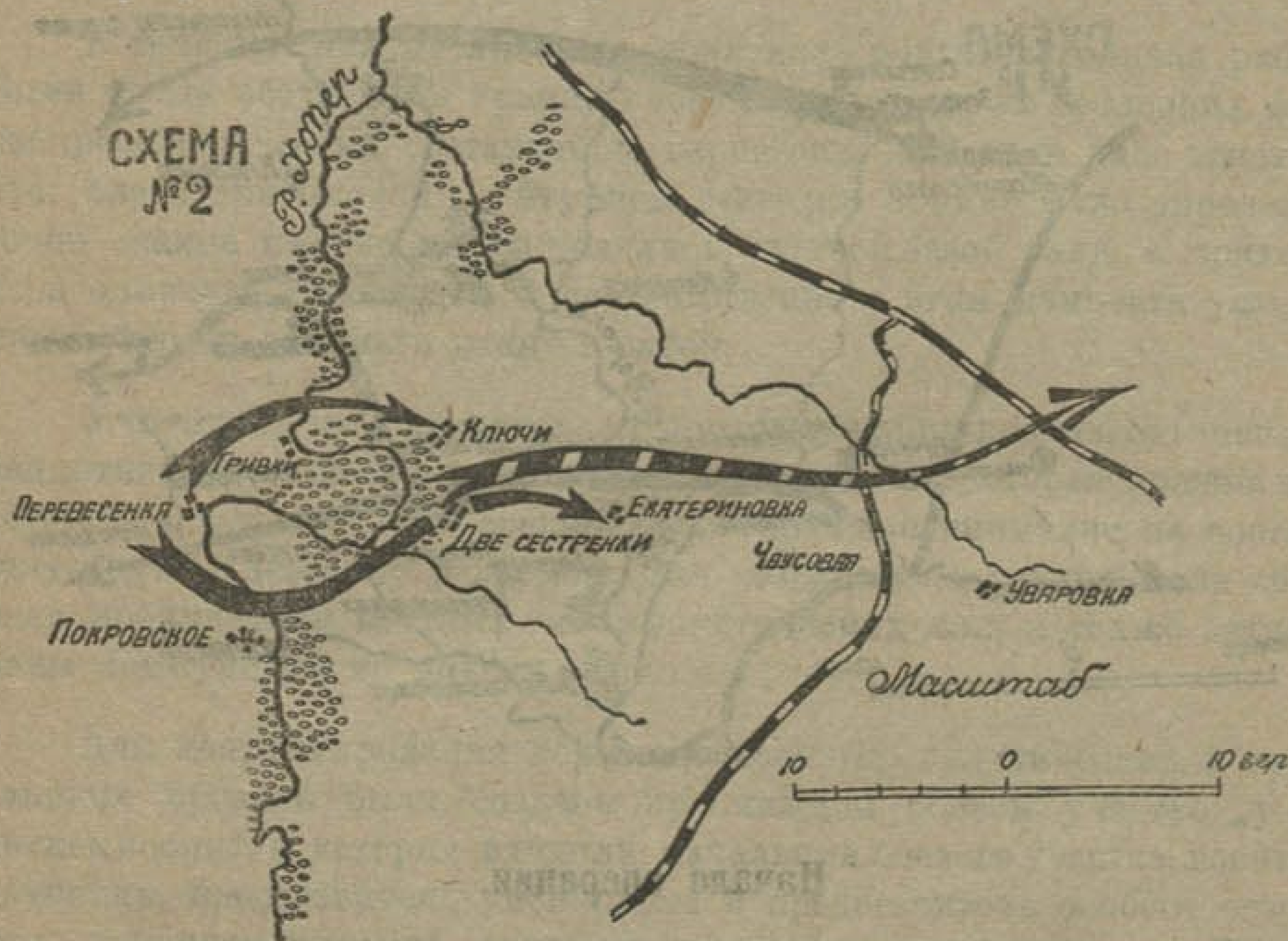
Бригаде Катовского—к вечеру 28/V занять главными силами район Ивановская, а батальону Борисоглебского полка с двумя эскадронами—Семеновку, имея под наблюдением переправы и пути от Никольское—Пущино до Семеновка-Нижняя включительно и не допуская отхода банды из занятого ею района 29/V форсировать р. Ворону в районе Никольское-Перевоз, после чего атаковать главное ядро Антонова по обстановке, не допуская его отхода в западном и юго-западном направлении. (Схема № 2).

В связи с вновь полученными данными о противнике, в тот же день был дополнительно отдан приказ сводкавгруппе № 3/оп, коим приказывалось: бригаде Дмитриенко переправиться через р. Ворону у Никольское-Перевоз, распространяясь энергично в общем направ-

лении на Лебяжье—Ольшанка—Сергиевка с целью охватить банду с юга и востока и энергичным ударом отбросить ее на запад к р. Вороне, не допуская отхода противника в южном и восточном направлении. Охват произвести к вечеру 28/V.

Бригаде Катовского—переправиться через р. Ворону у Никольское-Пущино или Никольское-Перевоз и стремительным ударом разбить главные силы Антонова.

Переправу произвести на рассвете 29/V.

Изменение задачи не могло уже, однако, изменить намерения Антонова. Он находился в своем центре и был отлично осведомлен о наших намерениях. На рассвете 29 мая банда форсированным маршем двинулась из занимаемого района через Никольское-Пущино, раньше чем прибыли туда наши части,—в направлении на Красное Колено. Почти в каждом селе, т. е. через каждые 10 верст, банда меняла лошадей и продолжала таким же форсированным маршем уходить от преследования.

Продолжая свое движение беспрерывно в течение всего дня 29 мая и всей ночи, банда к утру 30/V достигла линии р. Хопер и, переправившись через эту реку у с. Перевесенки, расположилась на левом берегу в лесу.

Бригада Катовского неотступно преследовала банду, находясь от нее на расстоянии меньше перехода. Бригада Дмитриенко также неотступно преследовала банду и заняла с. Перевесенки и южнее, к Хопру, с. Покровское, спустя два часа после ухода оттуда банды. Бригада Катовского прибыла в с. Перевесенки в 17 час.

Создавшаяся обстановка, казалось бы, давала возможность покончить с бандой и, как будто, в данном случае должен был восторжест-

вовать принцип параллельного преследования, примененный в данном случае тов. Уборевичем. Но обстоятельства сложились несколько иначе и доказали другое, а именно, что всякий принцип хорош до тех пор, пока его правильно применять и уметь использовать те выгоды, которые он дает.

Собравшись в с. Перевесенки, комбриги т. т. Катовский и Дмитриенко, после совместного обсуждения, решили действовать следующим образом.

Бригада Катовского должна совершить охват банды с севера, для чего переправиться через Хопер у с. Гривки и занять Ключи; бригада Дмитриенко охватывает бригаду с юга, для чего переправляется у с. Покровское и должна занять Две Сестренки.

Для того, чтобы банда не переправилась обратно, прибывший сюда коммунистический Балашевский батальон, усиленный одной ротой из состава 148-й бригады (части бригады находились по близости) и эскадрон в 30 сабель заняли правый берег р. Хопра, охраняя переправы у Перевесенки-Гривки.

Прибывший в Перевесенки к моменту, когда части уже выступали по намеченному маршруту, комсводкавгруппы т. Уборевич утвердил принятое решение.

В самом начале сказалась скверная привычка разведки наших частей, черпающей свои данные из „опроса местных жителей". По показаниям последних, переправа у Гривки—„хорошая", дорога лесом на Ключи—„тоже хорошая", а расстояние—две версты „с небольшим гаком".

Когда двинулись—оказалось, что переправа для артиллерии трудная, дорога песчаная, причем песок до колен, а „небольшой гак" оказался еще в 3 версты. Вместо предполагавшихся на переход двух часов, затратили почти 7 часов, так как орудия вязли в песке и вытаскивать каждое орудие надо было с припряжкой целого эскадрона.

Бригада Дмитриенко чего-то также задержалась и заняла Две Сестренки с опозданием. Тем временем банда Антонова, разведав об уходе наших частей из Перевесенки, двинулась из леса в направлении на Две Сестренки.

Бригада Дмитриенко, расположившись в селе и узнав, что по дороге мимо села двигается банда, вместо того, чтобы решительно и энергично атаковать ее, ограничилась тем, что открыла по банде ружейный и пулеметный огонь.

Бригада Катовского, выбравшись из леса и узнав о продвижении банд, было бросилась ее преследовать, но наступившая темнота и сильная усталость конского состава не позволили этого сделать; бригада вынуждена была повернуть и заночевать в с. Две Сестренки.

Разбор.

1) Решение комбригов Катовского и Дмитриенко было неосновательно и неверно, так как они не уяснили, очевидно, что параллель-

ное преследование само по себе не ведет еще к уничтожению противника и ведется до благоприятно создавшейся обстановки с тем, чтобы ударом завершить дело. Создавшаяся же обстановка была именно такова, что от преследования надо было перейти к решительному удару. Незачем было охватывать банду с севера и с юга; правильнее и целесообразнее было: бригаде Катовского (была вся сосредоточена в с. Перевесенки, а из бригады Дмитриенко один полк был в Перевесенки, а два полка в Покровском), переправиться вслед за бандой у Перевесенки; Бригаде Дмитриенко переправиться у Покровского, для охвата банды с юга, с тем, чтобы не дать ей уйти вперед.

Переправу бригады Катовского можно было обеспечить поддержкой артиллерии (3 орудия бригады Катовского). Охрану переправ у с. Гривки и Красавки надо было возложить на надежный и стойкий коммунистический батальон, поручив ведение разведки Балашевскому батальону.

При таком решении банда была бы поставлена в крайне тяжелое положение, и успех был бы обеспечен.

2) Приняв решение двинуть бригаду Катовского на Ключи через лес, Катовскому надо было выслать вперед разведку (не сделал этого и командир батареи), тогда, может-быть, он не потерял бы столько дорогого на войне времени и принял бы другое решение, более соответствующее обстановке.

Дальнейший ход операции.

Ввиду сильной усталости людей и конского состава, преследование банды на следующий день 1-го июня было отложено, и части расположились на отдых: бригада Катовского—в с. Две Сестренки, бригада Дмитриенко—в с. Катериновке. (Схема № 3).

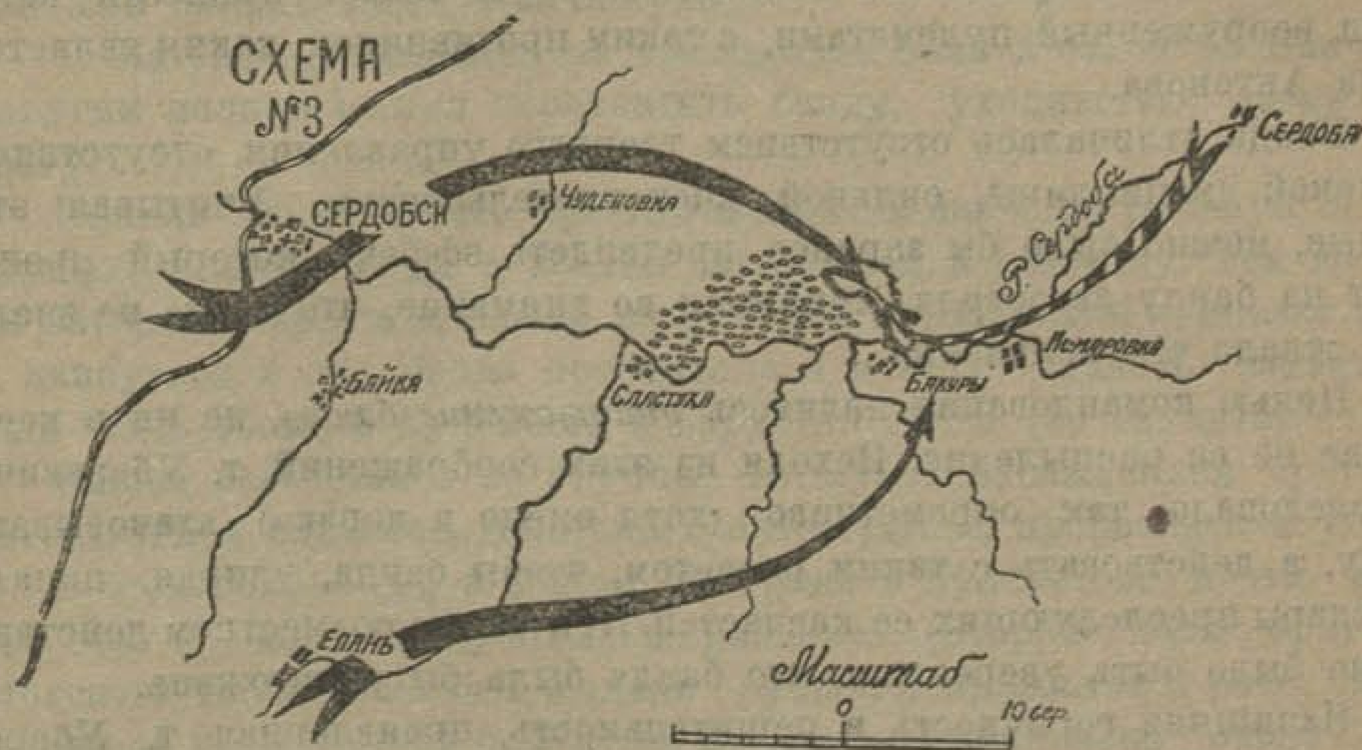
Еще при сформировании сводкавгруппы т. Уборевич задался мыслью создать автоотряд из легкового типа грузомашин, вооружив его пулеметами. (По некоторым данным, идея создания автоотряда из полугрузовиков первоначально возникла у начальника 1-го боевого участка, т. Федько). Мысль эта возникла вследствие того, что преследование банды кавалерией—бессменно на одних конях, в то время, когда бандиты, идя впереди, меняли все время конский состав—не давало определенной уверенности в успехе. Предыдущий опыт доказал, что наши части никогда не могли угнаться за бандой из-за усталости конского состава.

Автоотряд обещал те преимущества, что он будет обладать большей скоростью движения, и банды не смогут уйти.

Эпизод у с. Перевесенки показал, что как ни хорош принцип параллельного преследования, он все же окажется неминуемо несостоятельным, если обе стороны находятся не в одинаковых условиях с пополнением конским составом. Конский состав наших кавчастей устал и из-за этого надо было прекратить преследование, а банды,

сменив впереди лошадей, за одну ночь оторвались на 70 верст. Таким образом, уже не могло быть уверенности, что банду удастся догнать.

Т. Уборевич еще раз потребовал от командвойск скорейшей высылки автоотряда, каковой прибыл 1-го июня в составе 6 полугру-

зовиков и одной легковой машины, вооруженных двумя пулеметами каждый грузовик. Во главе отряда прибыл начальник 1-го боеучастка т. Федько. В тот же день в 19 час. т. Уборевич, вместе со своим начальником штаба, став во главе автоотряда, бросился преследовать банду. Кавчастям была дана задача: на рассвете 2 июня выступить и двигаться по пути движения противника.

Бой автоотряда с бандой.

1-го июня автоотряд настиг банду у с. Елань и вступил с ней в бой. Неожиданность появления автоотряда, решительность, с которой он атаковал банду, произвели сильное замешательство в рядах последней, и Антонов со своими войсками бросился в панике удирать, преследуемый и расстреливаемый автоотрядом. Преследование продолжалось на протяжении около 20 верст.

Банда скрылась в лесу, что в 3 верстах севернее г. Сердобска. Автоотряд, вследствие порчи камер и отсутствия горючего, вынужден был прекратить преследование.

Насколько сильное впечатление произвел на банду налет автоотряда, можно судить по тому факту, что Антонов бежал, не зная куда и, узнав от жителей, что селение, видневшееся вблизи—г. Сердобск, бросился в лес.

По пути бандой была брошена значительная часть обоза, подобранная крестьянами. Потери в людях банда понесла самые незначительные.

Выводы.

Какой же вывод можно сделать из этого эпизода? Мыслимо ли вести борьбу с бандой силой одного автоотряда?

На эти вопросы следует ответить безусловно отрицательно, не отрицая, однако, громадной пользы, которую может принести автоотряд, вооруженный пулеметами, с таким противником, каким является банда Антонова.

Банда отличалась отсутствием твердого управления, отсутствием воинской дисциплины, сильной впечатлительностью. Учитывая эти данные, можно было бы заранее предвидеть эффект, который произведет на банду автоотряд, принимая во внимание, что банда не знала и не ждала его появления.

Целью командования являлось *уничтожение банды*, но ни в коем случае не ее распыление. Исходя из этих соображений, т. Уборевичу не следовало так опрометчиво (хотя смело и дерзко) атаковывать банду, а действовать с таким расчетом, чтобы банда, удирая, попала под удары преследующих ее кавчастей. При таком сoвместном действии можно было быть уверенным, что банда была бы уничтожена.

Излишняя горячность и решительность, проявленная т. Уборевичем, как видно будет из дальнейшего изложения, привела не столько к уничтожению банды, сколько к ее распылению.

Бой у с. Бакуры.

2-го июня кавгруппа была в движении по пути следования банды: бригада Катовского двигалась через с. Байки, что в 12 в. южнее г. Сердобска, в направлении на Сластуху, что 18 в. юго-восточнее г. Сердобска. Бригада Дмитриенко—в движении на Елань, что 25 в. южнее г. Сердобска.

По имевшимся сведениям, Антонов находился на рассвете в м. Сердобе, что 48 в. восточнее Сердобска, и, выступив оттуда, расположился в с. Бакуры, что 20 в. юго-западнее м. Сердобы.

Автоотряд, преследуя банду, выступил из м. Сердобы в направлении на с. Комаровку, что 15 в. южнее м. Сердобы, охватывая банду с севера и нагоняя ее на бригаду Катовского.

Однако, не дожидаясь подхода бригады Катовского, т. Уборевич с автоотрядом решил атаковать банду, расположенную в с. Бакуры. Отряд решительно влетел в село, где в это время банда была готова к выходу, построенная в колоннах, и, развернувшись, стал почти в упор расстреливать банду.

Последняя в панике бросилась в разные стороны, расколовшись на три группы. Часть засела в избах и обстреливала авто-грузовики; обстреливая пулемет, установленный бандой на колокольне, автоотряд под'езжал к избам, где засели бандиты и бросал туда ручные гранаты.

В это время бригада Катовского подходила к с. Бакуры. По дороге, заметив в овраге пыль, комбриг т. Катовский, узнав от проходивших жителей, что это двигается часть банды с Антоновым во главе, решил ее атаковать. Но другие встречные крестьяне показали, что это только часть банды, примерно в 500 сабель, а сам Антонов с главными силами засел в с. Бакуры.

Т. Катовской направил на рысях один полк в обход на Бакуры, а другим полком решил перехватить банду, уходившую лесом по оврагу.

Приняв это решение, тов. Катовский, однако, не рискнул сразу атаковать в лесу банду, а поехал сам вперед, в разведку. Тем временем батарея открыла огонь по лесу. Пока т. Катовский приказал полку двинуться в лес, банда проскочила и в лесу удалось захватить лишь часть обоза, 6 пулеметов и зарубить около 100 бандитов.

Банда, разбившись на группы, пользуясь распылением бригады и отсутствием единства действий с автоотрядом, прорвалась и ушла.

В этом бою банда, в общем, потеряла 9 пулеметов, почти весь свой обоз и около 500 убитых и раненых. (Второй полк бригады Катовского также имел бой с одной группой и прижал ее к реке, часть зарубил, а часть потонула в реке, а всего уничтожено около 200 бандитов).

Разбор.

В этом бою особенно наглядно видим вредность для общей цели—уничтожения банды—самостоятельного боя автоотряда. Автоотряд, действуя смело и решительно, мог только деморализовать банду, причинив ей некоторые потери, но, конечно, не мог ее уничтожить. Зато автоотряд, в погоне за этим легким эффектом, удалял момент окончательного уничтожения банды, способствуя ее рыспылению и затрудняя тем самым борьбу с нею.

В данном случае была полная возможность координировать действия автоотряда и кавбригады и совместным дружным ударом нанести решительное поражение банде.

Но это возможно было бы тогда, если бы т. Уборевич не увлекся действиями автоотряда, не гонялся бы сам на автомобиле, а держал бы крепко в своих руках управление, поддерживая и устанавливая связь автоотряда и кавчастей. А это можно было сделать, с одной стороны, через радио (были в обеих бригадах) и, с другой, тем же легковым автомобилем.

Но здесь надо отметить эту особенность т. Уборевича, как общую черту, свойственную, к сожалению, многим нашим, даже талантливым, начальникам. Последние, давая личный пример, часто, увлекаясь, забывают свою главную роль начальника и выпускают из рук управление. Старая истина: если старший начальник хочет сам быть в цепи, в разведке и везде, то он не будет нигде, и управление пострадает.

То же самое случилось и с комбригом Катовским в этом же бою.

Вместо того, чтобы правильно ориентироваться в создавшейся обстановке, верно разведать противника, он, основываясь на рассказах встречных крестьян, разделил бригаду, не зная, где главные силы Антонова, и сам отправился в разведку. Мысль тов. Катовского была лучше: разобраться в том, что за колонна надвигается, но хотя это и верно, из этого вовсе не следует, что он должен был это сделать лично.

В результате этого боя следует отметить, помимо указанных недостатков, что начало конца банды было положено.

Банда была деморализована, пала духом, убедилась, наконец, что ее преследуют решительно и что конец ее неминуем.

Прорыв банды через жел. дор.

Антонов, с значительной частью уцелевшей банды, уйдя из Бакур, бросился на север, в направлении на Пензу, расчитывая прорваться через железную дорогу, охраняемую бронепоездами и вернуться в свой „жизненный центр"—в Тамбовскую губ.

План Антонова не трудно было разгадать, зная, что им утеряны почти все пулеметы, что патроны у него на исходе, так как им потерян почти весь обоз. Кроме того, попав в Саратовскую губ., Антонов оторвался от своей базы, лишился поддержки населения, наоборот—попал в явно враждебную ему среду, так как саратовские крестьяне всемерно нам помогали и ловили отставших бандитов, расправляясь с ними самосудом.

Крестьянство поголовно было озлоблено, так как Антонов их немилосердно грабил, забирая последнюю лошадь, и оказывало нам большую помощь. Так, крестьяне сами организовывали разведку на 10-15 верст вперед, оповещая о приближении банды окрестные села, и давая нам все нужные сведения.

Банда расположилась в лесу, что возле Кромщины-Князева (35 в. южнее Пензы и 10 в. восточнее ст. Кромщины).

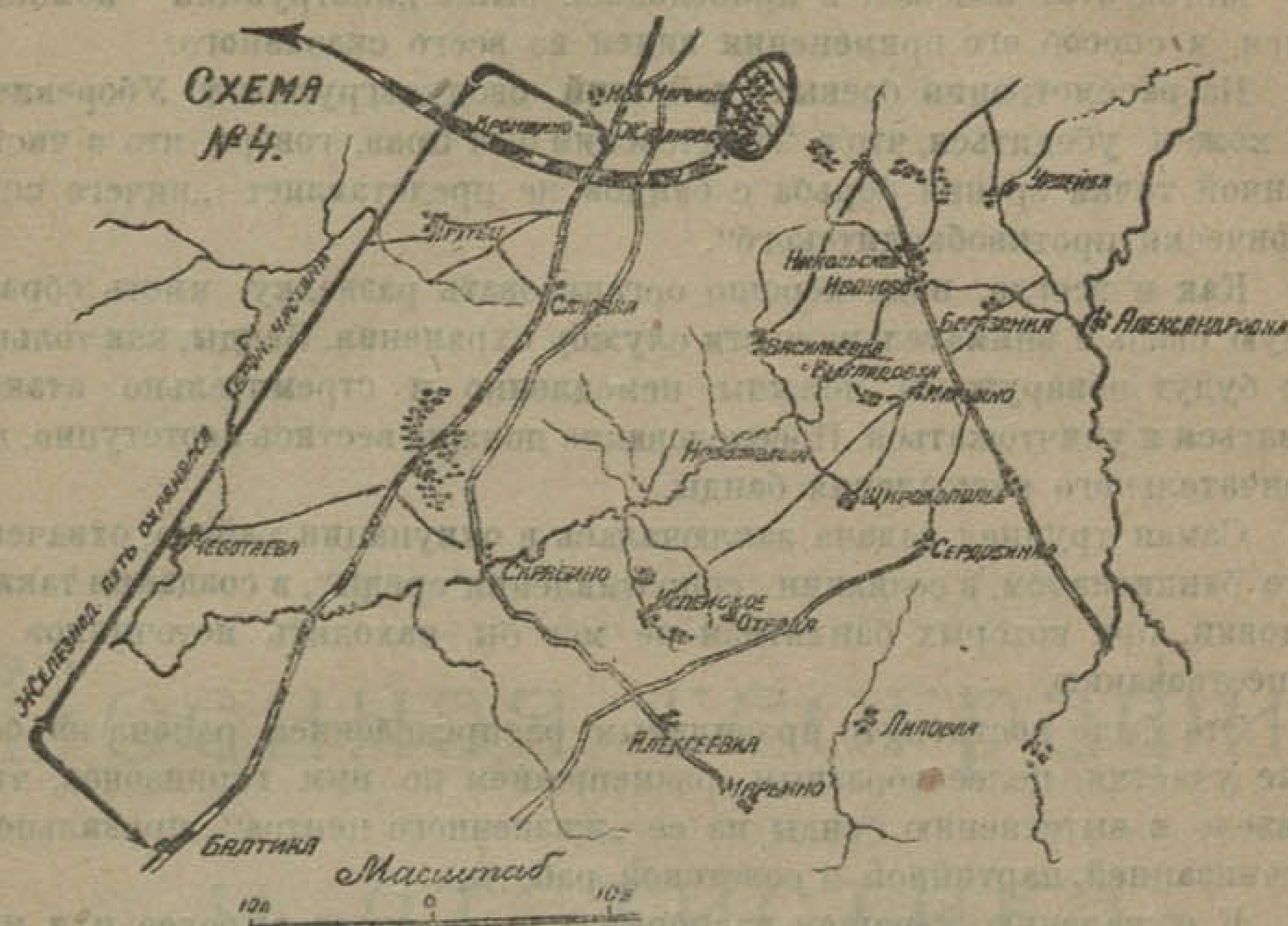
Получив эти сведения, т. Уборевич потребовал две бронелетучки и бронепоезд и поставил им задачей охранять линию железной дороги Кромщины-Балтинка. (Схема № 4).

Бригада Дмитриенко была двинута на ст. Колышлей, а бригада Катовского преследовала банду по пятам.

Ночью банда перешла линию железной дороги в 3 в. южнее ст. Кромщины, что называется, под самым носом у бронелетучки, и двинулась в Чембарский уезд, направляясь в Тамбовскую губ. Произошло это вследствие того, что бронепоездам не были даны точные участки, и они курсировали по всей линии Кромщины-Балтинка.

Навстречу банде была брошена 14-я кавбригада, из района Кирсанова.

По дороге банда была настигнута автоотрядом и, совместно с бригадой Дмитриенко, он нанес ей сильный удар. Затем банду еще атаковала подоспевшая 14 кавбригада и уцелевшие остатки ее разб-

релись в разные стороны. Сам Антонов, раненый в голову, с 30 бандитами скрылся в Чернавских лесах по р. Вороне.

Заключение.

Приведенными боевыми эпизодами не исчерпывается борьба по окончательной ликвидации антоновщины в Тамбовской губ. После разгрома главного ядра Антонова, т. Уборевичем была уничтожена еще банда Богуславского под Новохоперском, а также и банды Карася. Мы не приводим этих эпизодов, как не внесших ничего нового в формы борьбы. Преследование и уничтожение последних двух банд было в общем и целом проведено так же, как и преследование главного ядра Антонова. В дальнейшем, распыленные остатки банды излавливались и уничтожались.

Командвойск Тамбовской губ. т. Тухачевский, начав с 1-го мая борьбу с Антоновым, закончил к 10 июня. К этому времени Тамбовская губ. была очищена от антоновщины, не считая мелких шаек, которые были уничтожены позже.

Таким образом, мы видим, что в течение 40 дней были достигнуты такие результаты, которых ранее не достигали в продолжении года

Это обстоятельство дает нам основание прийти к заключению, что метод борьбы, примененный т. Тухачевским, был, в общем, правилен и поэтому он дал такие результаты.

Метод этот изложен в приведенной выше „инструкции" командвойск, и способ его применения виден из всего сказанного.

Из рассмотрения боевых действий сводкавгруппы т. Уборевича мы можем убедиться, что т. Тухачевский был прав, говоря, что с чисто военной точки зрения борьба с бандой не представляет „ничего специфически противобандитского".

Как и всегда, надо хорошо организовать разведку, иметь образцовую связь и внимательно нести службу охранения. Банды, как только они будут обнаружены, должны немедленно и стремительно атаковываться и уничтожаться. Преследование должно вестись неотступно, до окончательного распыления банды.

Самая трудная задача заключалась в оккупации района, охваченного бандитизмом, в создании „сопротивления среды", в создании таких условий, при которых бандитизм не мог бы находить источников к существованию.

Это было достигнуто правильным распределением района на боевые участки, целесообразным размещением по ним гарнизонов, что привело к вытеснению банды из ее „жизненного центра", правильной организацией партийной и советской работы.

К сожалению, в нашем распоряжении не имеется более или менее полных данных об этой работе, которая безусловно сыграла колоссальную роль в ликвидации антоновщины, и мы пожелаем лишь, чтобы эта работа была также освещена.

Военная география и статистика.

Н. Глудин.

Вооруженные силы Финляндии.

Империалистическая война и наша революция создали целый ряд самостоятельных государств на нашей западной границе.

Все эти западные соседи, за исключением Польши, весьма не велики, как по территории, так и по населению. От Северного океана до Черного моря тянется полоса этих государств, отделяя нашу Советскую Республику от крупных западных буржуазных государств и служа, по заявлению их, буфером между „страшным варварским коммунизмом и цивилизованными странами". („Защита западных цивилизаций от советского варварства", речь Троцкого на IX с'езде).

Возникнув из огня империалистической и революционных войн— эти маленькие республики напрягают все силы и средства для создания своих вооруженных сил.

Крупные хищники Запада деятельно помогают им в этом всеми средствами, дабы использовать их, как орудие удушения Советской Власти: об'единяют их в союзы, создавая „малую антанту" для совместных действий против нас. В задачу настоящего очерка входит краткое описание вооруженных сил одной из этих республик—Финляндии.

Состав и численность вооруженных сил Финляндии. Национальные финские войска были уничтожены в 1901 году, и нынешняя финляндская армия возникла и с'организована во время междуусобной войны со своим рабочим правительством в 1918 г.

Первоначальное построение армии было основано на принципе добровольческом: лишь впоследствии, победив рабочее правительство, белогвардейская Финляндия приступила к формированию постоянной регулярной армии на основе всеобщей воинской повинности.

Военные силы Финляндии делятся на: 1) полевые, 2) гарнизонные, 3) пограничные, 4) воздушные, 5) береговую оборону и 6) охранную гвардию.

В мирное время в постоянной армии служит не более 1% населения.

На действительной службе в настоящее время находятся:	1900 и 1901	годы	36,000
В резерве	1895 по 1899	„	90,000
В ополчении I разряда .	— 1894	„	16,000
В ополчении III разряда .	1902 по 1904	„	54,000
		Всего	196,000

Устройство военного управления. Верховным главнокомандующим является, по конституции, президент, но он может передать командование другому лицу. В непосредственном подчинении президенту, кроме главнокомандующего, находится военный министр и начальник главного штаба.

При президенте находится канцелярия по военным делам.

Главнокомандующий есть начальник обороны страны; ему подчинены все ее вооруженные силы.

Главнокомандующий руководит мероприятиями по усилению обороноспособности страны, боевой подготовкой и обучением войск и т. п.

При главнокомандующем имеется штаб войск. Военный министр ведает вопросами организации, укомплектования и снабжения армии через подчиненное ему военное министерство.

Начальник главного штаба ведает, главным образом, составлением плана обороны страны. В военное время он является начальником штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами страны.

В военно-административном отношении страна разделена на военные или призывные округа. Назначение округов то же, что и наших военкоматов, т. е. учет военно-обязанных и подготовка к мобилизации.

Полевые войска. В мирное время имеется 3 стрелковых дивизии, одна егерская бригада и одна кавалерийская бригада.

В военное время дивизии доводятся до штатов военного времени, а из резерва и, частью, из ополчения формируются 3 резервных дивизии, одна егерская резервная бригада и одна резервная кавалерийская бригада. Возможны формирования и 3-ей очереди.

Таким образом, надо расчитывать, что в военное время полевая армия будет состоять из: 9 стрелковых дивизий, 3 егерских бригад и 3-х кавалерийских бригад.

Организация стрелковой дивизии. Дивизия мирного времени состоит из 3-х пех. полков, одного артиллерийского полка, роты связи, минометной роты, пионерного батальона, самокатного батальона, двух пулеметных рот и временно придаваемых частей и учреждений вспомогательного назначения.

В военное время в состав дивизии входят:

1) Штаб дивизии.

2) Три пехотных полка, полк трехбатальонного состава, батальон трех пех. рот и одной пулеметной (6 пулеметов).

3) Кавалерийский полк пятиэскадронного состава (пятый эскадрон—пулеметный).

4) Полевой артиллерийский полк—из трех групп, две легкие и одна гаубичная, в группе по 3 батареи 4-х орудийного состава. По последней организации мирного времени артполк имеет не три, а 4 группы, по две батареи.

5) Саперный батальон.

6) Самокатный батальон.

7) Рота связи.

8) Минометная рота (три взвода по 2 миномета).

9) Две пулеметных роты (по 6 пулеметов).

10). Штаб дивизионного обоза с заводными лошадьми и гуртом скота.

11) 4 продовольственные колонны М.

12) 2 артиллерийские колонны Т. А.

13) 2 ружейные колонны И. А.

14) Полевой госпиталь.

15) Санитарная рота.

Всего 14,300 человек и 6,260 лошадей.

Егерская бригада состоит из трех батальонов, артполка из двух групп и вспомогательных частей. Всего 6,000 человек и 1,750 лошадей.

Кавалерийская бригада состоит из двух кавполков, полк в составе 5 эскадронов, из них один—пулеметный.

Организация войсковых частей, входящих в состав дивизии.

Пехота.—Полк состоит из: а) штаба полка—строевая и хозяйственная часть; б) трех пехотных батальонов и в) обоза. Всего в полку в военное время 2,800 человек (1980 штык., 18 тяжелых пулеметов и 18 легких) и 300 лошадей. Батальон имеет три пехотных и одну пулеметную роту. Пехотная рота трехвзводного состава, по три отделения во взводе. Всего в роте 250 человек (220 штыков и 2 легких пулемета) и 10 лошадей. Пулеметная рота состоит из трех взводов. Взвод—из двух пулеметов, всего 90 чел., 6 пулеметов и 20 лошадей.

Кавалерия. Кавалерийский полк состоит из 5 эскадронов, пятый эскадрон—пулеметный, всего 750 человек, 6 тяжелых и 8 легких пулеметов. Кавалерийский эскадрон—из трех взводов, один из них пулеметный, всего 160 человек, два пулемета и 165 лошадей.

Пулеметный эскадрон в три взвода, всего 110 человек, 6 пулеметов и 115 лошадей.

Артиллерия. Полевой артиллерийский полк состоит из трех артиллерийских групп (две группы легких и одна гаубичная). Группа

из 3-х батарей по 4 орудия. Всего в группе: 510 человек, 330 лошадей, 12 орудий и 6 пулеметов.

Тяжелая артиллерия финской армии состоит из одного полка, организация такая же, как и полевой. В полку 3 группы, группа—в составе 3-х батарей, две с 42 линейными пушками и одна гаубичная.

Саперный батальон состоит из двух саперных рот и одного-двух бронепоездов.

Обозные войска. Продовольственная колонна М. со штабом и собственным обозом имеет 277 человек, лошадей 269, двуколок 222 и кухню.

Артиллерийская колонна Т. А. имеет 283 человека, 324 лошади, 186 повозок и кухню.

Ружейная колонна И. А.—203 человека, 195 лошадей, 157 повозок и кухню.

Вооружение. Пехота вооружена большей частью 3-х линейными винтовками русского образца, в меньшем количестве имеются винтовки немецкой, японской и английской системы.

Кавалерия вооружена немецкими карабинами „Маузер“ и саблями.

Артиллерия: полевые артиллерийские полки вооружены 3-х дюймовыми пушками и 48 линейными гаубицами русского образца. Тяжелая артиллерия вооружена 42-х линейными пушками и 6-ти дюймовыми гаубицами.

Авио и воздухочасти. Во главе воздушных сил стоит начальник авиации, подчиненный штабу войск. Воздухосилы состоят из авио батальона и 3 авиостанций.

Авиобатальон имеет: 1) штаб батальона, 2) авиационно-учебную роту, 3) авиационно-техническую роту, 4) станцию воздушного наблюдения (привязной аэростат).

Авио-станция (отряд)—одну моторную лодку. Кроме того, штабу авиации подчинены морской и английский авиоотряды.

Всего в Финляндии числится 116 аппаратов.

Бронечасти. Имеется: 1) танковый полк в составе трех батарей, по 5 танков в каждой; батареям придано по 2 бронеавтомобиля.

2) Бронепоезда, придаваемые пионерным батальонам и 3) бронемашины.

Береговая оборона. В состав береговой обороны входят: 1) штаб береговой обороны, руководящий и управляющий вооруженными силами береговой обороны, 2) береговая артиллерия в составе 3-х артиллерийских полков. Организация полков, как и полевого артполка, разница лишь в количестве батарей и орудий, 1-й полк имеет 125 орудий, 2-й—93 и 3-й—54 орудия, 3) морской батальон—из штаба двух морских рот и одной минной.

Береговая артиллерия имеет весьма разнообразные орудия, в большинстве—бывшая русская артиллерия крепостей Свеаборг и Выборг. Преимущественно—орудия крупных калибров, до 12 дюймовых

включительно. 4) Береговой флот делится на две части—Ладожскую и Выборгскую флотилии. Ладожская флотилия имеет: 5 судов и 3 моторных катера. Все суда в плохом состоянии и не боеспособны. Выборгская флотилия имеет: 4 сторожевых крейсера, 6 миноносцев типа „S“ и 4 типа „C“, минных заградителей C—1 и флотилию траллеров.

Гарнизонные войска—из Суэменлинканского батальона 3-х ротного состава и местной роты крепости Суэменлинка.

Пограничные войска—из 6-ти батальонов и школы пограничной службы.

Охранная гвардия. Помимо постоянных войск, в Финляндии существует охранная гвардия, бывшая белая гвардия, существующая на добровольных началах и являющаяся оплотом правительства.

Численность охранной гвардии доходит до 120 тысяч человек. Подчинена в мирное время министерству внутренних дел.

Во главе охранной гвардии стоит особый начальник, назначаемый правительством. *)

В отношении организации вся страна разделена на 21 округ.

Основной боевой единицей является охранный батальон 4-х ротного состава.

Каждый член охранной дружины имеет на руках винтовку 180 патронов.

Военно-географический обзор.

Финляндия—страна лесов, озер и крайне пересеченной местности.

Крайне пересеченная и закрытая местность, извилистые кряжи, глубокие овраги, леса, масса мелких и быстрых рек, целые озерные системы, протягивающиеся на протяжении целых сотен верст,—все это до крайности затрудняет ведение наступательных операций крупными силами, но чрезвычайно облегчает оборону страны. Прекрасно устроенная и хорошо содержимая сеть железных и грунтовых дорог, в связи с водной системой, еще более увеличивает силу обороны страны. Климат финляндский, хотя и мягче наших местностей тех же широт, но, в общем, суровый, в особенности в средней и северной части.

Благодаря большому количеству вод, масса атмосферных осадков,—летом дождей, а зимой—снега, который в южной части лежит до 4-х, а в средней и северной 6-ти и более месяцев.

В общем, в военном отношении Финляндию можно разделить на три части:

1) Северную, пустынную с суровым климатом, как театр военных действий мало вероятный.

---

*) По последним газетным сведениям, теперь охранная гвардия подчинена непосредственно президенту. *Ред.*

2) Среднюю, представляющую из себя котловину, тоже трудно доступную и мало населенную, но, благодаря развитой сети железных дорог, удобную для обороны.

Наиболее удобна в этой полосе побережная полоса Ботнического залива, более густо населенная с богатыми средствами.

3) Побережье Финского залива—наиболее вероятный театр для военных действий. Это самая культурная и богатая часть Финляндии с богатыми средствами сообщения. Пересеченность местности, леса озера и реки и здесь облегчают оборону и не дают возможности действовать при наступлении крупными силами, нужно дробить силы на небольшие отряды. Для действий кавалерии местность совершенно непригодна, значение артиллерии также уменьшается. Главным образом нужно действовать пехотными частями с придачей им технических частей. Зимой большую роль могут играть лыжники.

Для активных действий со стороны Финляндии имеется на Карельском перешейке 2 линии железных дорог: Выборг-Петроград и Кексгольм-Кивинниеми-Хоркюмяки.

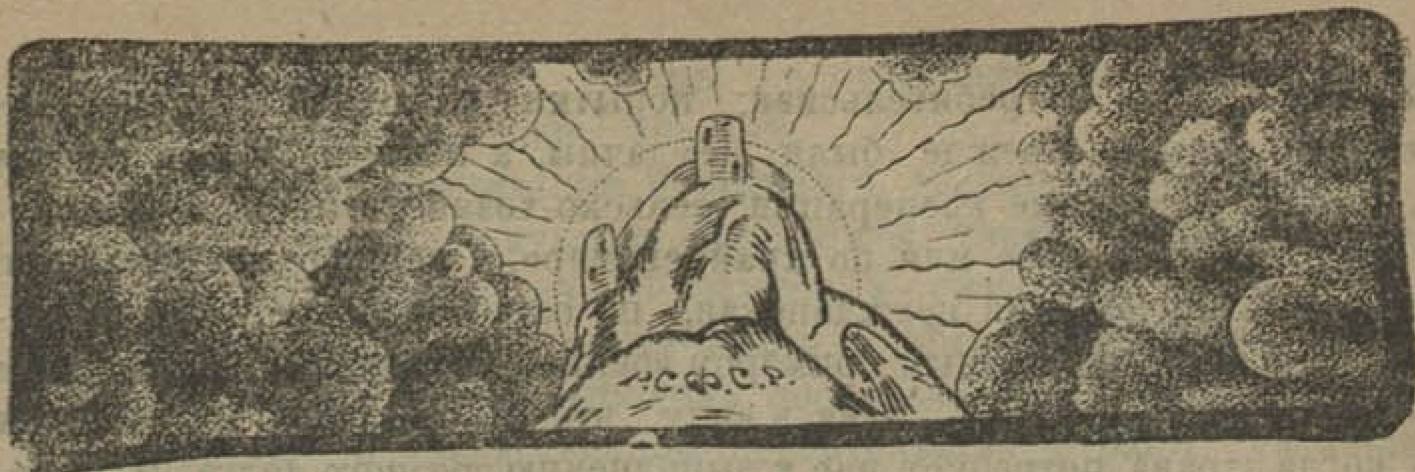
Для переброски частей на север—три параллельных линии: 1) Рахимяки-Тамерфорс-Улеаборг-Торнео, 2) Коувола-Куопио-Каяна и 3) Выборг-Сердоболь-Курмеа. Все три линии связаны узловыми станциями: Элизенварда, Пьексямяки, Ювяскюля, Хапомяки.

По линии железных дорог для движения к Петрограду Финляндия имеет три хороших пути: 1) Кексгольм-Петроград, 2) Выборгское шоссе и 3) в том же направлении, западнее железной дороги Выборг-Петроград.

Стратегическое развертывание Финляндии, конечно, благодаря хорошим дорогам и небольшой территории, произойдет быстрее нашего, но активные действия за пределом Финляндии, при малочисленности армии: 6—9 дивизий—возможны лишь на-коротке.

С нашей стороны, при операциях в Финляндии, нужно иметь в виду: особенность театра военных действий, не допускающего действия большими массами и облегчающего оборону, бедность местных средств и суровость климата; хотя и не многочисленную, до 200,000, армию, но хорошо вооруженную, снабженную, хорошо обученную и дисциплинированную, что, в общем, создаст для наступающего тяжелые условия борьбы.

Военное хозяйство.

Военный кооператор.

Военная кооперация.

Советом Народных Комиссаров 16/VIII 1921 г. на Красную Армию распространен декрет от 7/IV 1921 г. „о кооперации". Красная Армия через свою кооперацию призывается к хозяйственному строительству страны и самопомощи. Цель поставлена ясно. Во-первых, сохраняя полную боеспособность, неустанно обучаясь, армия, в свободные часы, создает своим мощным и молодым трудом ценности, улучшая экономическое положение страны, во-вторых—создавая те или другие фабрикаты, она удовлетворяет свои потребности частью этими фабрикатами, частью за счет этих фабрикатов. Итак, военная кооперация является, прежде всего, „*производственной*". При тяжелом экономическом положении страны, несмотря на героические усилия,—армия все же не может быть удовлетворена полностью плановым снабжением. командный, комиссарский состав и даже красноармейские массы должны обращаться за удовлетворением личных потребностей к рынку, платя из скудного бюджета 500% спекулянтам и создавая новых капиталистов. Значит, нужно самим себе притти на помощь и покупать нужные товары без участия спекулянтов. Поэтому военная кооперация должна быть и *потребительской*.

Итак, военной кооперации ставятся две задачи: *производственная и потребительская*.

Считая, что вопрос ясен, приходится говорить не о цели военной кооперации, а о том, как ее строить.

И это—дело трудное. Во-первых, потому, что ни в одной армии военной кооперации, по крайней мере, в таком масштабе, как понимает ее постановление Совнаркома 16/VIII, никогда не было, следовательно списывать и копировать неоткуда, а нужно проявить широкое творчество, во-вторых—у нас в России нет кооперации, которая ставила бы себе и производственную, и потребительскую цель. Центро-

союз—кооперация потребительская; попытки включить и производственную цель и прежде были неудачны, а ныне их почти совсем нет. Производственные кооперации: сельско-хозяйственная и фабричная еще только в идее или, по крайней мере, в периоде организации. И, наконец, кооперация гражданская, по самой своей структуре работы, не может быть полным примером военной кооперации. Мы должны строить свою кооперацию, имея в виду, что мы не знаем ни часа, ни дня, когда страна потребует нас к выполнению грозного долга. И, предвидя это, армия вся должна быть готовой к отпору врагам, а ее кооперация должна и в период войны сыграть свою роль и, притом, особенно важную.

Исходя из этой предпосылки, попробуем набросать схему строительства военной кооперации.

Первичным кооперативным об'единением должен быть полк или соответствующая ему, по самостоятельности управления, часть войск, управление или заведение, имеющее не менее 300 членов кооператива. Как осуществляются этим кооперативным об'единением обе задачи—производственная и потребительская? Для первой задачи производственная полковая кооперация намечает: 1) какие производства на месте расположения полка можно организовать, учитывая три данных: наличность необходимого сырья, потребность рынка в фабрикате и время, которое каждый член кооператива может отдать какому-либо производству. Возьмем для примера кустарные и сельско-хозяйственные работы. Приглашая необходимых инструкторов, приобретая инструменты и сырье, правление полкового кооператива организует то или другое производство. Каждый член кооператива, обучаясь и, в то же время, вырабатывая тот или другой фабрикат, сдает его правлению, которое в его членской книжке и своей отчетности отмечает количество сдаваемых фабрикатов, оценивая их по стоимости материала, амортизации инструментов и стоимости работы.

Полученные фабрикаты полковой кооператив или продает в своей лавке, или размещает на местном рынке, или передает по оценке себестоимости и плюс организационные расходы—высшему дивизионному кооперативу, для оптовой продажи в других районах или других кооперативах.

Если фабрикаты или предметы производства явятся результатом коллективного труда, как, например, сельско-хозяйственные продукты, то труд каждого участника в производстве должен быть учтен и внесен в его членскую книжку.

В области потребительской—полковой кооператив: 1) открывает свой магазин или несколько, в зависимости от расквартирования полка, приобретая товары на месте, непременно у производителей или у кооперативов и, вообще, без посредников и своих заготовителей, а те предметы, которых в данной местности не производится, заказывает через высшее об'единение—дивизионный кооператив (или районный),

2) продает своим членам товары по себестоимости, плюс организационные расходы, не менее 10—15%.

При такой организации первичного военно-кооперативного об'единения мы имеем следующие результаты: члены кооператива (красноармейцы или комсостав) обучаются в свободное время тому или другому производству, увеличивают сумму фабрикатов на общем государственном рынке, выполняя постановление Совнаркома 16/VIII, т. е. участвуя в хозяйственном строительстве страны; увеличивают свой личный бюджет и за счет этого заработка приобретают в своем магазине необходимые предметы, избегая спекулятивных цен.

Военный кооператив 2-ой ступени легче строить при дивизиях, об'единяя десять-пятнадцать первичных кооперативов, на принципе „союза кооперативов“.

Это кооперативное об'единение преследует тоже цели *производственную и потребительскую.*

Для первой—находит или даже обучает в своей школе технических инструкторов для полковых кооперативов и, по требованию последних командирует их для руководства кустарными мелко-фабричными или сельско-хозяйственными производствами, во-вторых, само организует более крупные производства, фабричное или сельскохозяйственное, с целью снабжения первичных кооперативов своим производством или передачи хозяйственным органам армии для планового снабжения войск, или размещает остатки на местном рынке и, наконец, передает окружному (армейскому или фронтовому) кооперативу, для продажи другим кооперативам округа или в других районах Республики.

Во всех случаях отпускает фабрикат по себестоимости с прибавкой скромных организационных расходов. В области потребительской—те товары, которых сам не производит, дивизионный кооператив приобретает на местном рынке у производителей или кооперативов или выписывает через окружный кооператив из других районов и отпускает первичным кооперативам по себестоимости с прибавкой 10—15% организационных расходов.

Центросоюз, в лице его военного кооперативного отдела, об'единяет, руководит и инструктирует окружные (армейские) кооперативы и связывает их с губсоюзами и крайсоюзами, посредничает при товарообмене.

Что достигаем мы такой тройной, а если считать и окружные организации—четверной организацией? Кооперативы, так сказать, войсковые (полковые и дивизионные) суть подвижные, они всегда самостоятельны и готовы итти со своей частью; кооператив окружный—местный, он, главным образом, изучает район и все возможности закупок и заготовок в районе своего округа, включающего несколько губерний, а, следовательно, и губсоюзы, а если в состав правления окружного кооператива будет введен представитель военно-кооперативного отдела центросоюза, делегированный центральной коллегией, то правление окружного кооператива, руководимое и под'отчетное перед с'ездом

уполномоченных от дивизий, тыловых и армейских кооперативов 2-ой ступени—явится связующим звеном с губсоюзами и всеми гражданскими кооперативами и ведет товарообменные операции, сбывая фабрикаты производства войсковых кооперативов и, взамен, приобретая через губсоюзы или производственные и сельско-хозяйственные кооперативы своего района все, что можно найти на местном рынке и отпуская войсковым кооперативам по их заказам все, что они требуют. Сосредоточивая периодически и регулярно сведения от войсковых кооперативов о их производстве и потребностях в товаре, составляют бюллетени о том, что нужно по округу продать и что нужно купить и указывая рыночные цены своего района. Окружный кооператив постоянно эти сводки телеграфирует центросоюзу (В.-К. отдел), в котором и составляется полная картина: где и что можно выгодно купить, где и что выгодно сбыть, кто нуждается в подвозе товаров из других округов и районов страны или из внешнего рынка.

Военно-кооперативный отдел центросоюза или через соответствующие окружные военные кооперативы, или через губсоюзы, при содействии общей оперативной части центросоюза, закупает для разных округов и воинских кооперативов нужные им товары и регулирует товарообмен.

При такой системе организации военно-кооперативного дела достигается следующая выгода: 1) в войсковых кооперативах постепенно вырабатываются военно-кооперативные работники и опыт; 2) от воинских и прочих армейских кооперативов, не приходится командировывать закупщиков и совершенно отпадает тот уродливый порядок, который создался теперь, а именно: от всех войсковых и прочих кооперативов едут, положим, в Туркестан закупщики; не зная рынка, работая без контроля, собираясь по нескольку десятков человек в одном пункте, вздувают цены, покупают недоброкачественные продукты, отправляют их или отдельными вагонами, или везут с собою, дорогой много расхищается, и, в результате, красноармейская масса ждет военно-кооперативной идеи помощи, но ее получает вроде, например, $^1/_4$ ф. изюму в месяц и больше ничего или испорченного в дороге вина, по неумению купить такое, которое выдерживает транспортировку и по незнанию, как его в дороге сохранить от порчи. При рекомендуемой системе получается очень ясная работа: 1) Военно-кооперативный отдел приобретает через соответствующий окружной кооператив, при участии губсоюза, положим, в Туркестане: рис, хлеб, фрукты, а в Сибири и сопредельной Монголии: мясо, жиры, на Кубани:—овощи, сало, колбасы, постное масло и т. д.—для всех кооперативов, конечно, согласно их потребности и заявок, и целыми маршрутными поездами переотправляет по местам войсковых кооперативов. 2) Войсковые кооперативы, работая в пределах своей части (дивизии и полка), тесно связанные с массами и между собою, составляют кооперативно-военную семью, контролируемую высшими ревизионными комиссиями, общими собраниями и с'ездами уполномочен-

ных и, наконец, 4) куда бы дивизия (полк) ни перебрасывалась, с ней идет, не расстраивая аппарата, и ее военный кооператив. Придача войсковых кооперативов губсоюзам никогда не дает того, чего ожидают от этой меры, не обещает также возможности создать свой мощный и опытный аппарат. 5) Производства, фабрики, имения, фермы, огороды и вообще все, что прикреплено к месту, но создано войсковыми кооперативами,—при уходе части принимается окружным кооперативом и последним заканчиваются с войсковыми кооперативами лицевые счета. Вновь прибывшие части, на известных условиях, приобретают и продолжают дела своих предшественников, а если никаких частей взамен ушедших не придет—дела продолжает окружной кооператив или ликвидирует, передавая гражданским кооперативам. 6) Войсковым, армейским и прочим кооперативам 1 и 2 ступени не приходится отыскивать в других рынках страны где и что нужно купить—на все эти вопросы ответит, так сказать, биржевая работа окружных (в пределах своего рынка) и В. К. отдел центросоюза (в пределах всей страны); рынки используются своевременно и соответственно сортов и качеств товаров, закупка производится оптовая, массовая по доступным ценам, минуя переторговцев, а, главное, своевременно и там, где товары имеются.

Как прежде, так и теперь кооператор часто покупает хлеб там, где его родится еле для пропитания своего населения, зато в том районе, где много хлеба, покупаются, положим, жиры или овощи, которые как раз в избытке в первом районе. Незнание рынка, неумение войти в глубокую связь с производителем, увлечение в торговую психологию и этику, вместо служения общественной идее кооперации — всегда были болезненными явлениями русской кооперации, а в наше время эти недостатки, к сожалению, начинают оживать. Правильная кооперативная работа налаживается медленно, воспитывая годами кооперативных работников.

И как работа по преимуществу общественная, она вся основывается на личности. Есть энергичные и преданные делу кооперации работники с организационными способностями, честные и заслуживающие доверия — кооперация даст величайшие результаты; нет таких людей—дело будет мертвое.

Выше было указано, что войсковые кооперативы должны сыграть свою роль и в военное время.

На этот вопрос может быть несколько взглядов: Например, одни скажут: какие же могут быть кооперативы во время боевых операций; потери в людях, текучий состав частей, наконец, условия боевой работы—исключают по существу самую мысль о кооперативном об'единении и работе; другие на это могут возразить, что все это до известной степени верно, но кто долго работал в низах армии, не чувствовал ли какую пользу иногда приносили разного рода общественные, а в период гражданской войны — красноармейские лавки?

Вся неудача первых заключалась в том, что они не были связаны с частями, а во вторых, что они были бюрократизованы.

Но нужда в них осталась. И, значит, существующие в мирное время, окрепшие и налаженные кооперативные органы полков и дивизий должны на время войны претерпеть лишь некоторые изменения в управлении, отбросить на время войны отчасти общественный характер, сохранив выборное начало в управлении и контроле, входя в тыловые органы полка и дивизии, доставлять непосредственно к боевой массе необходимые ей товары, которых не может дать снабжение. Для этого военный кооператив будет иметь подвижную, на колесах, лавку, склад, доставляя прямо на позицию то, что потребуется в минуту перерыва боевой работы. Кооперация армейская (3 ступени), имея свои вагоны и поддерживая связь с В. К. отделом центросоюза, явится оптовиком, следующим везде за войсками и снабжающим дивизионные и полковые кооперативы.

Конечно, здесь будет преследоваться только потребительская цель, а производственная в войсковых кооперативах исключается, но за то последняя должна увеличиться в окружных кооперативах, так как все, что в мирное время будет создано свободным творчеством кооперативной военной мысли в области производства, останется на месте в заведывании окружных кооперативов и уже, как налаженное дело, легко может быть поддержано и развито, лишь бы были люди, а их нужно создать в мирное время.

Могут заметить, что все это отрывает лишь людей от боевой силы; верно, но их нужно не так много—двух—трех на полк, но за то выборный принцип устранит лазейку для шкурников, которые все равно появились-бы под предлогом улучшения быта бойца. Мы не будем отстаивать тот или другой взгляд и предоставим в этом вопросе решение будущему, но желателен широкий обмен мнений по этому вопросу. Одно только можно отметить, что если штабы, особенно большие, и тылы не чувствовали отсутствия таких подвижных лавок, так как к их услугам все же был рынок или базисные склады, то низы боевой линии, куда ни торговцев, ни базисные склады не затянешь,—очень нуждались и будут нуждаться в такой организации. Купить конверт, папиросной бумаги, карандаш, иголку и т. д. и т. д. кажется пустяком для верхов, за то большим делом для рядового красноармейца.

Остановимся еще на вопросе, почему нужно кооперативы 2-й ступени организовывать при дивизиях, а не при бригадах или организовывать полковые кооперативы, а не батальонные. Создание всякой лишней организации в кооперативном строительстве вызывает лишние организационные расходы, удорожает товар и отвлекает лишних людей, а работа военного кооператива 2-й ступени, главным образом, об'единяющая, помогающая, инструктирующая, оптовоскладочная, поэтому с ней легко может справиться аппарат на 15 военных кооперативов 1-й ступени, а устроить его именно при дивизии, понятно,

удобнее во всех отношениях, как при боевой единице с сильными хозяйственными органами, в военное время с глубоким тылом и районом. Развивать же мелкие кооперативы при батальонах, саперных, телеграфных и прочих ротах, эскадронах и батареях—значит совершенно недопустимо растрачивать людей, средства на организацию и создавать ненужный выборный и прочный ажиотаж.

Коснемся существенного вопроса: следует ли вообще в армии развивать широкое, так сказать демократическое, выборное начало в вопросе кооперации. Не лучше ли это дело свести или к назначению, или прикрепить к гражданским союзам. Насколько нам пришлось близко наблюдать развитие кооперативной мысли и организации непосредственного участия в ней—не видим никаких оснований отнестись отрицательно к выборному началу в кооперации. Наоборот, тот живой интерес, который красноармейские массы проявили к этому вопросу, удивительное тактичное отношение к самой работе и умелое отделение служебных обязанностей от личных и общественных интересов—показывают, что красноармеец далеко ушел от прежнего солдата и уже свыкся и научился сознательно относиться к общественной работе и к служебному долгу. Весь вопрос в умелом руководстве сверху и особенно теперь, в самом начале кооперативного движения. Та неясность, разнобой и отсутствие единого и ясного руководства в этом деле, которые заметны теперь, болезненно отзываются на организации и, если можно сказать, на самой агитации нового дела. Если теперь же сразу не взять правильного взгляда на это дело, не провести его до глубоких масс, то, конечно, мы создадим больной организм в армии, как это уже во многих местах и замечается. В одном месте кооператоры—ничего не дают, но сами хорошо снабжаются, в другом—совсем неудачная работа, в третьем—вовлеклись совершенно в спекуляцию, в четвертом—создают вместо кооперации собезовские органы и т. д. Только проводя настойчиво ясную идею, под руководством Пура, Р. В. Совета и командования, можно создать из военной кооперации действительно серьезное дело, которое поможет выйти красноармейцу и комсоставу из тяжелого экономического существования и не попасть в цепкие руки спекулянтов. Зайдите в пышные гастрономические магазины и посмотрите, кто покупает все эти вкусные предметы, кто, набрав в кулек разных деликатесов, небрежно бросает на прилавок пять—шесть миллионов рублей. Разве красноармеец или комсостав может подойти к такому пышному расцвету торговли, нет, там покупает тот, кто сам торгует и, следовательно, наживая 500% на потребителе, может бросать миллионы. *Кооперация должна достать все эти вкусные вещи у производителя или создать сама и по такой цене, чтобы товар был доступен массе. И это сделать можно. Нужны только организация и широкая самодеятельность.*

Поясняя эту мысль, уже развитую в общих чертах в начале статьи, укажем, что центросоюз или вернее его военно-кооперативный отдел должен, пользуясь всеми органами кооперации в России и за

границей: 1) развить производственные операции—крупные в центре или в округах, соответственно имеющемуся в каждом местному сырью, мелкие и кустарные—в низах, в кооперативах 1 и 2 ступени, пользуясь широко дешевым трудом кооператора—производителя красноармейца и его комсостава—и таким образом получить для своей военной кооперации дешевые и доброкачественные продукты, 2) представляя из себя биржево-посредническую контору для всей военной кооперации, связи ее с гражданской кооперацией и заграничными рынками,—суметь передвигать эти товары к красноармейским массам, обеспечивая их лавки постоянно, а не спорадически всем необходимым, строго и умело разбираясь с потребностью и спросом и удовлетворяя их до отказа.

Военные кооперативы 2 и 3 ступени представят собою промежуточные инстанции в этой цепи кооперативной работы кооперативов округа—оптово-комиссионную контору с мощным складом, а кооператив дивизии—оптовый склад—распределитель и первую ступень для создания крупного военно-кооперативного производства с привлечением в свободное время от боевой подготовки и службы кооператоров-военнослужащих, как рабочей силы.

Конечно, в последнем случае, яснее намечается организация серьезного инструкторского аппарата, как в области создания кооперативных деятелей, так и технических инструкторов. Для этого необходимы специальные краткосрочные школы и их удобнее создать в крупных центрах, где легче найти руководителей—инженеров, кооператоров, техников и т. д., а, следовательно—также школы должны организовываться при округах. Только создав хороший кадр технических и кооперативных инструкторов, заинтересовав в деле создания своих производств красноармейца, комсостав, комиссарский состав и политических руководителей—можно действительно найти и время для работы, и средства для производств и создать собственное производство, снабжая и самих себя, и органы планового снабжения армии и продавая излишек на рынках, подсекая спекулянтские аппетиты.

В заключение нашей статьи остановимся на технике организации военных кооперативов.

В полках, батареях, батальонах связи, инженерных частях брони и авиации, в школах, управлениях, заведениях—организационным бюро, назначенным командиром части, при содействии политруков, и, если возможно, особых инструкторов, производится запись добровольцев—членов кооператоров, затем собираются общие собрания по ротам или батальонам, батареям и прочим частям всех записавшихся членов, об'ясняется цель в задачи военной кооперации, заинтересовываются массы в предстоящей работе, разрабатывается и обсуждается примерный план и затем, по расчету на каждых 50 человек, избираются уполномоченные, которым вверяются мандаты, наказы и требования к кооперативным органам.

После этого при штабе полка или артиллерийского дивизиона, или другом соответственном управлении или штабе созывается общее собрание избранных уполномоченных. Это собрание намечает план работы производственной и потребительской, примерную смету, средства, выбирает правление и ревизионную комиссию, может выбрать из числа уполномоченных еще заведывающих на местах, в ротах и батальонах, организацией производства. Вырабатывается общая инструкция для всех уполномоченных, как в отношении связи его избирателей с правлением и ревизионной комиссией, доклада периодического отчета красноармейцам на общих собраниях о деятельности кооператива и всех его организаций, так и в отношении права и порядка наблюдения за работой правления и ревизионной комиссии со стороны каждого уполномоченного, порядок приема и суммирования всякого рода заявлений членов кооператива и постоянное раз'яснение их с правлением.

Правление кооператива должно ежемесячно собирать собрания уполномоченных и докладывать о ходе дел и выслушивать пожелания, как самих уполномоченных, так и требования членов кооператива.

На общем собрании уполномоченных полкового кооператива избираются уполномоченные на дивизионный с'езд. С'езд представителей от всех кооперативов 1 ступени при дивизии происходит с разрешения и под руководством начдива.

Избирается правление дивизионного кооператива и утверждается персонально начдивом. Все тыловые органы округа составляют один с'езд представителей кооперативов 1-й ступени управлений, учреждений, заведений и тыловых частей округа и избирают свое правление 2-й ступени.

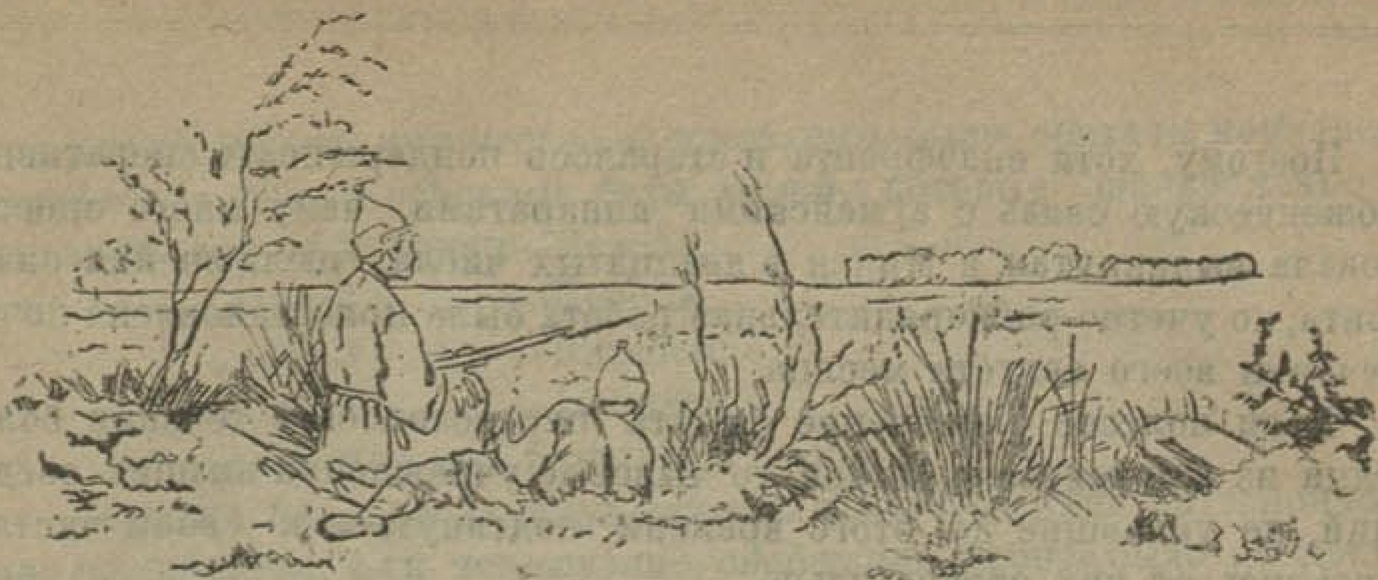
С'езд представителей кооперативов 2-й ступени разрешается РВС округа и собирается по одному, много по два, представителя от каждого кооператива; на этом с'езде вырабатывается общая схема кооперативной работы округа, учитываются все средства и возможности и намечается общий план. На с'езде обязательно присутствие представителя от В. К. отдела центросоюза и приглашаются представители от губсоюзов. В правление избирается не более трех, а еще лучше двух лиц, утвержденных Пуокром и РВС округа; обязательным членом входит уполномоченный центросоюза (от военно-кооперативного отдела). Не лишнее, хотя бы раз в год, собирать по одному представителю от всех окружных с'ездов на общий с'езд при центросоюзе.

Настоящая статья представляет лишь самую грубую схему, поправки в эту схему выдвинутся самой жизнью, лишь бы принять определенную и ясную идею организации, не вливая новое вино в старые меха и не создавая перебоя в самом начале организации дела.

Мы не претендуем на то, что вопрос исчерпан, мы желаем лишь вызвать обмен мнений по этому новому и живому делу в армии.

В постановлении Совета Народных Комиссаров от 16 августа 1921 года и в положении военно-кооперативных об'единений от 4-го октября — поставлены ясные цели, дана широкая и благодарная цель инициативе в стремлении помочь не только самим себе, но и стране, но дальнейшая структура самой организации рисуется положением о военных коллегиях при центросоюзе и губсоюзах настолько неясно и вызывает столько недоразумений на местах, что, очевидно, требует серьезного пересмотра и согласования с жизнью армии и ее интересами. Эти последние никак нельзя об'единить с интересами и органической работой губсоюзов, по крайней мере в нынешнем положении последних, и на основании опыта работы потребительской кооперации в прежнее довоенное время. Нужна с ними деловая, живая связь, но не органическая, особенно мелких войсковых кооперативов.

Фролов.

Снабжение Красной Армии на Запфронте

(за время 18 августа—18 октября 1920 года)*.

Положение органов снабжения к моменту отступления войск фронта.

18 августа была получена директива строевого командования, в которой приказывалось, вследствие изменения обстановки на фронте, подтягивать немедленно запасные части к действующим войскам.

К этому времени фронтовые и армейские базы, а также и сами снабженческие аппараты, частью находились в движении, частью уже были переброшены на новые пункты расположения, а именно: фронтовые—на линию Полоцк—Орша—Гомель с передовыми складами в Минске и Молодечно, армейские—на линию Гродно—Лида—Барановичи с продвижением передовых запасов к западу, до расположения дивизионных тылов.

Полевое управление фронта, в том числе и снабжение, начало перебрасываться из Смоленска в Минск еще 26 июля. Последний эшелон выступил из Смоленска 18 августа. Всего на эту перевозку было занято около 1250 вагонов. Первые эшелоны достаточно быстро прибыли в Минск, но последние уже задерживались в пути на неопределенные и довольно продолжительные сроки, вследствие того, что железная дорога не могла пропускать столь значительное число эшелонов, тем более, что переброска фронта совпала с продвижением тыловых учреждений армий и подтягиванием людских пополнений.

Таким образом, снабжению фронта удалось сосредоточиться в Минске только к концу августа, когда уже боевая обстановка значительно видоизменилась в худшую для нас сторону.

---

*) См. „Революция и Война" сборник 11—12—„Снабжение за время июльской операции".

Поэтому, хотя снабфронта и старалось поддерживать оперативно-снабженческую связь с армейскими аппаратами, чему много способствовала выдвинутая в Минск в двадцатых числах июля ячейка снабфронта, но учетно-распорядительная работа была приостановлена почти в течении всего августа месяца.

Если полевое управление фронта перевозилось в течении более месяца из Смоленска в Минск, то тыловые учреждения низших соединений, не успевшие до этого времени подтянуться к своим частям, оторвались от них окончательно.

Последнее обстоятельство принудило Реввоенсовет фронта сделать, сверх отданных ранее приказов о разгрузке железнодорожных узлов и линий, категорическое распоряжение, чтобы с 12 августа все тыловые учреждения дивизий и бригад, оказавшиеся в эшелонах неразгруженными на линии Вильно—Молодечно—Минск, немедленно были бы расформированы.

Имущество складов, парков, магазинов начальнику снабжения фронта было приказано отобрать и передать во фронтовые склады, личный же состав, вместе с обозом и лошадьми, отправить в распоряжение командующего запасными войсками фронта. Последнему, по переосмотре прибывшего состава, сформировать для тех же дивизий соответствующие новые учреждения, более способные работать, не теряя связи со своими дивизиями.

Подобную меру было приказано распространить также и на те дивизионные, бригадные склады, магазины и парки, которые на 19 августа оказались бы неразгруженными в эшелонах на линии Лида—Барановичи и восточнее.

Это распоряжение, как выяснилось впоследствии, удалось провести не в полной мере и только относительно имущества, особенно в то время, когда началась массовая эвакуация на восток. Тогда большинство застрявших в пути эшелонов тыловых учреждений попало на базы, где и было обезличено.

Что же касается личного состава таких тыловых учреждений, то едва-ли он был виновен в том, что учреждения отстали и, кроме того, каким способом попали бы новые снабженческие аппараты, пересмотренные командзапвойск фронта, к своим передовым частям?

Первоначальные меры в связи с отступлением.

В связи с быстрым отходом наших армий был принят ряд мер к сохранению тыловых учреждений войск, к возможности беспрепятственной их эвакуации и вообще к разгромождению тыла.

23 августа на железнодорожных узлах были организованы эвакуационно-разгрузочные комиссии для быстрого пропуска всякого рода имущества, неимеющего боевого значения для данного момента, в тыл.

Снабжениям армий было приказано содержать на головных участках только продовольствие, огнеприпасы, винтовки, пулеметы, орудия, подрывное имущество и самое ограниченное количество сезонного обмундирования и обуви.

Все же прочее имущество начснабармы были обязаны немедленно отправить в тыл, в основные базы армий, которые одновременно намечались: для 4-й армии—Невель,
„ 15-й „ —Полоцк,
„ 3-й „ —Витебск,
„ 16-й „ —Могилев,
„ Мозырской группы—Гомель.

Держать на колесах имущество и продовольствие категорически было воспрещено. Как исключение, снабжению фронта было предоставлено право иметь шесть маршрутов на колесах: по 2 в Минске и Молодечно и по 1—в Лиде и Барановичах.

К армиям было решено направлять только продовольствие, огнеприпасы, винтовки, пулеметы и орудия.

Эшелоны с личным составом пропускались только из числа полевых управлений фронта и армий. Эшелоны же с личным составом учреждений, дивизий и бригад отводились в тыл на линию Полоцк—Орша—Могилев. Те из эшелонов, которые могли идти походным порядком, немедленно разгружались и направлялись к своим частям.

Эшелоны с малоценным имуществом должны были разгружаться в месте своих стоянок.

Для правильного распределения имущества и припасов, главным образом продовольствия, между армиями—в Барановичи и Лиду были выдвинуты от снабжения фронта особые комиссии.

Барановичская комиссия работала для 16-й армии и Мозырской группы, Лидская—для 4-й, 3-й и 15-й армий. Фронтом было предположено отпускать им необходимое довольствие в трехдневной пропорции маршрутами.

Отправка с тыловых баз продовольствия и огнеприпасов отдельными вагонами не допускалась.

В военных городках (тыловых базах) должны были создаваться маршруты из вагонов с продовольствием и огнеприпасами. Составление маршрутов по нарядам довольствующих органов возлагалось на транспортные отделы (Тоус).

Все тыловые учреждения и склады, которые предполагалось перед тем продвинуть вперед, были задержаны на своих местах.

В связи с этим передовая огнебаза фронта, находящаяся в Мостах, отводилась на Лиду, где должна была оставить часть своих запасов, а затем направлялась к передовому прод. и огнескладу в Молодечно.

Осуществление вышеперечисленных мероприятий провелось далеко не в полной мере и встретило в некоторых случаях противодействие начальников снабжений армий.

Так, 29 августа начснабарм 16 опротестовал в Реввоенсовете армии распоряжение фронта об эвакуации всего имущества, неимеющего боевого значения, и излишествующих продзапасов на линию основных его баз, т. е. в Могилев.

31 августа от него-же был получен протест против организации основных армбаз на левом берегу Днепра.

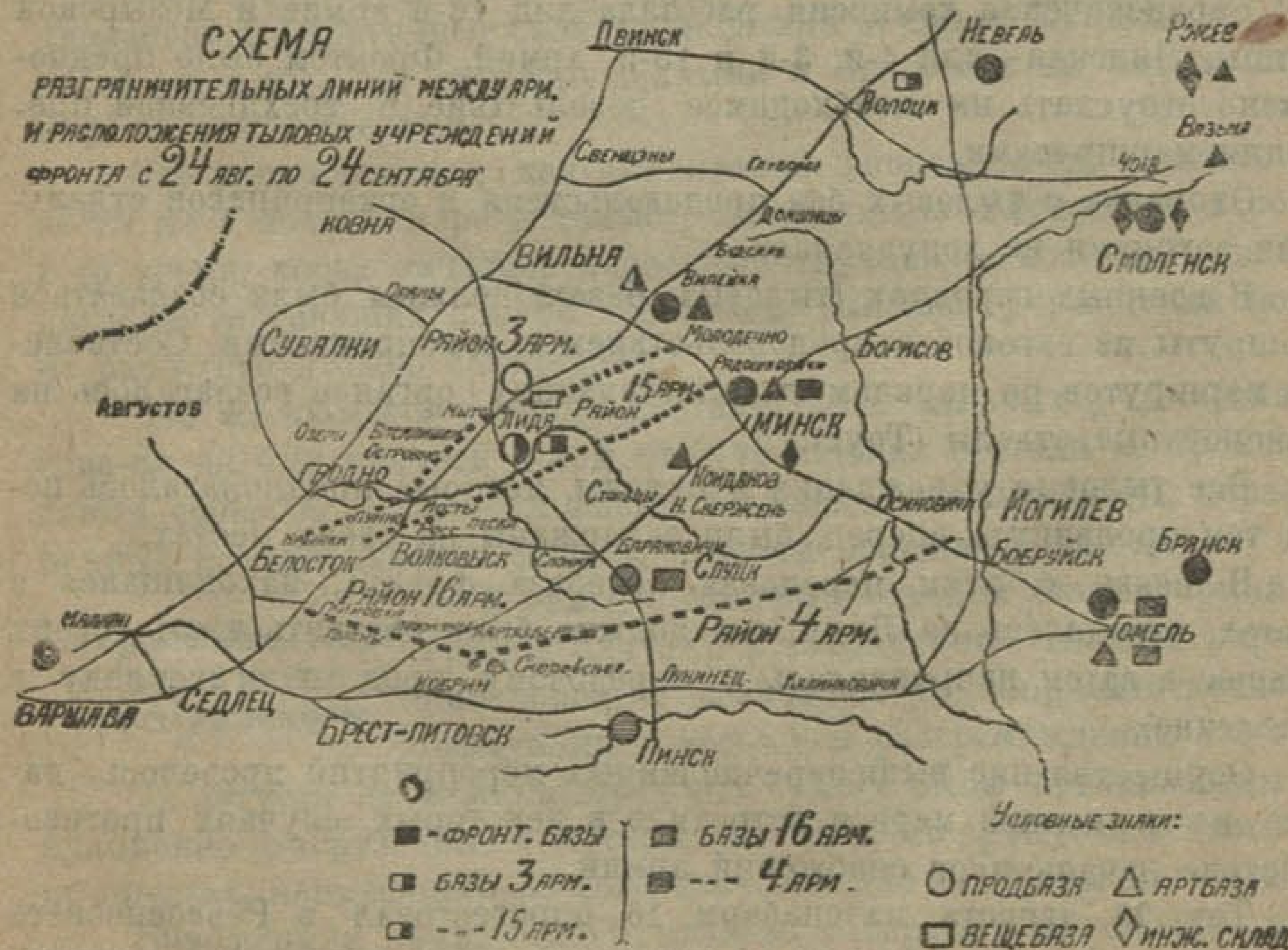
Фронтовая комиссия по распределению припасов и имущества в Барановичах не могла связаться с Мозырской группой, о чем было донесено снабжению фронта 28 августа. Эвакуация тыла Мозгруппы производилась не на Барановичи, как то было приказано строевым командованием, а на Лунинец, и группа базировалась на Калинковичи-Гомель.

Начснабарм 3 определенно жаловался снабфронту, что его вещевая база, шедшая в Волковыск, задержана в Минске, в то время, когда войска армии очень нуждаются в обмундировании.

Обезличение застрявших в пути грузов в полной мере не производилось, а посылка продовольствия и огнеприпасов исключительно маршрутами большей частью не удавалась, вследствие экстренности требований продуктов и огнеприпасов.

Попытка установить твердую линию базирования, в связи с перегруппировкой.

С 24 по 26 августа строевое командование дало ряд директив, где указывалось, что 4-я армия, притиснутая к германской границе, пробивается на Августов, что часть дивизий выводится в резерв в районы Минска, Молодечно, Лиды и Барановичи и что войска армий перегруппировываются с влитием в них резервов. Одновременно была указана следующая разграничительная линия между армиями с 12 часов 28 августа.

Между 3-й и 15-й армиями—Молодечно—Богданов—Лида—Лунно—Кринки—все для 15-й армии.

Между 15-й и 16-й армиями—Радошковичи—Делятичи—р. Неман до устья Шары—Пески—Рось—Шатилы—все для 15-й армии.

Между 16-й армией и Мозырской группой—Грозов—ст. Буды—оз. Снаровское—Картузская-Береза—Голены—ст. Гайновка—все для Мозырской группы.

Тыловые дороги:

4-й армии—Гродно—Озеры—Острино—Василишки--Мыто—Лида.
3-й „ —шоссе Гродно—Лида.
15-й „ —тракт Гродно—Щучин—Лида.

29 августа революционным военным советом фронта была одобрена организация тыловых довольствующих учреждений фронта в следующих чертах:

Основные фронтовые базы остаются ранее существующие. Вновь проэктировалось организовать фронтовую базу (продовольственную, артиллерийскую и инженерную) в Киеве для 12-й и конной армии.

Передовые фронтовые склады—в Молодечно (продовольственный и огнеприпасов), в Минске (продовольственный, огне, арт. и вещевой).

Основные армейские базы остаются ранее существующие на линии Днепра.

Передовые армейские базы на линии Лида—Барановичи—Сарны; в них допускалось иметь только семидневный запас продовольствия и необходимейшее боевое имущество.

Фактическая организация тыла производилась тем, что начснабармы должны были подтянуть к линии передовых баз имущество и продзапасы, находящиеся в различных местах к западу от линии Лида--Барановичи, оставить в пунктах передовых армбаз установленные для них запасы, а остальное направлять в тыл, к своим основным базам.

Передовой фронтовый склад в Минске уже существовал ранее; организация передового фронтсклада в Молодечно производилась следующим образом: склад огнеприпасов образовался отводом со ст. Мосты передовой огнебазы фронта, продсклад образовался из продмагазина 15-й армии, находящегося на той-же станции.

Реввоенсовет 15-й армии постановил не передавать фронту Молодечненского магазина, поэтому пришлось заменить личный состав армейского магазина фронтовым личным составом, взяв его из Невеля, после чего приказом по фронту Молодечненский продмагазин был переименован во фронтовой.

Дивизии, выводимые в резерв, снабжались,—расположенные в районе Минска и Молодечно,—непосредственно снабфронта из передовых фронтскладов, расположенные в Лиде и Барановичах—через свои снабдивы.

Всем начснабармам, кроме начснабарма 4, было приказано выяснить состояние частей войск армий и сделать заявки на имущество и припасы, причем, согласно директивы командзапа от 26 ав-

густа, требования должны быть составлены для доведения дивизий до 6.000 штыков, но в первую очередь до 1-го сентября численность дивизий должна быть доведена до 4.000 штыков.

Несмотря на перегруппировку войск фронта, влитие в передовые части резервов и общего сокращения линии фронта, войска продолжали отход, не задерживаясь на рубежах.

Поэтому, в период времени с 31 августа по 3 сентября возник вопрос о безопасности коммуникационной линии Молодечно—Лида—Волковыск.

На запрос снабжения фронта, может ли эта железнодорожная линия продолжать служить коммуникацией, строевое командование положительного ответа не дало.

К 6 сентября окончательно выяснилось, что 4-я армия разбита. Части 4-й, 18-й, 53 и 54 дивизий и 3-го конкорпуса начали сосредоточиваться в районе Молодечно, для образования резервной группы.

Довольствие этой группы было возложено на начснабдива 4 с припиской довольствуемых войск к Молодечненскому передовому фронтовому складу.

Затем, часть дивизий этой группы, сведенных в одну, строевое командование приказало слить с Мозырской группой и образовать вновь 4-ю армию, для операций в районе названной группы. Поэтому вещсклад и продбаза бывш. 4-й армии были спешно перекинуты в Гомель.

К средним числам сентября окончательно было установлено, что дивизионные аппараты снабжения, вследствие частых и быстрых перегруппировок дивизий и своей громоздкости не в состоянии следовать за своими дивизиями. Поэтому 21 сентября Реввоенсовет фронта решил оставить за дивизионными снабжениями только распределительные функции, не давая им права открывать хранилищ запасов.

Но в то же время в войсковых частях начал остро испытываться недостаток в продовольствии и, особенно, в фураже, а также в обмундировании.

Для предотвращения продовольственного и фуражного кризиса строевое командование 23 сентября отдало категорическое распоряжение довести эти запасы:

в дивизиях (вернее—полковых обозах)—до 4-х дней,
в армиях—на 5 дней,
на фронте—на 5 дней,
на пути от фронта к армиям—на 4 дня.

Начснабам было приказано следить, чтобы запасы всегда были в установленной норме. Начснабармам и начснабзапу правильно распределять продовольственные запасы. Начвосозап следить, чтобы продовольствие от фронта к армиям двигалось бы по железной дороге не более 4-х дней.

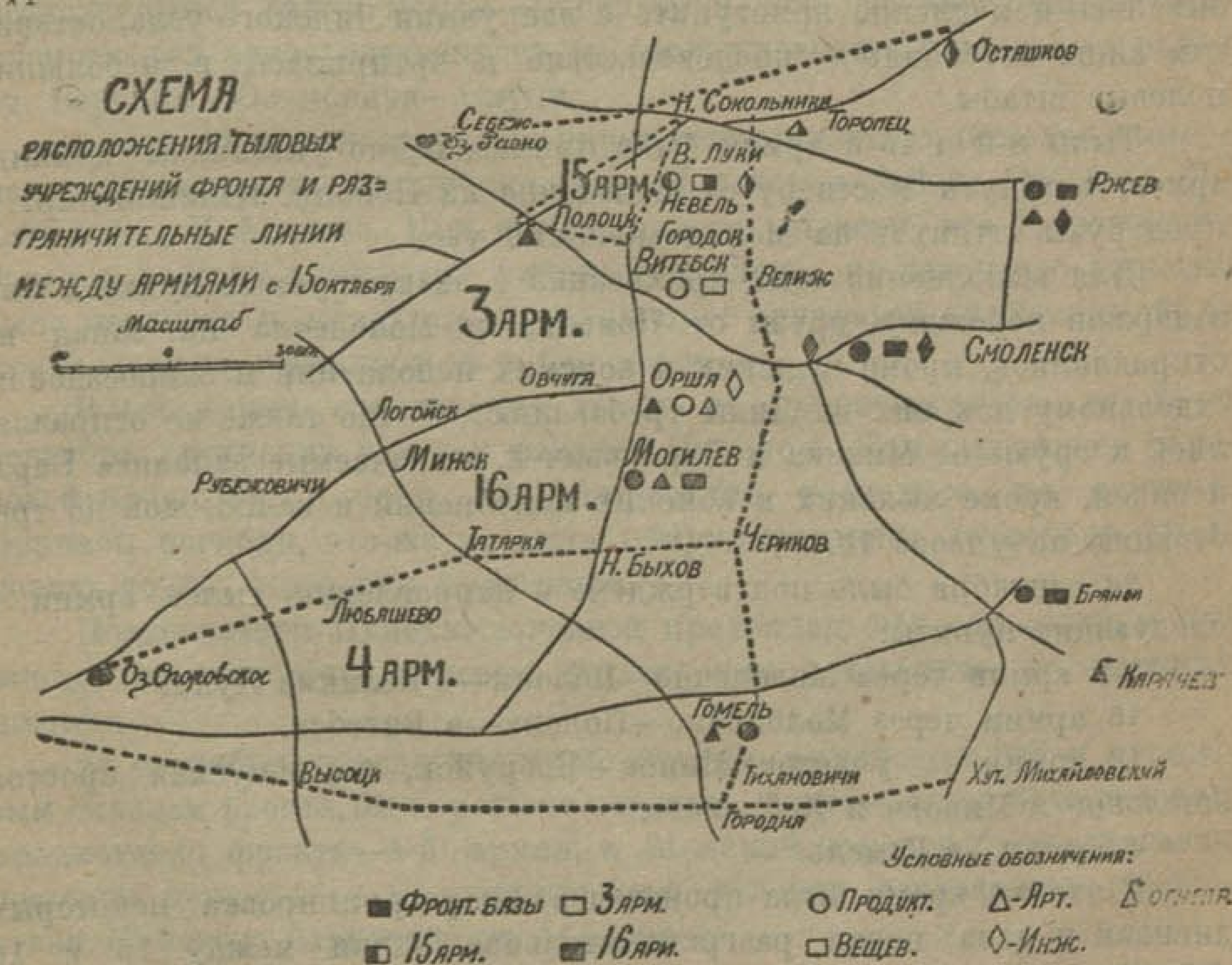
Опродкомзапу своевременно пополнять фронтовые продбазы текущим довольствием и немедленно довести в них продзапас до 5-ти дневной нормы.

Об'емистый фураж доставлять с тыла было совершенно невозможно, поэтому было решено, что органы Продкома должны заготовлять его на местах.

Все эти меры к улучшению продовольствия людей и лошадей, к сожалению, не удалось провести, так как с 24 сентября спешно началась эвакуация Лидского и Барановичского, а затем и Минского узлов, следовательно, сдвиг громоздких тыловых аппаратов.

Кризис с вещевым довольствием удалось ликвидировать, благодаря прибытию на фронт Предреввоенсовета и его распоряжению о требовании вещдовольствия вне всякого плана, с немедленным распределением полученных вещей по армиям, что и было выполнено в период времени с 10 по 23 сентября. Таким образом войска были удовлетворены более 70% своей потребности.

В общем, до 25 сентября организация тыловых учреждений фронта и армий представлялась в следующем виде:

Фронтовые базы—продовольственные:

Невель, Орша, Гомель, Брянск и расходные магазины—Минск и Молодечно.

Вещевые—401 вер. Алекс. ж. д., Гомель и расходный вещсклад—Минск.

Артиллерийские—Ржев, Вязьма и передовые огнесклады—Минск и Молодечно.

Инженерные—Ржев, Смоленск и передовой—Минск.

Армейские:

3-й армии: Продбаза и вещсклад—Лида, артсклад—Богданов, инжсклад—Орша.

15-й армии: Продбаза—Лида, вещсклад—Полоцк с отделением в Лиде, артбаза—Вилейка, инжсклад—Витебск.

16-й армии: Продсклад и вещсклад—Барановичи, артсклад—Койданов, инжсклад—Смоленск.

4-й армии. Продсклад—Пинск, артсклад—Новобелица, вещсклад—Гомель.

Деятельность органов снабжения в период эвакуации Лидского, Барановичского и Минского узлов.

24 сентября начальник штаба сообщил приказание командзапа—безотлагательно приступить, в связи с положением на фронте, к эвакуации Слонима и разгрузке Барановичского узла.

Того же числа наштазапом было передано второе приказание командзапа, в котором указывалось немедленно приступить к эвакуации Лидского узла, оставив там лишь необходимое продовольствие и артприпасы и небольшие полевые штабы.

Тылы 3-й и 15-й армий было приказано, по указаниям командармов, оттянуть к северу от Молодечно на Полоцк. Излишние арт. и продгрузы оттянуть на Молодечненский узел.

Для выполнения этих приказаний в эвакуируемых пунктах был задержан порожняк, грузы от Полоцка и Молодечно на запад не отправлялись, кроме людских и конских пополнений и санпоездов по отдельному для них из Лиды требованию. Точно также не отправлялись и грузы от Минска и Барановичей, назначаемые западнее Барановичей, кроме людских и конских пополнений и санпоездов по требованию начупвосо 16.

26 сентября было подтверждено о направлении тылов армий в следующие пункты:

3-й армии через Молодечно—Полоцк—в Великие Луки.

15 армии через Молодечно—Полоцк—в Витебск.

16 армии на участок Минск—Бобруйск, не допуская простоя эшелонов в Минске и Койданове.

4 армии—в Гомель.

В это же время была произведена перегруппировка некоторых дивизий и дана новая разграничительная линия между 15 и 16 армиями: Новогрудок—Вензовец—Деречин—Яновка—все для 15 армии.

Командармы, на основании приказания командзапа от 25-го сентября, того-же числа выработали следующие планы эвакуации штабов и тыловых учреждений:

3 армия—штаб переходит в Будслав, головные базы—Лида, промежуточная и, пока, тыловая—Молодечно. Все наиболее грузные учреждения (например—мастерские) отводятся в Великие Луки. Дивизионные тыловые учреждения сосредоточиваются в районе Вивнорка, Василишки, Великое Село, Красное.

Но уже того-же числа 3 армия изменяет решение о пунктах эвакуации тыловых учреждений и передает, что все учреждения, склады и грузы, кроме управления штарма, передвигаемого в Будслав, направляются на Великие Луки, где будет тыловая база.

В Полоцке намечается промежуточная база.

В Лиде—головная продовольственная и артиллерийская база.

Эвакуация началась 25-го и погрузка происходила по 2 эшелона в сутки.

15 армия—эвакуация также началась 25-го, по 2 эшелона в сутки, причем были приняты меры не только по эвакуации Лидского узла, но и по очистке участка Мосты—Лида. В Лиде был оставлен полештарм, прод. и артбазы, часть хлебопекарни, инженерная и вещевая летучки.

Все прочие армейские учреждения отводились в Витебск.

16-я армия—дивизионные учреждения расположились на железнодорожной линии Неман—Барановичи. Все, что дивизиям не было нужным для непосредственного их обслуживания, отводилось в район ст. Верейцы—Осиповичи—Слуцк.

Армейские довольствующие учреждения располагались: головные—на ст. Барановичи, все прочие—за р. Неманом в районе Столбцы—Н.-Свержень—Койданово. При необходимости отвести эти учреждения более к востоку намечался район Бобруйска, но затем это решение было изменено и остальные базы, вместе с аппаратом снабжения, было предположено эвакуировать в Смоленск.

В 4-й армии оттягивания тылов не предполагалось, но 26-го сентября противник налетом овладел Пинском. Там находились передовой продсклад и часть обмундирования, последнее, на колесах. Припасы погибли, что-же касается обмундирования, то нельзя установить точно, что с ним произошло.

После потери Пинска, головной продсклад был образован в Лунинце, все же прочие тыловые учреждения оставались на прежних местах.

26 сентября, вследствие приближения армейских баз к передовым складам фронта, было решено передать Молодечненский передовой продмагазин фронта—3-й армии, а Минский передовой продмагазин поделить между 15 и 16 армиями, при условии возложения довольствия Минского гарнизона на 16 армию.

Того-же числа строевое командование дало директиву организовать на ст. Новогрудок передовой склад продовольствия и огнеприпасов, в среднем на 5 дней, для довольствия отходящих частей 15 армии.

Во исполнение этой директивы снабфронта было отправлено на ст. Новогрудок 52 вагона комбинированного продовольствия и огнеприпасы (до 500 тысяч винтпатронов).

Но посланное не прибыло по назначению. Не доходя 2-х перегонов до Новогрудка, грузы, по инициативе местного железнодорожного начальства. были возвращены обратно. Этим самым посланное продо-

вольствие и огнеприпасы были спасены, так как желдорожная линия с 26 на 27-е сентября была захвачена противником в конечных пунктах.

27 сентября строевым командованием было отдано распоряжение о разгрузке Минска, причем, снабжению фронта было приказано двинуться в Смоленск 29 сентября, первыми эшелонами.

К этому времени Молодечненский продсклад фронта был передан 3 армии, вместе с аппаратом, обслуживающим его.

Минский фронтовый продмагазин, в изменение ранее принятого решения, был передан 16 армии с тем, чтобы снабарм обслуживал его своим личным составом.

Минский вещесклад и инжсклад фронта эвакуировались на 401 версту Александровской ж. д.

В связи с эвакуацией Минска командзапом была утверждена следующая организация тыла:

Фронтовые базы:

Продовольственные: Невель—Орша—Гомель,

артиллерийские: Ржев—Вязьма—Карачев,

вещевые: 401 в. Александровской желдороги и Гомель.

Армейские—артиллерийские и инженерные на месте стоянок, т. е.

3 армия—Витебск,

15 армия—тоже,

16 армия—Могилев,

4 армия—Гомель.

Армейские передовые базы с комбинированным довольствием:

3 армии—Молодечно,

15 армии—Минск,

16 армии—Минск и Слуцк,

4 армии—Гомель.

Кроме того, командзап приказал снабфронту образовать полесклад комбинированного продовольствия и огнеприпасов на ст. Изяславль, для довольствия 15 армии. Для организации этого полесклада припасы были отправлены от снабфронта, а личный состав взят от 15 армии.

Разгрузка Минска и эвакуация довольствующих учреждений фронта и армии совпала с необходимостью экстренной подачи к войскам продовольствия и огнеприпасов. Поэтому сразу же получилась забивка узлов, особенно Минского.

Для разгрузки были организованы чрезвычайные разгрузочные тройки. Но они заботились только о скорейшей выброске маршрутов за Минск, не считаясь с назначением маршрутов, что создало большую путаницу. Например: 500 тысяч патронов, предназначенных к отправке в Молодечно, были отправлены сначала как-будто в Изяславль, а затем выяснилось, что они были двинуты тройкой на Оршу. Затем еще миллион патронов, адресованных на Изяславль, были направлены тройкой также на Оршу.

Большого труда стоило разыскивать эти огнеприпасы, особенно в короткий срок, обусловливаемый заданием, и направлять их по назначению.

Чтобы дать эвакуируемым грузам правильное назначение, в чрезвычайные тройки были включены представители армейского и фронтового снабжения, причем армиям было вменено в строгую обязанность направлять к своим основным базам все дивизионные учреждения, проскочившие в тыл, вперед армейских, и там эти дивучреждения обезличивать.

Органы снабжения до перемирия. Экстренная, в течении нескольких дней, эвакуация главнейших желдорожных узлов, где находилось значительное количество запасов и имущества и тыловые аппараты фронта, а также, одновременно с этим, и эвакуация некоторых гражданских советских органов, все это, произведенное без особого плана, согласованного с провозоспособностью желдорожных линий, в сильной степени забило желдорожные узлы к западу от Минска.

Опять понадобились самые решительные меры, чтобы расчистить узлы и вообще желдорожный путь Минск—Орша—Смоленск, Орша—Могилев и Молодечно—Витебск.

Поэтому, 6 октября командзап приказал, в связи с распространением к востоку территории фронта, начать перегруппировку армейского тыла, преимущественно из числа эшелонов, находящихся на колесах, по следующим направлениям: 4 армия—на линию Гомель—Брянск; 16 армия—на линию Могилев—Орша—Смоленск; 15 армия—на линию Невель—Великие Луки и далее на Тверь; 3 армия остается на месте, эшелонируясь от Витебска через Великие Луки до Ржева. Наштармы и начснабармы должны срочно разработать и не позже 24 часов 6 октября телеграфировать новый план переброски, достаточный для того, чтобы начвосозап, тоусзап и местные желдорожные органы могли бы давать безотлагательные на месте указания по новой схеме. Снабфронта также должен разработать новый план размещения армейских и фронтовых баз, согласуя его с упвосозапом.

Того-же 6 октября, для успешной и немедленной ликвидации прибывающих в Смоленск с запада в порядке эвакуации потока поездов без определенного назначения, была организована особая комиссия из представителей упвосозапа, снабзапа, опродкомзапа и чусозапа.

Комиссия была обязана выяснять и распределять пункты назначения войсковых грузов, прибывающих в Смоленск без определенного назначения. Решения комиссии были безапелляционны и неисполнение строго каралось.

Такими мерами удалось отчасти разгрузить железнодорожные линии, но все-же блуждающие и безхозяйные грузы долго еще после этого обнаруживались на железнодорожных путях.

7 октября командзапом была дана директива об отводе 15 армии в резерв, в район Великие Луки—Полоцк—Невель—Городок (в составе 11, 17, 18 и 56 дивизий, остальные дивизии 15 армии передавались в распоряжение 3 и 16 армий).

С изменением в составе войск фронта командзапом в той-же директиве была дана с 6 часов 8 октября и новая разграничительная линия между 3 и 16 армиями: Мир—Рубежевичи—Логойск—Рогатка—Овчуга—Бабиновичи.

15 армия перешла в непосредственное подчинение главкому, но состояла на довольствии снабфронта.

Окончательно следующие твердые разграничительные линии между фронтами и армиями были установлены 13 октября:

Между 7-й армией и Запфронтом—Осташков—Новосокольники—Себеж—Озеро Разно, все пункты исключительно запфронта.

Между зап—и юго-запфронтом—Михайловский хутор—Городня—Высоцк—Ратно—все пункты для запфронта.

Между районами общего и армейского тыла Манушкин—Велиж—Красный—Чериков—Новозыбков—все пункты исключительно для района армейского тыла.

В районе к востоку от указанной линии армейские тыловые учреждения могут располагаться только с разрешения штазапа.

Район расположения 15 армии указывался выше приведенный, т. е. Великие Луки—Невель—Полоцк—Городок,—все пункты включительно для 15 армии.

В указанном районе не должно быть никаких частей и учреждений, кроме 15 армии.

Между 3 и 16 армиями: Шведы—Бабиновичи—Овчуга—Рогатка—Логойск—Рубежевичи—Мир,—все пункты включительно для 16 армии.

Между 16 и 4 армиями Чериков—Новозыбков—ст. Татарка—Страхов—Любашево—оз. Сноровское, все пункты включительно для 4 армии.

В связи с установлением разграничительных линий и расположением действующих частей была проектирована следующая организация тыла Запфронта:

Фронтовые базы:

Продовольственные—Ржев, Вязьма, Брянск, Смоленск.

Вещевые—Ржев, Брянск, Смоленск.

Артиллерийские—Ржев, Вязьма (артогне), Карачев (огне), Орша (передовые артогне), Полоцк и Гомель (огне).

Инженерные—Ржев, Смоленск, Вязьма (взрывчатых вещ.).

15-й армии—Осташков—инжбаза,
Торопец—артбаза,
Великие Луки—прод. и вещебазы и инжсклад.

3-я армия—Витебск—прод., веще, арт. и инжбазы.

16-я армия—Орша—прод., веще, артбазы,
Смоленск—инжбаза.

4-ая армия—Брянск—арт. и инжбазы,
Новозыбков—вещебаза,
Гомель—продбаза и инжсклад.

С расформированием 4-й армии предполагаемая организация тылов фронта изменилась в том, что базы 3-й армии были образованы:
в Витебске—продбаза № 1 и вещесклад,
в Орше—продбаза № 2, артбаза и инжбаза.
16-й армии—прод., веще и артбаза в Могилеве,
продбаза № 2 в Гомеле.

18 октября с 24 часов главком приказал прекратить боевые действия на всем западном фронте на суше, в воде и воздухе. Войска фронта заняли линию, указанную в директиве главкома, применительно к разграничительным линиям, указанным в директиве командзапа от 7 октября.

Связь. За все время описываемой операции связь органов снабжения с войсковыми частями была очень слаба и весьма часто даже совершенно отсутствовала. Об'яснить это отрицательное явление можно, главным образом, быстротой продвижения войск и их частей, перегруппировкой.

В наиболее худших условиях в смысле связи со своими частями оказалось снабжение 4-й армии.

Добравшись в середине августа мес. до Гродно, начснабарм 4 19 августа донес снабжению фронта прямым, что ему ничего неизвестно о дивизиях армии и, конечно, о степени их удовлетворенности. Снабженческие грузы он направляет в Гродно, проталкивая их с трудом вперед.

25 августа начснабарм 4 доносит, что положение остается то же и что он, по собственной инициативе, решил эвакуироваться в Полоцк, где намеревается открыть головные базы, направив туда продгрузы из Гродно, просит снабжать на основные базы в Невеле. Часть продуктов, огнеприпасов и оружия передает в Гродно начснабарму 3, для гродненского укрепленного района.

Подобное донесение, неправильно оценивающее обстановку, показывает, что начснабарм 4 не был связан даже со штабом, поэтому снабжение фронта приказало ему передвинуться в Молодечно к своему полештарму, куда сосредоточивались части 4-й армии.

Начснабарм 15, находясь в Лиде, 25 августа донес фронту, что потерял связь с полештармом; связи с дивизиями также не имеет.

Начснабарм 3 находился почти всю кампанию при полештарме.

19 августа начснабарм 3 донес, что не имеет связи с дивизиями. Возможно предположить, что и полештарм, при котором он находился, потерял эту связь.

Об отсутствии связи с дивизиями он доносит и 28 августа из Гродно.

Начснабарм 16 23 августа донес, что имеет связь с начснабдивами, но последние очень часто теряют связь со своими частями.

Связь снабжения фронта со своими тыловыми учреждениями не прерывалась, также как и связь с начснабармами. Иногда только, по техническим условиям, не удавались переговоры прямым.

Начснабарм 3, находясь при полештарме в Гродно, донес 25 августа, что потерял связь со своим снабженческим аппаратом в Лиде и просил дать в Лиду руководящие указания через начснабарм 15. Порванная связь была установлена 27 августа.

Насколько удовлетворительна была связь начснабармов со своими тыловыми складами и базами точно не установлено, но, судя по тому, что начснабармы всегда знали расположение своих тылов и (приблизительное) состояние запасов, возможно предположить, что связь была удовлетворительной.

Действительной связью считался только разговор по прямому проводу и командированием специальных лиц.

Записки по прямому проводу задерживалась иногда на несколько дней, а телеграммы шли с большим опозданием, случалось, что они не достигали своего назначения.

Наиболее важным и, вместе с тем, сложным было установление живой связи снабженческих органов со своими полевыми штабами, так как первые по своей структуре и работе не могли следовать за полештармами.

Если при полевом штабе находился начснаб, то, случалось, он терял связь со своим тылом, пример начснабарма 3, в августе месяце потерявшего связь со своим аппаратом и немогущего им руководить.

Если при полештарме выделялась снабженческая ячейка, она через некоторое время неминуемо становилась не в курсе снабженческих средств и возможности.

Проявляя, по директивам командования, инициативу, представители сна ж ния при полештармах нарушали единство действия снабженческого органа (например, начснабарм 4—21 сентября доносит, что его представитель в Пинске, распоряжаясь по указаниям строевого командования, вносит разнобой в работе, что затрудняет правильность учета средств). Если же такие представители стремились запрашивать каждый раз указаний от начснабарма, то терялась быстрота исполнения заданий строевого командования и, кроме того, сношения по проводам, при всех благоприятных условиях, не давали возможности полной оценки обстановки.

Но все же, несмотря на несовершенство связи с полештармами, помощью снабженческих ячеек, в сентябре был применен этот способ.

Снабжение продовольствием. Общее число состоявших на довольствии (едоков) и лошадей, по данным снабжения фронта, исчислялось:

	Людей.	Лошадей.
На август месяц	794,645	150572
„ сентябрь „	986,155	115909
„ октябрь „	978,924	108730

Цифры эти являются несколько преувеличенными, как плановые. Точное количество людей и лошадей, находящихся на довольствии в описываемый период, не представлялось возможным установить, вследствие быстрого изменения в составе войсковых соединений, входящих в состав армии, постоянно меняющегося числа таких соединений в армиях и недостаточной связи между войсковыми частями и снабженческими органами.

В общем, если перед началом операции фронт был обеспечен продовольствием более, чем в месячной пропорции, то в сентябре и октябре месяцах цифры обеспечения продовольствием значительно понижаются.

Ниже приводится сравнительная ведомость обеспечения главнейшими видами продфуражудовольствия фронта к началу августовской операции и к концу ее:

Наименование.	Обеспеченность в днях: К августа	К 10 октября
Хлебопродукты	33,8	6,2
Крупа	65,7	1,2
Мясо-рыба	40,3	4,5
Сахар	37,8	28,4
Жиры	10,5	25,1
Соль	60,1	39,8
Табак	53,4	10,8
Зернофураж	14,5	1,6
Сено	0,7	—

Таким образом, из приведенной таблицы видно, что фронт был наименее всего обеспечен фуражем, особенно об'емистым. Сено отсутствовало, подавать его из тыла, вследствие его громоздкости, не представлялось возможным, почему и принимались меры к получению сена на местах, через органы опродкома, но и последняя мера, вследствие быстрого перемещения войск и недостаточной налаженности продовольственных органов, положительных результатов не давала.

Фактическое обеспечение войск фронта продовольствием и фуражем в действительности было ниже приведенного в ведомости, так как очень большой процент продовольствия находился в пути, между базами различного наименования; наблюдалось то, что называется „распылением" запасов, и запасы эти с большим опозданием, случайно и неравномерно попадали к потребителям.

Начснабарм 3—28 августа уже доносит прямым проводом об испытываемых армией недостатках в продовольствии. 7 сентября он категорически заявляет о хлебном кризисе; чтобы смягчить этот кризис начснабом было занято у 15 армии 2 вагона муки; в армии, по его донесению, осталась только рыба. Табаку, сахару и мыла армия не имела более месяца.

Чтобы выйти из создавшегося тяжелого положения, снабжением фронта того же числа было отдано распоряжение перебросить из Молодечно со специальным паровозом 8 вагонов муки, 5—рыбы, 8—ячменя, 13—овса, 2—ржи, 1—консервов, 1—крупы, 3—пшеницы.

Были ли посланы одновременно табак, сахар и мыло, выяснить документально, к сожалению, не удалось, но возможно предполагать, что по состоянию этих продуктов не было причины отказывать в удовлетворении ими.

5 сентября начснабарм 3 сообщает о кризисе с сеном. Хотя некоторый запас его и был в Великих Луках, но перебросить не представлялось возможным, о чем фронт уведомил заблаговременно. Поэтому из ближайшего хранилища было послано только 5 вагонов сена, но это была капля в море, по сравнению с потребностью армии.

Тоже и начснабарм 16 в первых числах сентября уже доносит о сокращении дачи и просит подкрепить армию продовольствием.

Начснабарм, а также член Р. В. С. 4 армии, 8 сентября категорически заявляют, что с продовольствием плохо: нет сена, табаку, овса, жиров и крупы.

Все изложенное подтверждает высказанное выше предположение о „распылении“ продовольственных запасов, которые находились на фронте, но, будучи посланы к войскам, с большим опозданием достигали своего назначения.

Снабжение вещевым имуществом. Общее число состоящих на вещевом довольствии выражалось в следующих цифрах:

в августе	450.000 человек
„ сентябре	450,000 „
„ октябре	474,000 „

Цифра довольствующихся в августе и сентябре взята условно, на основании совещания помглавхозупра, чусозап, начснабзапа и начвоенхозупрзапа, за неимением сведений от армии, а также ввиду перемещения снабжения фронта из Смоленска в Минск и обратно, когда снабжение фронта не могло вести громоздкую работу по учету.

Впоследствии армии дали следующую численность состоящих на довольствии:

На сентябрь—414,000
„ октябрь—360,300

Последняя цифра была определенно неправильна, так как 15-я и 16-я армии включили не все дивизии, входящие в их состав, за неполучением от них сведений.

Удовлетворение вещевым довольствием из центра в июле и августе *) было очень слабо: в сентябре и октябре, вследствие приезда на фронт предреввоенсовета Республики и его приказания удовлет-

*) В августе ничего не высылалось.

ворить фронт вещедовольствием, снабжение таковым значительно повысилось, что видно из приведенных ниже цифр.

Наименование главнейших видов вещедовольствия	Удовлетворение Центром.			
	Июль и Август.		Сентябрь и Октябрь.	
	Колич.	%	Колич.	%
Шинели, полушубки и телогрейки	36.000	9,9%	209.000	89,7%
Рубахи летние и суконные	90.000	36%	124.000	65,3%
Шаровары	73.000		204.000	101,4%
Обувь	76.000	23,8%	161.000	92,2%
Белье (считая по 3 комплекта)	120.000	21%	ок. 220.000	50%

Из местных средств, от Чусозап, войскам фронта в течение августа, сентября и октября месяцев было отпущено следующее количество предметов обмундирования:

НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ.	Количество.		
	Август.	Сентябрь.	Октябрь.
Шинелей	456	24.649	5.842
Походных рубах	—	16.409	19.723
Летних „	36.994	96.185	34.668
Походных шаровар	—	4.134	32.646
Летних „	33.427	115.035	31.264
Обуви	25.650	30.830	49.984
Натбелья	ок. 55.000	ок. 200.000	ок. 60.000
Ватных шаровар	—	16.000	6.684
Полушубков	—	6.700	4.638
Валенок	—	—	3.677

В общем, следует отметить, что до средних чисел сентября снабжение вещевым довольствием было недостаточным, как по состоянию

вещевых запасов, так и по транспортным условиям, что подтверждается неоднократными донесениями начснабармов.

Так, начснабарм 3—28 августа доносит, что ему не во что одеть прибывшее пополнение в числе 8000 человек и что его вещевая база в составе 52 вагонов никак не может прибыть к армии.

Начснабарм 4—2 и 8 сентября также указывает на недостаток в обмундировании, усугубляемый еще тем, что налетом на Кобрин неприятель уничтожил 3000 шинелей.

В период времени с 10 по 23 сентября была предпринята интенсивная переброска обмундирования, доставленного из центра, к войскам специальными маршрутами, сопровождаемыми ответственными партийными работниками.

Армиям было приказано иметь в пунктах прибытия маршрутов приемщиков с необходимыми перевозочными средствами.

В этот промежуток времени армиями было получено следующее количество обмундирования (в абсолютных цифрах):

Наименование главнейших предметов обмундирования.	Количество.			
	3-я армия.	4-я армия.	15-я армия.	16-я армия.
Шинели	9.900	6.900	10.100	13.000
Телогрейки	22.500	13.100	26.200	—
Рубахи суконные	12.300	9.300	29.100	Разных 16.700
Шаровары суконные	10.500	15.800	17.300	21.100
„ ватные	17.200	11.000	20.100	12.800
Обувь	8.300	5.500	20.000	27.500
Нательных рубах, холодных и теплых	43.100	80.000	107.800	146.800
Нательных кальсон, холодных и теплых	30.000	45.000	63.900	113.700

Снабжение артиллерийским имуществом.

Необходимость иметь на готове постоянный запас арт. и огнеприпасов для обеспечения частей, удаляющихся от линии расположения артбаз, вызвала сформирование передовых артогнебаз фронта и головных отделений армий и дивизий.

Эти последние приобрели наиболее важное значение, так как питание частей почти исключительно производилось ими.

Потребность фронта в арт. и огнеприпасах удовлетворялась центром в среднем на 60—70%, достигая в отдельных случаях 100%.

Наиболее вяло происходило снабжение патронами, иностранными винтовками, обозом, упряжью и зарядными ящиками, причем обоз и зарядные ящики, по транспортным условиям, достигали войск в исключительных случаях.

В среднем, ежедневный расход огнеприпасов на единицу выражался в следующих цифрах:

на винтовку— 7 винтпатронов
на пулемет—220—75 „
на 3 дм. орудие—12—11 снарядов
на 48 лн. „ —6,5—6 „
на 42 лн. „ — 4 „
на 6 дм. „ — 5—3 .

Количество винтпатронов и боевых припасов на одну винтовку и одно орудие, состоящее в запасах фронта, к началу операции (1-му августа) во фронтовых запасах выражалось в следующих цифрах:

на винтовку —173 патрона
на 3 дм. орудие—291 снаряд
„ 48 лн. „ —674 „
„ 42 лн. „ —429 „
„ 6 дм. „ —593 „

Такие сведения от армий, как к началу операций, так и в течение ее, к сожалению, получить не удалось.

Расход в боях и потери огнеприпасов за всю кампанию 1920 года выразился в следующем:

винтпатронов	107.972.000 шт.
3 дм. пол. патронов	658.335 „
42 лн. выстрелов	24.608 „
48 лн. „	37.462 „
6 дм. „	26.490 „

В среднем, на дивизию приходилось следующее количество действующего вооружения:

винтовок—4500 шт.
пулеметов—90—65.
3 дм. орудий—19—17.
42 лн. „ —1—0,5.
48 „ „ —1½—1.
6 дм. „ —1.

В общем, потребность в огнеприпасах и, отчасти, в винтовках и пулеметах начала ощущаться к концу операции.

Заключение. Сверх причин, высказанных ранее (июльская операция 1920 г. „Революция и Война“ сборник 11—12—1921 г.), как-то:

1) слабо развитая железнодорожная сеть, недостаток подвижного состава и порча путей;

2) недостаточность и несорганизованность гужевого транспорта;

3) невозможность точно устанавливать местонахождение грузов в пути и слабая связь между органами снабжения, вредно отзывавшаяся на постановке снабжения во время боевых действий, следует отметить еще нижеследующие действия, давшие в итоге отрицательные результаты:

а) если даже войска и значительно продвинулись вперед от линии развертывания, то, учитывая незакрепленность пройденных рубежей и психику малообученного революционного солдата, быстро воодушевляющегося при успехе и падающего духом при неудачах, было бы осторожнее не выдвигать основные базы вперед.

Питание войск следовало бы производить путем постепенной перекидки передовых складов с самыми необходимейшими продуктами и огнеприпасами по линии наступления войск.

б) Не было надобности сдвигать громоздкий снабженческий фронтовый аппарат, парализуя более чем на месяц его работу, гораздо целесообразнее было бы выделение из его состава полевой группы, находящейся при полештарме и выполняющей оперативно-снабженческие задания строевого командования.

в) Необходимо более умело и полно использовывать местные средства для нужд действующих частей (одежда, обоз, продовольствие), ибо опыт достаточно ясно показал, что подать все необходимое из тыла нет ни средств, ни сил и

г) необходимо иметь более гибкие и подвижные армейские и дивизионные (особенно последние) снабженческие органы, могущие следовать за своими частями, выполняя свое прямое назначение по довольствию войск.

Военно-научная жизнь.

Открытие военно-научного клуба при В. Р. С. фронта.

4 марта состоялось открытие военно-научного клуба при В. Р. С. фронта. Присутствовали: командующий войсками фронта, генерального штаба *М. Н. Тухачевский*, член Р. В. С.—*Р. Муклевич* и большое количество приглашенных и членов клуба.

Первое заседание было посвящено организационным вопросам и открылось краткой речью начальника штаба фронта, генерального штаба тов *Меженинова*, указавшего, что главнейшей задачей работы военно-научного клуба является коллективная выработка единого образа мыслей в вопросах, выдвинутых последними войнами—империалистической и гражданской, на почве учета военного и политического опыта, который накопился за годы революции и войны.

Тов. *Муклевич* указывает, что в силу революционного значения Красной Армии, каждому ее бойцу должны быть понятны лозунги, которые она призвана отстаивать. Тем более это касается командного состава—боевого руководителя армии, который должен быть участником политической работы в армии—основы и опоры ее мощи. Сдвиг в отношении интеллигенции к Советской Власти, наблюдаемый, например, в выступлении даже активных ее врагов, ныне призывающих эмиграцию итти в Каноссу, сменить непримиримо-враждебные вехи своей мысли на деловую и дружескую совместную работу с трудящимися, знаменует собою начало участия интеллигенции в просветительной работе в России, облегчает и привлечение комсостава к политической жизни армии. Центром и мозгом предстоящей работы является на Западном фронте военно научный клуб.

На текущих задачах военно-научной работы подробно останавливается тов. *Огородников*.

„На наших глазах—говорит он—прервалась эпоха милитаризма и массовых армий капитализма.

Начинается эпоха классовых войн. Можно предвидеть эпоху движений эксплоатируемых народностей.

Но эпохи не отделены друг от друга резкими гранями. Даже революционные движения мирового значения не могут сразу видоизменить общей картины мира. Военная наука в высших областях стратегии указывает, прежде всего, что современное политическое поло-

жение отличается неустойчивостью, а, соответственно, военное искусство—переходными формами.

Неустойчивость политического положения, во всяком случае, требует одного условия—сильной армии.

Что же касается до переходных форм современного военного искусства, то, разбираясь в них, военная наука говорит нам, что современное положение вещей настойчиво выдвигает, по крайней мере, два принципа, которые получают значение устойчивых:

1) значение классового состава армии,

2) значение техники.

Этими общими началами или принципами военная наука уже определяет общие направления в нашей конкретной и ближайшей задаче, т. е. в подготовке Красной Армии.

Но роль военной науки этим не ограничивается.

Задача всякой прикладной науки не заключается в указании наилучших способов действий, не считаясь со средствами.

Равным образом, задача искусства не состоит в проделывании трудных и особенно ловких „номеров" или в таких приемах, которые годятся лишь в исключительной обстановке. Надо различать прикладную науку и метафизику, искусство и искусственность. Ни метафизика, ни искусственность не могут дать больших результатов.

Является вопрос: не изучает ли военная наука, прежде всего, действительные средства и действительную обстановку и не есть ли искусство лишь наилучшая комбинация наличных средств в данной обстановке для достижения наиболее важной, решительной цели?

Вне сомнения, в таком определении задач военной науки и военного искусства много очень верного.

Если мы посмотрим с этой точки зрения на условия подготовки Красной Армии, то, наряду с положительными сторонами, которые Красная Армия уже успела проявить за последние 4 года, мы увидим много невыгодных сторон и затруднений для ее дальнейшего развития: капиталистическое окружение, материальное преимущество противников, экономическая разруха, несознательность и необразованность народных масс.

Эти отрицательные стороны говорят о затруднениях для военной организации. Но практический вывод из них все же только один—надо иметь сильную армию; напрячь все наличные средства, сосредоточить внимание на подготовке армии, но иметь сильную армию, чтобы наша слабость не служила приманкой для противника.

Мы бедны производством и обменом, но не естественными богатствами. Это только удваивает потребность в сильной армии.

Но, не закрывая глаза на собственные недостатки и на сильные стороны противника, наша военная наука должна особенно внимательно следить также и за слабыми сторонами наших врагов.

„Чтобы разбить противника,—говорит один из военных авторитетов,—нет необходимости сразу отрезать ему руки, ноги, голову,

пронзить грудь, распороть живот: удар дубиной по голове уже обеспечивает победу".

Другими словами, надо следить за чувствительными местами в военной организации противника.

Возьмем для примера новую французскую армию.

Полмиллиона, по штатам мирного времени, 18 месяцев действительной службы, возможность призвать в кратчайший срок 2 возраста, а, в случае полной мобилизации—20 возрастов и еще 10 для тыловой службы.

В минувшую войну во французскую армию было призвано 7 миллионов мужчин, но это было 39% всего мужского населения.

Все оружие техники. Сильная артиллерия. Масса пулеметов и автоматических ружей. Бронемашины. Танки. Могущественная авиация.

Но если мы посмотрим на состав постоянной армии мирного времени, то увидим, что эти полмиллиона состоят: на 1/4 из офицеров и сверхсрочно служащих, т. е. профессиональных бойцов, ландскнехтов, на 1/4 из чернокожих туземцев Северной Африки.

Примерно, лишь на 1/2 из французов.

Таким образом, в самой основе новой военной французской организации мы видим возвращение к принципам наемных армий времен абсолютизма: полудикие цветные солдаты, призванные отстаивать парижских банкиров под звуки марсельезы, последнее отчаянное средство для защиты „капитала". Такой отказ от принципов „вооруженного народа" можно об'яснить только сомнением в возможности мобилизовать для всякой войны не только 20, но и меньшее число возрастов. Опыт в этом направлении уже не удался. Зато удачные опыты подавления новой армией рабочих движений,—несомненно широко раскроют глаза народным массам на ее подлинное или подлое назначение.

Техника может временно обеспечить силу над всяким правом, но при современной культуре невозможно изолировать от нее народные массы. Те и другие средства, так или иначе, окажутся в ее руках. С тех пор, как изобретен порох—упали первые перегородки, знание и культура ослабляют другие.

При всем своем материальном могуществе—военная техника всегда имела и будет иметь некоторые недостатки. Применение ее наиболее совершенных средств зависит от известной обстановки, от известных условий.

Военная наука и военное искусство знают, что только живая, организованная сила может действовать при всякой обстановке и во всяких условиях, а в этом, как известно, один из самых устойчивых принципов войны.

Ученые статистики задолго до мировой войны отметили остановку в естественном приросте населения во Франции. Последняя мировая война, в которой Франция выставила 7 миллионов мужчин и из них потеряла около полутора миллионов, нанесла этому приросту новый удар.

Живая сила французского народа иссякает, вырождается, сливаясь с мелкой мещанской буржуазией. Остаются капитал и техника. Но когда это вырождение продвинется еще дальше, другие „народные“ массы возьмут и технику, и капитал—создание рук рабочего человека.

Вернемся еще раз к высказанному положению о том, что военная наука изучает действительные, наличные средства, а военное искусство находит для них наилучшие комбинации.

Это верно, но не совсем точно. Как наука, так и искусство имеют более широкие перспективы.

Военная наука, в особенности ее специально-технические отделы, неразрывно связаны с общей наукой, а общая наука, по крайней мере в области техники, не знает резкой разницы между тем, что есть в наличности и тем, что может быть.

Изобретательность человеческого ума пока еще далеко не достигла своих границ. Были бы побуждения. То же и в военном искусстве. Оно комбинирует средства, но эти комбинации бесконечны. Иные комбинации, иногда очень простые (настоящее искусство—всегда просто), проведенные внезапно для противника, опрокидывают все его расчеты.

Замечание о „внезапности“ для противника комбинации средств переносит нас в область военной науки, имеющей ныне особенно важное значение, т. е. в область военной психологии.

Мы говорим все время, что одна из важнейших задач военной науки заключается в изучении средств.

Но среди этих средств участвуют не только материальные, но и не материальные—психические или духовные данные, которые в конечном счете решают дело.

Как ни странно, но именно этот отдел наименее разработан в военном отношении. Против современной техники на одной психологии или, как говорит один из наших военных писателей,—на одной дикости далеко не уедешь. С другой стороны, все воспитание, т. е. важнейший из отделов подготовки армии—имеет психологическую основу, а на поле боя психологические основания имеют, если не более, не менее важное значение, чем технический расчет. Даже применение технических средств имеет психическую основу.

Для нашего собрания особенно важное значение имеет психологическое значение самой военной науки.

„Знание дает убежденность, безбоязненность, способность к принятию решения, находчивость. Развивает характер, „создает человека действий“,—говорит Фош. К чему вся энергия, если не хватает образования, чтобы знать, какую цель надо преследовать и какие пути ведут к ее достижению.

Это последнее замечание в особенности относится к нашему революционному периоду и к нашей первоначальной старой Красной Армии, в которой, по крайней мере, не было недостатка в энергии.

Во многом такая же энергия действует и теперь.

Но теперь времена изменяются. Перед нами новая Красная Армия. Командный состав ее отчасти новый, отчасти старый, но с новым настроением.

Нельзя закрывать глаза, что эти настроения иногда носят обывательский характер с уклоном к демобилизации. Если этого нет, то командный состав погружается в беспросветную суету обыденной жизни и работы.

А когда пристальнее всматриваешься в обстановку своей работы, то воображение рисует ему невеселые картины, от которых он ищет развлечения. Задача военно-научной работы—дать ему возможность приподняться над обывательскими настроениями, личными заботами и повседневной рутиной. Дав более широкий кругозор,—осветить наукой темные углы, показать светлые точки на горизонте.

Все мы, в нашей повседневной работе, как будто двигаемся по полу какого-то обширного помещения, на котором замысловатыми и мелкими узорами начертаны рисунки и письмена, раскрывающие настоящее и будущее. Но, оставаясь на полу, мы не можем их разобрать. Чтобы это сделать, надо подняться на некоторую высоту и взглянуть сверху, чтобы уловить общие очертания.

Этот под'ем создаст для нас науку и в этом—одно из его главных назначений.

Сказанное о психологической области военной науки приводит нас, наконец, еще к одному из важнейших и, быть может, самому важному из вопросов подготовки армии.

Этот вопрос—ее политическое воспитание.

Разделение труда по подготовке армии между двумя лагерями спецов—между специалистами политики и специалистами военного дела—противоречит принципу единства руководства.

В основе подготовки армии лежат духовные начала, а в их основе—начала политического воспитания. Таким образом, основы политического воспитания—это основы основ. В них—основные побуждения для службы и боевой деятельности.

С другой стороны, военно-политическое воспитание имеет некоторые свои особые задачи и может не иметь некоторых задач общего политического развития.

Отсюда понятно, какую особую, исключительную для наших дней, важность имеет полная согласованность в армии политического и военного воспитания.

Она сделается возможной тогда, когда лица командного состава сделаются не половинными, а полными воспитателями красноармейской массы, как они и должны быть по принципам военного дела.

Такая задача недостижима никакими кустарными и партизанскими приемами.

Нужна связь с общими принципами государственного строительства, которую может установить только не узко специальная, но

настоящая, современная военная наука, ориентированная по широкому кругозору политической и экономической обстановки, т. е. по кругозору других наук, занятых этими областями.

Отсюда связь военной науки с целым рядом других наук, которая также составляет одну из задач нашего общества"—заканчивает товарищ Огородников.

Последним приветствовал собравшихся член Р. В. С. тов. Новиков, пожелавший военно-научному клубу плодотворной работы на почве товарищеского сотрудничества и идейной спайки*).

По окончании доклада собравшимися был заслушан устав клуба, утвержденный Р. В. С. фронта.

В ближайшем сборнике будет дана программа дальнейшей работы клуба фронта и разработанный им план деятельности военно-научных кружков и клубов периферии фронта.

*) По независящим от нас обстоятельствам редакция лишена возможности сейчас привести чрезвычайно интересную и содержательную речь тов. Тухачевского и сделает это в следующем сборнике. Ред.

Библиография.

„Военная доктрина или мнимо военное доктринерство“.

Л. Троцкий. В. В. Р. С. Госиздат 21 г.

Дискуссия по вопросу о возможности „единой военной доктрины“ Красной Армии, весьма бесформенная в начале—теперь окончательно (повидимому) вылилась в спор о том, какие предстоят нам в дальнейшем войны—оборонительные или наступательные.

Как и самая первичная постановка вопроса о „единой доктрине“ таила в себе элементы метафизической статики, поисков абсолютного, точно также и в теперешней форме его имеется вполне отчетливо устанавливаемый уклон от принципов революционного... марксизма в сторону сугубо революционного идеализма, все с той же примесью неизбежного для идеалистов „абсолютного“.

„Активность“ рабочего класса—исходный тезис и осторожного т. Фрунзе, недоговаривающего, однако (благодаря своей осторожности), до конца; „активность“—исходная точка т. Какурина в его статье о пролетарской стратегии; наконец, эта „активность—“основа и сущность всей „диалектики“ тов. Соломина.

К сожалению, только эта активность представляется в чрезвычайно упрощенном виде. „Рабочий класс—творец революции, он активен, он должен наступать“.... Дальше начинается путаница—как наступать?—в политическом смысле этого слова или в стратегическом. Обязывает ли нас этот вывод разрабатывать и подготовлять план только наступательной (стратегической) войны или, в пределах стратегии, для нас будет, в случае нужды, законна и оборона? И если речь идет только о политическо-наступательном значении войн, то как тогда следует понимать все наши прежние „оборонительные“ войны, которые в конечном счете в несколько раз нас усилили, заставили капиталистов похерить свои принципы, заставили их отступить до Генуи?. Ведь (как будто бы) об‘ективно наша успешная оборона означала наше

усиление за счет ослабления капитализма, иными словами, в наиболее широком смысле слова, она может оцениваться, как „наступление“, как растущая угроза капиталистическому миру.

Но предположим, что вопрос ставится уже. Предположим, что оценивается данная конкретная война, возникшая по инициативе капитала (или нашей), в зависимости от этого являющаяся для капиталистов наступательной, для нас—оборонительной (или наоборот).

Имеем ли мы право в этом случае организовать стратегическое наступление, если война политически оборонительная, или же стратегически обороняться, ведя политически-наступательную войну? Сторонники наступления во что бы то ни стало не отвечают на эти вопросы. Оно и естественно. На них нельзя отвечать иначе, как положительно, что равносильно отказу от задачи создать „единую“ (добавим от себя, абсолютную и незыблемую на долгие времена) доктрину Красной Армии.

Единственное положение (по нашему), не изменяющееся от конкретной обстановки, сводится к тому, что об‘ективно и логически всякая наша борьба—и оборонительная и наступательная, есть наступление революционного рабочего класса на твердыни капитализма. Но это положение, не положение военной доктрины, а политическая роль пролетариата в истории человечества.

Эта его роль отнюдь не обязывает нас к наступлению „во что бы то ни стало“. Напротив, учет конкретной обстановки, мощи капиталистических гигантов, собственной слабости, тяжести мелко-буржуазного привеска—крестьянства, необходимости для нас очень и очень считаться с его идеологией, строить и формулировать свою политику так чтобы она была понятна и близка крестьянину, от которого мы требуем людей и хлеба для армии,—все это заставляет нас определять наши войны как политически оборонительные, как самозащиту трудящихся от нападений помещиков и капиталистов. На самом деле: Можем ли мы теперь расчитывать на большую, чем раньше, поддержку со стороны мирового пролетариата?—как будто бы особых для этого оснований нет. Можем ли мы точно также предполагать, что теперь для крестьянина идея нашего наступления на запад будет более близка, чем раньше, вытеснит собою идею обороны от капиталистического натиска?—как будто бы и для этого основания отсутствуют.

На чем же тогда реальном будем мы строить нашу наступательную политику? На том, что грянет мировая революция, и тогда Красная Армия форсированным маршем поспешит на помощь восставшим рабочим? Или на том, что нашей политико-просветительной и военно-воспитательной работой мы переделаем крестьянина-красноармейца настолько, что он воспылает горячим желанием прокатиться лавиной по Европе под победные звуки „Интернационала“?

Наступать на первом основании мы могли бы и раньше (может быть с большими данными для этого, чем теперь), но не делали этого по совершенно понятной причине. Теперь же, когда мы констатируем замедление темпа развития революции, когда она принимает более

или менее затяжную форму, культивируемое нами наступление было бы очень похожим на попытку ускорить ход развития революции путем искусственного „вспышкопускательства“ (позиция, как известно, осужденная и жизнью и Коминтерном).

Строить же политику на наступлении в расчете на увеличение наших сил путем идеологической обработки крестьянских масс—и есть беспочвенный идеализм, забывающий об экономике и мнящий силой мысли и слова пересоздать мир.

В брошюре „Военная доктрина или мнимо военное доктринерство“ тов. Троцкий, с присущей ему силой и изобразительностью вносит ясность в дискуссию.

Перечисляя (на стр. 13) те элементы, которые могут при желании быть об‘единены в „единую доктрину“, т. Троцкий говорит: „Если кто хочет совокупность принципов и практических методов Красной Армии назвать военной доктриной, то, не разделяя такого пристрастия к блеклым позументам старой оффициальщины, я не стану, однако, из-за этого воевать (моя уклончивость), но если кто осмеливается утверждать, что у нас этих принципиальных начал и практических методов нет, что наша коллективная мысль над этим не работала и не работает, я отвечаю: вы говорите неправду, вы опьяняете себя и других пустословием.

Вместо того, чтобы вопить о „военной доктрине“, вы пред‘явите ее, продемонстрируйте, покажите хоть частицу той военной доктрины, которой недостает Красной Армии.“

Пред‘явить, как выяснилось, нечего и таким образом, в лучшем случае, единая военная доктрина сводится только к некоторой систематизации того, что уже давно имеется.

Выше мы видели, однако, что такой деятельностью „доктринеры“ не удовлетворяются; поиски единой доктрины превратились в проповедь наступления:... „Чего же собственно хотят глашатаи военной доктрины?“ — спрашивает т. Троцкий. „Чтобы мы ориентировали Красную Армию под углом зрения наступательной революционной войны? Хотят ли они голого признания принципа?—Тогда они ломятся в открытую дверь“.... Но дело, понятно, не в этом. „Голый принцип“ признается всеми без исключения и, следовательно, незачем было бы огород городить. Значит они полагают, что в международной и внутренней обстановке наступили такие условия, которые ставят для нас наступательную революционную войну в порядок сегодняшнего дня... „Но тогда наши доктринеры должны направить свои удары не по военному ведомству, а по нашей партии, по Коммунистическому Интернационалу“.

Нелепость такого предположения, логически вытекающего из всей позиции „наступления“ во что бы то ни стало, разоблачает всю ее несерьезность, непродуманность.

Беспощадно вскрывает тов. Троцкий и другое „диалектическое“ приключение доктринеров. Мы говорим о воспитании армии в духе

наступления. „Наряду с мобилизационным запасом сухарей т. Соломин хочет иметь и мобилизационный запас наступательного энтузиазма“. Какой идеалистический взгляд на „воспитание!“—восклицает т. Троцкий. Надо совершенно оторваться от действительности, забыть о мелкобуржуазном окружении, забыть о крестьянском составе нашей армии, для того, чтобы сколько нибудь серьезно основывать на таких, поистине утопических, предположениях какие бы то ни было практические выводы.

Какова же все-таки наша „доктрина“? Какую же все-таки армию должны мы готовить? Тов. Троцкий дает прямой, ясный и исчерпывающий ответ, говоря о нашей ориентировке в отношении Польши (и другим). „Мы, пишет он,.... строжайшим выполнением Рижского договора доказываем.... что мы хотим мира и тем самым содействуем его сохранению“.

„Если, тем не менее, польская военная клика, подталкиваемая французской биржевой кликой обрушится на нас весной, война с нашей стороны будет иметь и по существу и в народном сознании действительно оборонительный характер. Именно это ясное и отчетливое сознание нашей правоты в навязанной нам войне придаст высшую спайку всем элементам армии: и передовому пролетарию-коммунисту и беспартийному, но преданному Красной Армии специалисту и отсталому красноармейцу-крестьянину *и тем лучше всего подготовит нашу армию к инициативному и самоотверженному наступлению в этой оборонительной войне* (курсив наш—М. Л.).

Так вот: не наступательные фантазии военных и не военных, мечтателей, а революционная *оборонительная* война, соответствующая реальной внешней обстановке, соотношению сил внутри страны, всем тем данным, из которых следует исходить во всяком анализе и о которых некоторые товарищи так основательно забыли.

Наша практическая задача, вытекающая отсюда, не сложна. Мы должны обеспечить нашей армии минимум того, что сделает ее боеспособной.

„Все внимание должно быть ныне направлено не на фантазерскую переустройку а на улучшение и утончение.

Правильно доставлять в части пищу, не гноить продуктов, варить хорошие щи, научить истреблять вошь и содержать тело в чистоте, правильно вести занятия и поменьше в комнате, побольше под открытым небом. Толково и конкретно подготовлять политические беседы; снабжать каждого красноармейца служебной книжкой и правильно вести записи; научить чистить винтовки, смазывать сапоги, научить стрельбе, помочь командному составу превратить в свою внутреннюю сущность уставные заповеди о связи, разведке, донесении, охранении; учиться и учить применению к местности; правильно наматывать портянки, чтобы не натереть ноги; еще раз смазывать сапоги—такова наша программа на ближайшую зиму и на ближайшую весну“.

„Кто эту деловую программу назовет в праздничный день военной доктриной—с того не взыщется“,—заканчивает т. Троцкий.

Тем, кому недостаточно классовой пролетарской сути Красной Армии, кто хочет к этому ее революционному содержанию прибавить еще нечто—неудобоформулируемое—тем полезно прочесть брошюру т. Троцкого.

М. Лузгин.

„Современная война.“

А. А. Незнамов. Часть вторая. Москва, 1921. 103 страницы со схемами.

Вторая часть „Современной войны“—А. А. Незнамова является продолжением его труда „Современная война,—часть 1. Действия полевой армии“, изданного в 1912 г. Во второй части исследуются следующие вопросы:

I. План войны:

А. Характер войны.

Б. Силы и средства.

В. Стратегическое развертывание.

II. Роль крепостей в плане войны.

III. Мероприятия общегосударственного порядка.

IV. Войны преднамеренные.

V. Боевая подготовка армии.

Из этих вопросов I и II и ранее были предметом исследования разных авторов по стратегии и достоинство труда А. А. Незнамова в отношении их заключается лишь в большей популярности изложения такой сравнительно трудной материи; вопросы же III—V имеют скромную литературу и потому включение их делает исследование А. А. Незнамова законченным и полным.

По характеру изложения и языку книга вполне доступна пониманию самого широкого круга читателей и может быть с пользой прочтена нашими красными начальниками.

Н.

„Быстрота и выносливость кавалерии."

Бони.

Книжка в 60 страниц, переизданная Высшим Военным Редакционным Советом. Впервые она была выпущена 50 лет назад, как говорится в предисловии. В то время она, вероятно, внесла много нового во взгляды кавалеристов, не привыкших к продолжительным репризам широких аллюров и нуждающихся в доказательствах, что движение галопом на 2500 метров по неровной местности, хотя и должно быть по трудности приравнено к 3500 метрам движения по ровному и твердому грунту, однако доступно для строевых лошадей, но при правильном соблюдении скоростей, показанных в приложенной таблице, т. е. 2200 метров обыкновенным галопом и 300 ускоренным. Теперь кое-что в книжке представляется нам устаревшим и отсталым. Так, например, сообщение, что 5000 метров галопом есть наибольший предел выносливости строевой лошади и соответствует работе целого дня, но, несмотря на это, движение еще возможно, но только шагом, в связи с указанием в приведенной таблице скоростей галопа о том, что 5000 метров следует двигаться только обыкновенным галопом, после чего атака невозможна, кажутся нам теперь немного странными. Наш современный строевой устав указывает, что атака на пехоту производится с расстояния 2-х—4-х верст, а на артиллерию 3—4-х полевым (ускоренным) галопом. Ясно, до атаки придется довольно много проделать движений и после нее тоже, и нетолько шагом, а, преимущественно, живыми аллюрами. На парфорсных охотах в бывшей офицерской кавалерийской школе непрерывный полевой галоп на фронтовых лошадях доводился до 18-ти верст. Примеры быстроты отдельных лошадей теперь тоже уже не производят впечатления. Резвость рысака на 1 километр в одну минуту 50 секунд теперь небольшая, т. к. у нас, даже теперь, с этой резвостью бегут рысаки среднего достоинства и не километр, а версту. Зимние 100 верстные пробеги в Петрограде под верхом выполнялись даже в 4 часа 48 мин. и т. д., словом мы уже ушли вперед за эти 50 лет. Также практика дальних пробегов научила нас, что, для сохранения силы лошади, при быстром движении на большие расстояния, следует избегать резких переходов от учащенного к более медленному биению сердца и обратно. Таким образом, для отдыха и передышки надо переходить в шаг, постепенно сокращая ход, и после постепенно же его прибавлять до ровного маха галопа, чередуя его репризы, постепенными переходами, с репризами рыси. Бони отмечает тоже связь кровообращения и дыхания, но останавливается, главным образом, на исследовании изменений в области дыхания вследствие быстроты движения.

Мнение Бони относительно значения галопа на подготовку лошади расходится с нашим наставлением для выездки кавалерийской ло-

шади. В книге Бони написано, чо этот аллюр не должен употребляться для развития мускулов и легких и что при упражнении галопом силы лошади не увеличиваются, а слабеют. § 143 наставления гласит: „Галоп является естественным аллюром лошади, а потому движение галопом не может принести вреда, но необходимо для развития сил лошади вообще, а главное—ее дыхательных органов".

В общем, книга Бони очень интересна и имеет много ценных и полезных выводов, но для читателя, имеющего достаточную подготовку и современный опыт в конном деле, могущего с разумной критикой разобраться в предлагаемых выводах и почерпнуть действительно нужные и подходящие к современным условиям данные, т. к. Бони пишет отвлеченно о средней лошади, загромождая свою книгу цифрами и вычислениями, как бы рассуждая о сложной машине, но ведь лошадь—живое существо и при ее работе имеют значение индивидуальные качества, степень втянутости и корм, не считая условий грунта, погоды и времени года.

Наиболее ценными в современных условиях являются главы 4—о влиянии груза на выносливость и быстроту, и 5—о влиянии количества и составных частей корма на выносливость лошадей. Но к этому отделу как раз, главным образом, и относится оговорка в предисловии, что он неприемлем для нас. А ведь если сравнивать лошадь с винтовкой, то корм—это заряд. Отличная лошадь при малом корме—то же, что винтовка с прекрасными баллистическими данными, но заряженная патроном с уменьшенным зарядом.

Книга Бони ценна, но для ограниченного числа читателей, тем более, что даваемые ею выводы для ясности нашего понимания должны вычисляться, потому что расстояния показаны в метрах и километрах, а фуражные дачи в килограммах, плохо укладывающихся в наших представлениях.

Всадник.

„Армия и революция".

Научный военно-политический журнал. №№ 4—5. Сент.—октябрь 1921 г. Изд. штаба командующего всеми вооруженными силами на Украине. Харьков.

Довольно об'емистая книжка в 190 стр., очень интересного и разнообразного содержания, затрагивает целый ряд наиболее жизненных современных вопросов.

Номер начинается статьей М. В. Фрунзе—„К реорганизации французской армии", которая заслуживает самого серьезного внимания.

Отмечая вооружения Японии и Америки, разрыв „сердечного согласия“ между Англией и Францией, вооружения Малой Антанты и пр., т. Фрунзе указывает, что „мир вновь стоит накануне побоищ“; он очень далек от „всеобщего счастья и братства народов“; разговоры о разоружении—пустая болтовня; все крупные и мелкие государства с лихорадочной поспешностью занимаются реорганизацией своих вооруженных сил на основании опыта четырехлетней империалистической войны.

При этом, „грызущаяся между собой буржуазия разных стран имеет и общий фронт“. Этот фронт—борьба с Советской Республикой. Все это должно заставить нас призадуматься самым серьезным образом. Нам грозит несомненная опасность оказаться недостаточно подготовленными к неизбежному столкновению. Наши враги готовятся неуклонно, со всей энергией. То же, и еще больше, обязаны делать и мы.

После этого предисловия т. Фрунзе переходит к военным реформам Франции, одного из наших злейших и опаснейших врагов,—самой сильной сухопутной державы не только в Европе, но во всем мире.

Реформа эта вызвана тремя соображениями: опасением восстановления Германии, стремлением вытравить всякую возможность революционных идей внутри Франции и жаждой французской буржуазии избавиться от тягости всеобщей воинской повинности.

Полная реорганизация определяется шестью основными законопроектами: об организации кадров, о составе армии мирного времени, о системе укомплектования и набора, о службе генерального штаба, о положении командного состава и о движении по службе. Наиболее важными и характерными являются первые три.

Сущность новой организации сводится к следующему.

Перед войной 1914—1918 г. г., по закону о 3-х годичной военной службе, французская армия насчитывала около 800.000. По новому закону она установлена в 550.000, вместе с войсками Северной Африки (Тунис, Алжир, Марокко), но не считая других колониальных войск, которых пока будет не менее 100.000, а в ближайшем будущем до 300.000. Таким образом, общая цифра получится прежняя. В случае нужды, армия может быть увеличена призывом двух новых молодых возрастов, а в случае мобилизации—призывом 20-ти возрастов, не считая 10-ти более старых (40—50 лет), предназначенных для тыловой службы (в территориальном резерве).

Срок службы, по новому, определен в 18 месяцев.

Цифра в 550.000 образуется следующим образом: 1) 100.000 сверхсрочных, 2) 20.000 офицеров, 3) 123.000 туземцев Северной Африки и 4) 375.000 призывных (на 18 месяцев).

Излишек в 43.000 предназначается и в колониальные войска, и для пополнения некомплекта, который может образоваться от поступающих на сокращенные сроки службы.

Таким образом, целую четверть армии составляют офицеры и сверхсрочные, которым даются различные преимущества, но зато

они должны быть фундаментом армии и „благонадежным“ орудием в руках правительства.

Другую четверть составляют полудикие, цветные туземцы, которые в руках сверхсрочных должны дать великолепное орудие для борьбы буржуазии с внутренними врагами, т. е. с рабочими. Опыты с подавлением движений текстильных рабочих (в Лалле, Туркцене) были уже сделаны. Но туземцы назначаются лишь в пехоту, кавалерию и тыловые войска; в специальных родах оружия их будет мало.

Организация армии в корне изменяется, путем значительного усиления технических войск (артиллерии, инженерных войск, авиации, бронесил) за счет пехоты и конницы. Сильно увеличивается автотранспорт для переброски резервов. На первый план выдвигается техника и огонь. Особенно увеличивается число пулеметов. „Пулемет стал господином на поле сражения“. Пехоте придаются легкие (37 м. м.) пушки и мортиры.

Число пехотных полков сокращено на 25%, кавалерийских еще больше, за то число артиллерийских полков увеличивается на 33%, усиливается тяжелая артиллерия, вводятся различные специальные орудия, аэрофлот усиливается в 20 раз, создаются особые „химические“ войска, 20 танковых полков.

Заслуживает особого внимания усиление авиации. Будет 2 воздушных дивизии, по 4 авиаполка, сверх того—отдельные полки. Штат мирного времени—32.000 чел., в военное время—300.000. Во французской армии уже теперь несколько десятков тысяч аппаратов различных размеров, с разнообразным вооружением, со скоростью движения свыше 300 километров в час, подымающих до несколько тысяч пудов полезного груза, с радиусом действий в 3.000—4.000 километров, способных производить налеты целыми флотилиями из нескольких тысяч аппаратов и высаживать достаточно сильные дессанты.

Армия располагает также большим числом танков и бронемашин, легких и тяжелых; танки могут двигаться не только по суше,—по всякой местности, зимой и т. п., но и по воде.

Состав пехотного полка значительно изменяется. Сильно возрастает число пулеметов, автоматических ружей и ручных гранат, а также гранат, выбрасываемых при выстреле из винтовок (на 100 шаг).

Придаются, как уже сказано, пушки и мортиры малого калибра, увеличиваются средства связи.

Организация высших соединений изменяется в том смысле, что корпуса в мирное время упраздняются, остаются дивизии прежнего, 4-х полкового, состава, с другими родами войск. Высшим кавалерийским соединением принята дивизия 6-ти полкового состава, по 5 эскадронов, из которых один превращается в запасный. Каждая дивизия заключает 4.000 сабель, группу конной артиллерии из 3-х батарей, отряд стрелков - самокатчиков, отряд бронемашин и легких танков и авиационную группу. Много пулеметов и авто-ружей. Однако, как говорит т. Фрунзе, за армейской конницей не признается самостоя-

тельного стратегического значения. Это заключение основывается на опыте войны, в тех местных условиях, которые преобладают на западе (заселенность, сады, заграждения) и которые сводили конницу на роль ездящей пехоты, как подвижных резервов.

Т. Фрунзе останавливает на всех этих данных внимание рабочего класса во Франции, а также и наше внимание.

Прежде всего, по мнению т. Фрунзе, надо критически отнестись к широко распространяемому у нас мнению, что любая империалистическая армия, в силу классовых противоречий, не может представить прочной силы, отстаивающей буржуазный правопорядок. Не увлекаясь надеждами разложить противника, надо „физически его раздавить".

Наши средства для борьбы с техникой противника, выведенной преимущественно из опыта позиционной войны, т. Фрунзе видит „в развитии и усовершенствовании маневренных способностей, инициативы, подвижности и гибкости всех войсковых соединений."

Надо иметь в виду, что техника требует сложного тылового аппарата и, вообще, исправности всего механизма армии, до последнего винтика и колесика. Отсюда значение действий в тылу противника, организации партизанской войны в широком масштабе. Условия оборонительной войны с нашими пространствами дают возможность заставить противника усвоить желательную нам маневренную тактику. Действительным средством могут быть ночные действия, которым должно быть уделено исключительное внимание.

Но, как говорит т. Фрунзе, на одной „дикости" далеко не уедешь. Надо в известной степени усилить наши технические средства. При всей нашей экономической отсталости, кое-что, не столь уже незначительное, может быть сделано.

По мнению т. Фрунзе, нам необходимо обратить немедленно внимание на три вещи: полковые вспомогательные батареи при пехоте, авиацию и бронесилы. Первая из задач „безусловно выполнима, если только государство поймет всю ее важность". Это разрешит один из труднейших вопросов—о связи пехоты с артиллерией.

Факты из истории гражданской войны (разгром конного корпуса Жлобы, потери первой кон. армии в Львовской операции) показывают, что мы недостаточно учитываем грозное его значение.

Нужна подготовка, но нужны зенитные батареи и авиация. Нужно, чтобы из уст коммунистической партии раздался новый лозунг: „Пролетарий, на воздушного коня!" Надо также развить бронесилы, хотя бы в ущерб и за счет других родов оружия.

В заключение т. Фрунзе останавливается на связи войны и науки, от которой исход будущих столкновений зависит даже более, чем от командования. Надо втянуть немногочисленный учено-технический мир в круг военных вопросов. Одно из средств для этого-военные факультеты, как, например, в Ташкентском университете.

В общем, статья написана с большой убедительностью, с глубоким взглядом на дело.

За статьей т. Фрунзе следует ряд сравнительно небольших статей по отделам:

В отделе „Вопросы строительства Красной Армии“, в статье „Военная Пропаганда“, Вл. Иванов указывает, как военная пропаганда возникла параллельно и в противовес производственной, которая содействовала демобилизационному настроению, в связи с разрухой и хозяйственными задачами. В начале центры (Поармы, Пуокры) слишком развили в этом вопросе „законодательную“ деятельность, но потом стали более прислушиваться к практике на местах. Явился приказ ВСУ о постановке военной пропаганды на Украине и в Крыму от 28 июля, который создал особые бюро военной пропаганды при политорганах из военных специалистов под председательством политработника. Автор заканчивает указанием, что не надо смешивать задачу военной пропаганды с задачей военного обучения. Ее задача только заинтересовать красноармейцев, привлечь их к изучению военного дела.

В статье „Партия и Армия“ т. А. Верхотурский говорит, что в настоящее время стала общим местом мысль об оторванности партии от Красной Армии и „военных коммунистов“. Почти аксиомой является положение, что не только методы и формы агитации и пропаганды в армии должны быть другие, чем „на воле“, но и самое их содержание.

Автор с этим не соглашается, указывая, что содержание и методы пропаганды и агитации, как в армии, так и в рабоче-крестьянских массах одинаково определяются нашими задачами в области экономики, борьбы за Советскую Власть и задачами коммунистического просвещения. Величайшим приобретением для армии является в настоящее время именно то, что красноармеец не теряет своего крестьянского лица и рабочего облика. Надо добиваться полного слияния красноармейца с крестьянином и рабочим. Если армия разлагается—значит крестьянство разложено, значит в подходе к нему нет элементов, спаивающих в нем те или другие прослойки.

Все, что спаивает крестьян, то об'единяет и Красную Армию (в которой крестьян 85 процентов) и обратно. Далее автор говорит о необходимости распространения в армии агрономических сведений, о преимуществе кружковых занятий перед митингами и лекциями. Из приведенных соображений автор выводит, что именно одинаковость методов агитации и пропаганды об'единяют и могут довести до полного слияния гражданские ряды партии и военные партийные организации. Редакция не соглашается с некоторыми положениями автора и ждет обмена мнений.

В том же отделе, в очень ценной статье „Организация Красной Армии“, т. Павлов обращает внимание на недостатки нашей организации, которую „ни в каком случае нельзя считать глубоко продуманной и вполне совершенной“. Главный недостаток—огромные тылы

и незначительные боевые части, неблагоприятное отношение едоков и бойцов. Штабы и тылы во время гражданской войны были расчитаны на штатный состав, которого в действительности не было. По этой же причине весь комсостав, от комбатов и выше, не получил надлежащего опыта в управлении частями штатного состава. По отдаленности штабов от боевых линий непосредственное управление частями в бою находилось в руках менее квалифицированных военспецов, командный же состав более высокой квалификации управлять на месте боя не мог.

Т. Павлов указывает на необходимость приблизить весь комсостав, от комполка до командарма, к месту боя, также на упрочение связи, на подбор высшего комсостава, на разгрузку тылов и сокращение штабов. Во всяком случае, можно вполне согласиться с автором, что хроническое непроведение в жизнь действующих штатов— величайшее зло для армии, недопустимая бюрократическая отписка. Следует приветствовать также требование о сближении всего командного состава с боевыми линиями. В старой армии хорошие начдивы были во время боя в расположении полков. По вопросу о создании Красного генштаба т. Павлов говорит о необходимости пересмотреть состав нашего генштаба и в дальнейшем не допускать к нему подозрений и „снисходительного отношения". Для создания красного комсостава т. Павлов приводит целый ряд положений (14), из которых важнейшие:

1) Все лица комсостава занимают места по своим знаниям, способностям, опыту и доблести, оцениваются специальными комиссиями в центре и округах, повышаются достойнейшие с установлением минимального срока службы в каждом месте, лишаются звания только за преступление, по приговору Р. В. Трибунала или Высшей Государ. Власти.

2) Политработники и комиссары не могут занимать командных должностей, не пройдя курса военной школы или не выдержав испытания.

3) Весь комсостав должен быть на действительной службе, в запасе или в отставке, никаких резервов, „обивающих пороги", не должно быть.

4) Весь комсостав при исполнении служебных обязанностей носит установленную форму, а не принадлежащим к армии ношение одежды военного образца воспретить.

5) Пересмотреть ставки, дать паек высшей рабочей нормы всем членам семьи комсостава, организовать для него дома отдыха, выделить земельный фонд для наделения семей комсостава в трудовой норме.

В отделе „Вопросы тактики" только одна статья,—С. Д. Харламова „Организация разведки в пехоте", обстоятельная и полезная, с примерами из опыта гражданской войны. Едва ли только „разведчики" согласятся с автором, что нужно назначать смешанные партии, с

придачей красноармейцев, как боевой силы. Вполне верно автор подчеркивает выгоду выдвижения не всех разведчиков сразу, но партиями. Резерв нужен и в разведке.

В отделе „Военной техники“ помещена интересная статья В. Юнгмейстера „Воздушный флот в современной войне“, в которой приведена краткая история нашей авиации, примеры из гражданской войны и данные об иностранной авиации. Между прочим, упомянуто о создании в центре особой четверки, под председательством т. Рыкова, с задачей воссоздать Красный воздушный флот. В том же отделе продолжена большая статья Д. Карбышева „Принципы и формы фортификации“.

В отделе „Административно-организационных вопросов“ помещены статьи А. Н. Ушагина „Меры к созданию конского состава“ и М. Рафаил „Украинская трудовая армия“. В первой из них автор справедливо указывает, что от развития государственного коннозаводства и сохранения конских средств на местах ныне зависит судьба не только самого конского дела, но и земледелия, гужевого транспорта, армии, а, следовательно, и самой жизни молодой Советской Республики.

М. Рафаил, подводя итоги украинской трудовой армии, говорит о том, что она была создана при условиях, которые уже изменились, что обслуживающий ее аппарат (штабы, управления, комсостав) непропорционально велик, а потому нужно сосредоточить работу трудармии там, где она себя оправдала, и ликвидировать в других случаях. Так оно теперь уже и сделано.

В отделе „Из Красного Архива“ помещены статьи В. М. Примакова „Рейд червонной казачьей дивизии на г. Стрий (в Галиции) в августе 1920 г.“ и К. Лихоревского „Андреевский конфуз“ (бой с Махно 14 декабря 1920 г. в д. Андреевке, Бердянского уезда). Последняя передает подробности прорыва Махно, несмотря на то, что он был с трех сторон окружен целой армией, а с четвертой приперт к морю. Причины—слабая разведка, оперативные распоряжения издалека и недостаток инициативы частных начальников. Со стороны противника—отличная разведка, находчивость и настойчивость, против которых бессильны одно количественное и даже техническое превосходство.

В отделе „Из опыта империалистической войны“ помещены статьи: Андерса „Применение боевого опыта во французской армии“, Л. Кнохс (вероятно Нокс) „Лодзинская операция в ноябре 1921 г.“ (перевод с английского Д. Ж.) и В. Эллис „Танки в английской армии“ (перевод с анг. Д. Ж.).

В отделе „Наши соседи“ статья Ю. Писарева „Событие на греко-турецком фронте“ передает сведения об этих событиях, о которых мы знаем только из отрывочных и противоречивых газетных сообщений.

Обзор иностранной печати пока не велик, но при современных условиях хорошо уже то, что он есть. В нем, между прочим, интересна

заметка об американском экспедиционном корпусе в Европе в 1917-1918 г.г. по немецким источникам. Из нее, во всяком случае, видно, какое выдающееся значение имело появление против утомленных и не всегда хорошо снабженных немцев—бодрых и свежих, хотя и не столь хорошо обученных американских войск.

Отдел „Библиографии“ представлен очень полно. Кроме особой библиографической справки по вопросу о бандитизме, который имеет уже свою литературу, помещено 24 отзыва о книгах, газетах и журналах. Имеется в виду печатать исчерпывающие указатели источников по отдельным отраслям военно-политических вопросов.

Вообще журнал „Армия и Революция“, по своей программе и по ее исполнению, заслуживает самого широкого распространения.

Ф. Огородников.

„Связь Красной Армии“.

Сборник 1-й, журнал военно-технического совета Уска.

Выпуск сборника надо приветствовать, но содержание его оставляет желать много лучшего: прежде всего, бросается в глаза совершенно лишний и ненужно обширный (110 страниц) стенографический отчет о с'езде начальников связи фронтов, армий и округов. Было-бы проще и нагляднее суммировать наиболее ценные и важные постановления с'езда, не разбрасываясь в деталях; это принесло-бы несомненно более значительную пользу для работников связи и, вообще, для комсостава Красной Армии. Точно также излишне громоздко и, главное, несвоевременно помещение исторического очерка создания связи, как нового рода войск, с центральным органом управления ею—управлением связи Красной Армии. Очерк этот составлен из копий междуведомственных переписок по этому вопросу, без всяких комментарий и даже без каких-бы то ни было исторических примеров, подтверждающих весь тот вред, который был нанесен делу связи в период гражданской войны распылением органов и средств связи и отсутствием централизации управления ею. А таких примеров из истории гражданской войны можно дать очень-очень много.

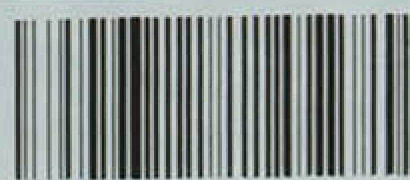
Красной нитью через все доклады работников военной связи с мест проходят жалобы на полнейшее непонимание строевым командованием принципов связи и отсутствия должного внимания к интересам и нуждам ее. Впрочем, следует отметить, что за последнее время, как результат известного приказа Р. В. С. Р. по этому вопросу, указанные явления все реже и реже наблюдаются в Красной Армии.

С интересом читается статья тов. „Б"—„Успехи радио за-границей". В общем, журнал, как первый печатный орган связи, необходимо поддержать, как в интересах самой связи, так и вообще всей армии, ибо в современных маневренных войнах значение связи чрезвычайно велико, и забота о ней является одной из главнейших забот командования. Поэтому признается крайне желательным, чтобы в следующих сборниках журнала были обстоятельно разобраны такие кардинальные вопросы, как: тактика войск связи, разведка связи, связь самолетов с землей, вопросы радиосвязи и ее применения в армии.

Если журнал встанет на указанную точку зрения, он сделается очень нужным и важным подспорьем, как для военных работников связи, так и вообще для всего строевого комсостава Красной Армии.

Г. Михайлов.

B0000003022153